

A woman in a black Victorian-style dress and hat stands in a misty forest. The background is a soft, ethereal landscape with trees and a body of water. The overall mood is mysterious and romantic.

ЛЕДИ, КОТОРАЯ ВЫЖИЛА

ТОМАСИН РАППОЛЬД

UNREAL LOVE BOOKS | ПЕРЕВОДЫ И ТВОРЧЕСТВО
BOOK IN FASHION | КНИГИ, КОТОРЫЕ ВСЕГДА В МОДЕ

ЛЮБОВЬ ВОПРЕКИ ВСЕМУ...

СЕРИЯ «ЕДИНСТВЕННЫЕ ВЫЖИВШИЕ»

Мэдэлайн Саттер когда-то была первой красавицей городка Мисти Лейк, в Нью-Йорке. Но став единственной выжившей в страшной трагедии, она оказалась под подозрением. Отчаянно желая вернуть себе прежнюю жизнь, Мэдди хватается за приглашение на одну из городских вечеринок. Ей нужно доказать всему обществу Мисти Лейк, что она — та самая девушка, которой все когда-то восхищались. Правда, у нее есть одна тайна. После трагедии Мэдди обрела способности целителя. Доктор Джейс Меррик оставил позади шум и праздность большого города, чтобы начать все заново в местечке под названием Мисти Лейк. Как ученый он не может принять на веру слухи, окружающие Мэдди Саттер, и вскоре понимает, что просто очарован красотой и непосредственностью девушки. И когда она предлагает ему фиктивную помолвку, Джейс соглашается стать ее обратным билетом в светское общество — при условии, что она поддержит его новую практику и раскроет ему секрет своего чудесного выздоровления. Но вот один за другим пациенты Джейса тоже начинают исцеляться. Доктору Меррику приходится отбросить в сторону доводы разума и принять необъяснимое... и сдаться на милость любви вопреки всему.

Томасин Раппольд
Леди, которая выжила
Серия: Единственные выжившие — 1

Переводчик: DisCordia

Редактор: Мария Акилина

Вычитка: Ms.Lucifer

Художественное оформление: Ms.Lucifer

Мисти Лейк, Нью-Йорк, 1882

Все хотели, чтобы она умерла вместе с остальными. Мэдди Саттер приняла эту истину уже давно. Но, к ужасу маленького городка, она всё ещё жила и дышала, несмотря на все пожелания.

Распрямив плечи, Мэдди подняла подбородок и зашагала по главной улице. Она чувствовала на себе взгляды десятков пар глаз. Прошло уже три года, и каждый раз это нежелательное внимание заставляло её страдать, хотя, казалось бы, она уже должна была бы привыкнуть к таким вещам.

Мэдди уже смирилась со многим после катастрофы, но ей никогда не смириться со страхом, в который её присутствие повергало тех, кого она знала всю свою жизнь — тех, кто когда-то любил её и заботился о ней.

С глубоким вздохом она приблизилась к группе подростков на углу. Те же насмешники, что встречали её в день её возвращения в Мисти Лейк. Она приготовилась услышать повторение жестокого стиха, который они сочинили в её честь.

— Двенадцатого мая легли в могилу вместе

Тринадцатого мая из гроба встала Мэдди.

Решив не менять направления, Мэдди шагнула прямо к ним. С радостью она увидела, что маленькие негодяи при её приближении разбежались как мыши. Ещё выше задрав подбородок, она прошла вперёд и завернула за угол.

Мэдди вошла в галантерейный магазин, её приветствовал легкий звон колокольчика на двери. Магазин наполнял целый букет запахов. Аромат древесного угля и пчелиного воска смешивался со сладким запахом корицы и яблок. Мэдди наслаждалась воспоминаниями, которые пробудили эти ароматы. Она быстро набирала товар, просматривала полки, подгоняемая шепотом позади себя.

Взяв кулек сахара, мешок муки для выпечки и еще кое-что по списку, она направилась к передней части магазина, где положила выбранное на полированный прилавок.

— Доброе утро, мистер Пьемонт, — сказала Мэдди с улыбкой.

Он вытер руки о пыльный передник и сделал шаг вперед.

— Мэдэлайн.

С коротким кивком мистер Пьемонт опустил мрачный взгляд на товары и начал подсчитывать стоимость покупки.

Улыбка Мэдди исчезла. Мысленно она вернулась в те дни, когда мистер Пьемонт улыбался им в ответ. Прекрасная Пятерка, так их тогда называли, могла очаровать любого. Девушки едва успели сменить короткие платьица на длинные бальные, а уже научились пользоваться своим коллективным умом и красотой в полной мере. Девушки уходили из магазина мистера Пьемонта не с пустыми руками. Добродушный продавец не раз угощал их мятными леденцами на палочке, подмигивая и улыбаясь.

Мэдди сделала глубокий вдох, заставляя себя отвлечься от мыслей о прошлом и катастрофе, которая вырвала её друзей из этого мира. В свои двадцать четыре года Мэдди была живым напоминанием и единственным выжившим в страшной трагедии Мисти Лейк. Люди опасались даже смотреть на неё. И Мэдди не могла их винить. Она сама опасалась.

Мистер Пьемонт быстро упаковывал товар, шелест бумаги заполнял неловкое молчание. Он завернул её покупки и завязал аккуратный сверток шпагатом. Неосознанно рука в веснушках добралась до стоящей рядом банки с конфетами. Положив один мятный леденец на пакет, он пододвинул его к ней, а затем повернулся к полкам на стене позади.

Слезы наполнили глаза Мэдди, когда она посмотрела вниз на красно-полосатый леденец. Единственное напоминание о том, кто она — кем она все еще оставалась. Правда, теперь уже никто не смотрел ей в глаза достаточно долго, чтобы разглядеть прежнюю Мэдди. Она тяжело сглотнула.

— Спасибо, — пробормотала она, обращаясь к спине мистера Пьемонта, потом развернулась и ушла.

Мэдди вышла из магазина и направилась к почте, последнему месту на сегодня, которое намеревалась посетить. Как она и ожидала, письмо от Амелии было уже там. Мэдди решила, что откроет его потом. Её последнее письмо перепугало её, и она знала, что любое публичное проявление эмоций наверняка порадует голодных до сплетен местных кумушек.

Но она могла и не сохранять верность приличиям. Люди уже верили в худшее о ней. Эти редкие поездки в город лишь напоминали ей, что ничего не изменилось.

Сунув письмо в карман юбки, Мэдди направилась на юг по главной улице. К её облегчению, тех парней нигде не было видно. И все равно она поспешила уехать из города. Каждая такая жуткая поездка действовала на нервы, к тому же Мэдди теперь переживала из-за того, что ждет ее в письме Амелии. Она торопилась.

Добравшись до окраины города, она выбрала путь через лес, который оканчивался на большом поле. Ей нравились щебетание птиц и стрекот сверчков. Как всегда после длительной прогулки нога начала болеть, и Мэдди сначала замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась отдохнуть на лугу, принадлежавшем её деду. Усевшись на спиленной березе посреди поляны, она вытянула ногу. Сведенные судорогой мышцы медленно расслаблялись, пока Мэдди наслаждалась спокойствием окружающего леса, легким ветерком, колышущим листву деревьев. Солнце мягко светило, и она подставила лицо его нежным лучам.

Мэдди избегала города всю зиму, укрывшись, как медведь в своей берлоге. Она вышла из затворничества, наполненная глупыми надеждами, но первый бал нового сезона был не лучше, чем последний. Медведя и то бы приняли лучше.

Мэдди вздохнула, признавая поражение, вытащила письмо, которое словно огнем пекло в кармане, и развернула его. Смелые штрихи на нежных кремовых листочках отлично передавали уверенный тон Амелии и её драматический стиль.

Моя милая Мэдс,

Я получила твой отказ, но я отказываюсь принять «нет». Я просто не могу выйти замуж без тебя!

Ты когда-то поклялась быть моей подружкой на свадьбе, и вот настало время исполнить обещание. Моя глубокая любовь и забота о тебе побудили меня настоять на этом.

Прошлое — это прошлое, мой дружочек, и пора оставить его позади. В конце концов, город тоже это сделает. Рассматривай участие в свадебной церемонии как первый шаг обратно, к своей прежней жизни.

Мы прибудем в Мисти Лейк через три недели. Жду встречи с нетерпением.

*Навеки твоя,
Амелия*

Завтрак в животе Мэдди исполнил сальто. О силы небесные, как она может решиться на такое? Никто, кроме Амелии, не хотел бы её там увидеть. Даниэль точно не хотел бы. Лишь мысль о встрече с бывшим женихом и всеми теми, кто мог бросить обвинения ей в лицо, оттолкнуть её... нет. Мэдди не хватит смелости. Амелия не понимала. Да и как могла? Её не было здесь, когда это случилось. Её не было и после.

Что-то зашуршало в лесу. Щурясь от солнца, Мэдди просмотрела в сторону деревьев. На поляну выбежал олень, сделал последний шаг, а затем рухнул на землю. Мэдди ахнула, заметив стрелу, торчащую из его плеча.

Не раздумывая, она подбежала к оленю и упала рядом с ним на колени. Кровь алым ручьём текла из зияющей дыры. Несчастное животное уставилось на неё, широко раскрыв глаза от боли и ужаса.

Мэдди огляделась вокруг, чтобы убедиться, что она одна. Стрела попала в грудь, олень не мог пробежать с такой раной очень далеко. Наверняка охотник поблизости. Взглянув в полные отчаяния глаза оленя, Мэдди отбросила осторожность.

Она схватила стрелу, сжав её так крепко, как только могла. Чертова палка сидела глубоко. Собрав свои силы, Мэдди потянула. Стрела с хрустом прошла сквозь разорванные мышцы и плоть. Выдернув стрелу, она упала на спину. Кровь была повсюду. Отшвырнув стрелу в сторону, Мэдди склонилась над оленем и прижала руки к ране. Кровь сочилась меж пальцев. Жизнь утекала из оленя, теплый поток заполнил крови её нос едким запахом надвигающейся смерти.

Она зажмурилась, чувствуя, как желчь поднимается в горле. За закрытыми веками в темноте замелькали картинки. Повозка, слетевшая с дороги. Несущееся навстречу дерево. Летящие в разные стороны тела. Душераздирающие крики наполнили её уши. Слезы потекли по лицу, когда Мэдди открыла свою душу. Боль, чувство вины бушевали в её душе. В её руках зародилось тепло. Зародилось — и устремилось к умирающему оленю.

Её руки становились все горячее. Сердце забило сильнее, и Мэдди едва могла дышать. Она открыла глаза, глядя сквозь пальцы, как поток крови замедляется, и края раны начинают закрываться. Олень пошевелился, и Мэдди снова упала, задыхаясь и хватая ртом воздух.

Олень вскочил на ноги. Он лишь мельком взглянул на неё, заметался по полю, подняв белый хвостик, как флаг, а потом перепрыгнул березу, на которой она сидела, и исчез в лесу. Мэдди прерывисто вдохнула. Стук сердца в голове стал тише. Это был момент, который наполнял её осознанием того, что выжила она не зря.

Она очнулась после катастрофы со способностью исцелять раны. Эта сила помогла ей выжить, не лишиться разума. Тайнственный дар был её единственным спасением, благодаря ему, она чувствовала, что живет не зря, хоть и оказалась потеряна где-то между небом и землей. Этот дар Мэдди должна была скрывать, если хотела когда-нибудь вернуть себе хоть какое-то подобие нормальной жизни.

— Эй, там!

Мэдди развернулась в сторону голоса, раздавшегося со стороны деревьев. На поляну вышел молодой человек с большим луком в руках. С проклятием она заставила себя подняться на ноги и повернулась к нему спиной. Яростно вытирая испачканные кровью руки

о ткань коричневой юбки, Мэдди пыталась одновременно обрести самообладание и придумать объяснение.

Сделав резкий вдох, она повернулась к мужчине. Он остановился, пораженный её видом.

— С вами все в порядке? — мужчина бросился к ней. — Вы ранены?

— Я в порядке, — сказала она, пятясь от высокого незнакомца.

Он взглянул вниз, на лужу свежей крови под ногами, потом оглянулся в поисках оленя.

— Какого черта тут случилось? Где олень?

Мэдди указала в сторону деревьев.

— Он побежал в лес.

— Он все еще жив? — голубые глаза сузились. — Невозможно. Это был смертельный выстрел.

— К сожалению, для оленя вы оказались не настолько точны, — Мэдди заметила, как он замер. — Вам показалось, что вы ранили его смертельно, — добавила она с гневным кивком. — Ваш выстрел только заставил животное страдать. Вы попали ему в бок. Я вынула стрелу, чтобы уменьшить боль.

Его брови взметнулись вверх.

— Вы вынули... вы в своем уме? — он уставился на Мэдди в недоумении. — Но зачем?

— Мне стало жаль, оно бы мучилось, — ответила она. — И я уверяю вас, я в своем уме.

Мужчина, казалось, не совсем поверил ее последним словам. Опустив подбородок, он сдернул с головы шляпу и почесал свою темноволосую голову.

— Я мог бы поклясться, что попал...

Взъерошенные черные волосы блестели в солнечном свете, когда мужчина наклонился за стрелой.

— Вы вытащили её, говорите?

Он осмотрел клочки шерсти, прилипшие к стреле. Мужчина казался явно расстроенным. Мэдди видела это в его глазах. Ей надо было поскорее избавиться от него.

— Ваш олень ранен, но он далеко не уйдет, — она кивком головы указала в сторону деревьев. — Вам следует поторопиться.

Проигнорировав её предложение, он сделал шаг вперед.

— Как вас зовут? — мужчина бросил стрелу, его взгляд замер на её окровавленных руках. Забравшись рукой в карман пальто, он вытащил оттуда платок. Потом схватил её за запястье и попытался вытереть кровь.

Мэдди отдернула руку.

— Меня зовут Мэдэлайн Саттер, и я могу сделать это сама.

Нахмурившись, мужчина протянул ей платок.

— Я — Джейс Меррик, мисс Саттер. Я принял практику доктора Филмора. Он ушёл на пенсию.

Новость удивила её. Филмору исполнилось восемьдесят лет, и Мэдди знала, что он скорее умрёт, чем снимет с шеи стетоскоп. Она была в равной степени удивлена замене. Очевидно, этот новый врач — любитель охоты. Разве врачи не должны стараться сохранить жизнь? Не то, чтобы Филмор старался сохранить её жизнь. Он объявил её мертвой. Мэдди потеряла ладони.

— Как вовремя старый дурень ушел на пенсию, — пробормотала она.

Отбросив прочь мысли о докторе Филморе, она сосредоточилась на стоящем перед ней

человеке. Джейс Меррик выглядел внушительно, но одет он был совсем не так, как обычно одевались доктора. Коричневые брюки были заправлены в большие сапоги, а зеленая фланелевая рубашка выглядывала из распахнутого твидового пальто.

И все же, даже в охотничьем наряде, мужчина выглядел впечатляюще. «Неприлично привлекательный», — подумала Мэдди. Он казался выше, чем большинство ее знакомых мужчин, несомненно, выше, чем Даниэль. Плечи доктора были шире, чем плечи Даниэля. Желание забило крылышками в ее животе.

И от этого странного ощущения Мэдди взяла оторопь. Она выпрямила спину, пытаясь взять себя в руки, пытаясь не увлечься симпатичным незнакомцем. Она знала слишком хорошо, как человек в медицинском халате может разрушить жизнь. Строгий голос врача вывел Мэдди из задумчивости.

— Дикие животные могут быть опасны, мисс Саттер. Особенно, когда они ранены. Вам повезло, но я бы посоветовал вам не рисковать так в будущем.

— Я ценю ваши советы, доктор Меррик, и у меня есть парочка советов для вас, — она сделала шаг вперед. — На землях Саттеров охота запрещена, и потому, пожалуйста, планируйте свои убийства в другом месте.

Она закончила обтирать руки и отдала ему окровавленный платок.

— А теперь собирайте свое добро и убирайтесь с моей земли.

* * *

Джейс моргнул, уставившись на женщину. Что бы он ни сделал, чтобы заслужить ее враждебность, он, очевидно, сделал это хорошо.

— Это ваша собственность?

— Моя семья владеет двенадцатью акрами земли. Охота запрещена на всей земле.

Её позвоночник одеревенел, как древко метлы. Выбившись из-под простой соломенной шляпке, пряди темных волос упали на красивое лицо. Золотые искры засверкали в её глазах, в голосе зазвучало негодование.

— Мой дед делает исключения только в случаях необходимости, — она оглядела его с головы до ног. — Поскольку в городе есть несколько мест, где можно поесть, а вы явно не голодали, можете продолжить свой спорт в другом месте.

— В свою защиту, мисс Саттер, скажу, что эта охота была необходима.

— Это как?

Его проблемы её не касались, но вызов в её голосе заставил Джейса рассказать.

— Ваша пожилая соседка, миссис Трмонт, моя пациентка. Её вес резко снизился, как и ее аппетит.

Ее самодовольный тон исчез.

— Я сожалею, — пробормотала она огорченно.

— Кажется, свежая оленина идет ей на пользу. Я извиняюсь за вторжение, но это было необходимо.

Она опустила глаза, и Джейс почувствовал удовлетворение оттого, что осадил её.

— Если бы вы не помогли сбежать моему оленю, у меня бы не было причин ошиваться здесь. На вашей земле, — добавил он намеренно четко.

— Ну, не позволяйте мне тогда вас задерживать, — отрезала она. — Удачи с миссис Тремонт.

Её твердый взгляд снова смягчился, как и резкость в голосе.

— Пожалуйста, передайте ей от меня наилучшие пожелания.

Подняв подбородок, девушка взяла стоящую рядом с бревном корзинку, а затем поспешила прочь. Джейс смотрел ей вслед, наслаждаясь видом. Она держала голову высоко, поза выражала решительность и гордость. Роста она была небольшого, но фигурка была красивая. Пышная грудь, тонкая талия, приятный зад.

Конечно, пришлось разглядывать залитое кровью платье, чтобы оценить то, что скрывалось под ним, но для него, как для врача, проблем с этим не было. Её стройная фигура быстро удалялась вниз по тропинке через поле, а потом шаг, казалось, замедлился. Джейс заметил легкую хромоту, хотя с этого расстояния не мог быть уверен.

— Мэдэлайн Саттер, — пробормотал он, покачивая головой.

Какая женщина стала бы вытаскивать стрелу из умирающего оленя?

Джейс уже встречал местных чудачков, он провел в городе почти месяц, но не встречал никого, похожего на мисс Саттер. Отведя взгляд от силуэта девушки, он присел на корточки перед пятном крови.

Количество крови и её ярко-алый цвет позволили Джейсу согласиться с мнением мисс Саттер о ситуации. Зверь истек бы кровью до смерти. Он должен был быть мертв к моменту, когда она его заметила, не говоря уже о том, что и речи не шло об извлечении стрелы. Откуда олень нашел в себе силы двигаться дальше, Джейс не знал, но он знал, что с таким ранением он умрет очень скоро. Как опытный охотник, Джейс решил разузнать, в чем дело.

Он ещё раз оглядел стрелу. Зацепившиеся за неё волоски были грубые, темно-серые с темными кончиками и около двух дюймов в длину. Все говорило о том, что стрела попала в грудь, а не в бок, как говорила девушка.

Джейс покачал головой и поднялся на ноги, решив выследить оленя. Он узнает правду уже скоро, раненый олень не уйдет далеко. Миссис Тремонт был нужен белок. Поскольку у женщины не было ни мужа, ни сыновей, Джейс будет делать то, что должен.

Уже первый вызов на дом дал ему понять, что в обязанности врача Мисти Лейк входит гораздо больше забот о каждом пациенте, чем это могло бы быть в больнице где-нибудь в Питтсбурге. Хотя его практика пока официально не была открыта, он уже познал ад экстренной медицины — и бесконечные страдания, льющиеся через широкие двойные двери — и все это составляло разительный контраст с тем, что творилось здесь. Он может внести реальный вклад в медицину Мисти Лейк, а не просто лечить богатых посетителей. Здесь у него было время сосредоточиться на каждом случае, на каждом пациенте без этих «выпроводи-его-поскорее» указаний, которыми руководствовались большие больницы. Ему нужна была передышка от череды бесконечных трагедий.

Глубоко вдыхая, Джейс отогнал от себя воспоминания о прошлом: о своей стажировке в городе и об удушающей безысходности, которая пришла вместе с ее началом. Напоенный сосновым ароматом ветерок коснулся его обоняния и вернул обратно в настоящее. Красота вокруг улучшила его настроение. Не было ничего лучше лесной прогулки в единении с природой, чтобы напомнить, что он все еще жив.

Возможно, он мог бы найти что-нибудь интересное здесь, чтобы отвлечься от мыслей о беспросветной городской жизни, и дела наверняка пойдут лучше. Не то чтобы это теперь имело значение. Он принял решение заняться этой практикой, и он намеревался добиться

успеха и карьерного роста. Джейс знал, что любому незнакомцу следует ожидать некоторой изначальной враждебности и скептицизма от жителей Мисти Лейк. Мисс Саттер просто вела себя так, как повел бы себя любой, в чью собственность вторгся чужак.

Отмахнувшись от кружащего над головой слепня, Джейс сделал несколько шагов в направлении, куда побежал, по словам мисс Саттер, олень, ища кровавый след, который привел бы его к жертве. Кровавые отпечатки копыт вели вниз с пригорка. Наклонившись, Джейс проследил путь оленя до березового полена.

— Какого?..

Ни единой капельки крови вокруг не было. Рана что, просто зажила? Он почесал затылок, оглядываясь вокруг. Может, кровотечение и стало меньше, но чтобы рана затянулась? Нелепо. Должно быть логическое объяснение. Всегда было. Как человек науки, Джейс знал, что всему есть разумное объяснение.

Он снова оглядел полусгнившее бревно и увидел, как что-то трепыхается на земле позади него. Джейс потянулся за листом бумаги, повисшим на кусте. Мисс Саттер? Он поднял его и с интересом прочитал письмо, которое действительно было адресовано ей.

Прошлое — это прошлое, мой дружочек, и пора оставить его позади. В конце концов, город тоже это сделает.

Кем была эта странная женщина, которую он обнаружил в этой глуши? Женщина, которая отказалась присутствовать на свадьбе своей подруги, но не побоялась вытащить стрелу из раненого оленя и спорить с мужчиной в два раза выше себя?

Мэдэлайн Саттер заинтриговала его, а его интриговала далеко не каждая женщина. Джейс надеялся, что сможет снова встретиться с ней. Он посмотрел через поле в сторону тропинки. Разузнать её адрес не составит труда. А письмо станет идеальным поводом для визита. Да, оленя лучше оставить в покое

Джейс собрал свои вещи и направился в сторону леса.

Вернувшись в город, он хотел порасспрашивать о девушке. Кем бы она ни была, он должен узнать о ней больше.

К счастью, дома Мэдди встретила тишина. Была суббота, и Ретта наверняка занималась стиркой. Эхо ударов топора сказало ей, что Гил на заднем дворе, колет дрова. Дедушка спал, как обычно в полдень, так что Мэдди ничего не стоило проникнуть в свою комнату незамеченной. Ей нужно было переодеться, а объяснять прислуге или дедушке, почему платье в крови, не было сил.

Несмотря на больную ногу, Мэдди почти бегом пронеслась вверх по широкой лестнице в свою комнату в конце холла. Тихо закрыв за собой дверь, она выдохнула с облегчением. Солнечные лучи заливали комнату, даря тепло. В этой комнате она всегда чувствовала себя в безопасности. За то время, пока она выздоравливала и лежала целыми днями в постели, разглядывая стены, Мэдди успела выучить каждую розочку на обоях в цветочек, каждый листочек деревца в кадучке у кровати. В этой комнате она радовалась жизни, эта комната видела её разбитой вдребезги.

Плюшевые ковры смягчали падение — а ей пришлось постараться, заставляя свои разбитые ноги ходить. Доктор Филмор настаивал на трости и говорил, что Мэдди нужно смириться с хромотой. Пуховые подушки помнили слёзы боли и разочарования — иногда ей казалось, что доктор прав и все впустую. Они заглушали её крики во время ночных кошмаров и убаюкивали, когда она плакала так долго, что засыпала. Толстые портьеры заслоняли комнату от внешнего мира, который Мэдди тогда просто боялась снова увидеть.

В безопасности спальни и окружении привычной мебели время словно остановилось. Воспоминания о жизни до несчастного случая, о подругах, о весёлых временах, казалось, прятались в каждом углу. В тиши этих стен она могла наслаждаться счастливыми воспоминаниями и снова и снова переживать плохие, не двигаясь вперёд. Эта спальня хранила её прошлое. Утраченные мечты. Её секреты.

Быстро раздевшись, Мэдди скомкала испачканное платье и туфли и засунула их в наволочку. Потом убрала сверток в высокий шкаф и плотно закрыла дверцы. Надо избавиться от улик при первой возможности. Конечно, Ретта не позволит ничему пройти мимо её бдительного ока, но Мэдди думала, что ей удастся что-нибудь придумать.

Она отмыла руки, потом переделалась в чистое дневное платье и туфли. Обессиленная, плюхнулась в большое кресло у окна. Боль в ноге усилилась, но Мэдди уже привыкла к тому, что та постоянно болит. Откинувшись в кресле, она закрыла глаза. Её мысли вернулись к доктору Меррику.

Джейс.

Дыхание Мэдди сбилось. Его прекрасное лицо предстало перед её мысленным взором как живое. И мускулистое тело.

На мгновение в лесу, ничего не зная о её прошлом, он увидел в ней женщину. Она почувствовала его осознание — этот особый блеск, который вспыхивает в глазах людей, когда они видят что-то, что им нравится. Конечно, их перебранка по поводу оленя быстро погасила этот блеск, но Мэдди всё равно ощущала притяжение.

Уже давно мужчины не смотрели на неё так. И еще дольше она не чувствовала чью-то симпатию. Неожиданная встреча напомнила ей, как много она упускала — и как много ей не хватало. Она позволила себе насладиться моментом, ощутить, как это здорово — чувствовать себя желанной.

Мэдди открыла глаза, хмурясь. И почему она всё ещё думает о Джейсе? Он ведь врач. Угроза. Может, страх и привлек её в нем? Она видела сомнение в его умных глазах, когда рассказала историю про раненого оленя. Его предположения, то, как он осмотрел стрелу, говорили о том, что Джейс — человек, который не склонен верить всему, что видит, человек, который ищет ответы. Человек, который бы сделал всё, чтобы их получить.

Мэдди предполагала, что он всё ещё там, в лесу, пытается охотиться. Она приняла его за глупца, а он, оказывается, пытался помочь миссис Трмонт. Мэдди ощущала себя виноватой за его неудачу.

Впервые Мэдди задумалась о своём даре в таком ключе. Она никогда прежде даже не предполагала, что её странные способности могут не только помогать, но и вредить. Она никогда особо не раздумывала над своими поступками — просто действовала, эмоционально, инстинктивно. Спасла оленя, оживила воробья, который врезался в оконное стекло террасы, котенка, который застрял в двери конюшни и сломал шею. Могли ли эти акты сострадания обернуться неизвестными ей доселе последствиями? И что с её намерением исцелить дедушку?

Она почувствовала уныние от таких мыслей. Чертов Джейс Меррик отнял у неё единственный источник радости в этой жизни. Талант исцеления — это всё, что было у Мэдди, но внезапно, благодаря одному нарушителю границ чужих владений, она начала задаваться вопросом, а было ли это действительно благословением.

Час спустя Мэдди спустилась в столовую на обед. Дедушка уже сидел во главе длинного стола, наслаждаясь своим обеденным портвейном. Он казался настоящим карликом из сказок, сидя в своем кресле с высокой спинкой. Поверженный колосс — хрупкий и одинокий.

Мэдди проглотила комок в горле. Его ухудшающееся здоровье было нельзя исправить её способностями, но то, что они обедали и ужинали за пустым столом вот уже три года, несомненно, было её виной.

— Здравствуй, дедушка, — сказала Мэдди, усаживаясь справа от него.

Дедушка поднял свой стакан в знак приветствия, сделал глоток. Его впалые щёки казались бледными. Мэдди с трудом подавила желание спросить, как он себя чувствует — они договорились, что этот вопрос она задает не чаще раза в день. Но с каждым днем держать обещание становится всё труднее. Что она будет делать без этого старого упряма?

Она почти была готова поддаться искушению — и предложить деду обратиться к новому доктору. Но домашняя прислуга держала его в курсе городских новостей, и Мэдди сильно подозревала, что старый умник уже знает о Джейсе Меррике. И просто решил держаться подальше от того, кто может раскрыть тайну его любимой внучки.

— Эх, Мэдди. По твоему кислому лицу видно, что ты наконец-то получила ответ от Амелии, — сказал он.

Она кивнула, радуясь возможности отвлечься на что-то менее тревожное. В сравнении с опасениями за здоровье дедушки ультиматум Амелии был мелочью.

— Она отказывается принять мои извинения.

Он улыбнулся. Глаза под кустистыми седыми бровями блеснули.

— Меня это не удивляет, — дедушка отставил стакан, пальцы его дрожали от усилий. — Меня удивляет, что Хоглы позволили ей пригласить тебя.

— О, ты же знаешь Амелию, — сказала Мэдди со вздохом. — Она, наверное, отказалась проводить свадьбу в Мисти Лейк, если меня не будет в числе приглашенных. Она любит

Лестера Хогла, но хочет, чтобы я была там. И Амелия всегда получает то, чего хочет.

— Это уж точно! Она вертит этим мальчишкой, как хочет.

Взрыв дедовского смеха закончился приступом тяжелого кашля. Несмотря на его слова о том, что всё нормально, эти приступы все учащались. Сердце бабушки слабело, и его состояние ухудшалось все быстрее. Мэдди старалась изо всех сил, применяя свои силы для его исцеления, но было все более очевидно, что её вечерние ритуалы не помогали. Из-за малокровия бабушка казался желтоватым, грудь и конечности отекали, и теперь этот хронический кашель.

Мэдди сидела, как на иголках, пока бабушка пытался отдышаться. Он не хотел, чтобы над ним тряслись. С трудом соглашался помазаться мазью, которую Мэдди использовала, чтобы замаскировать свои попытки его исцелить. В свои семьдесят два года бабушка по-прежнему был горд, как и в молодости. Эта гордость в своё время помогла ему нажить состояние.

Вытерев рот салфеткой, он откашлялся, а затем продолжил, как ни в чём не бывало.

— Тогда решено. Ты поедешь.

— Я должна. Ради Амелии, — она вздохнула. — Ради девочек.

Он потянулся за бокалом. Мэдди редко упоминала при нем катастрофу; это было просто ни к чему. Дед оплакивал трагедию по-своему, молча и не желая смириться — и он бы хотел, чтобы она сделала то же самое. Пока Мэдди не оправилась, он постоянно был рядом. Ей пришлось прятать своё горе.

Ей не нравилось, что она всё ещё питала какие-то обиды по поводу этого глупого молчания. Особенно сейчас, когда здоровье бабушки было не ахти. Она любила его всем сердцем, но он сам создал между ними натянутые отношения, отказавшись обсуждать произошедшее. Пытаясь, игнорировать обиду, Мэдди всё ещё чувствовала боль от невысказанных слов. Они, казалось, сочились сквозь каждую щель в её одинокой душе.

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем она снова заговорила:

— Пастор Хогл будет на свадьбе.

Дед нахмурился.

— Черт с пастором Хоглом.

— И Даниэль.

— Черт с ним тоже, — он сделал ещё глоток портвейна. — Тебе нужно собраться с силами, девочка, и ты сможешь.

Бабушка говорил правду резко и в глаза, и она была благодарна за это.

— Я полагаю, ты можешь написать кузену Марвину, — сказала Мэдди.

Он опустил усталый взгляд в бокал.

— О Марвине... — бабушка изучал содержимое бокала так тщательно, словно там был ответ. Длительная пауза дала Мэдди понять, что что-то не так. — Марвин не сможет поехать с тобой.

Её сердце сжалось.

— Он уехал в Париж на прошлой неделе. Но, возможно, я мог бы...

— Нет, бабушка, нельзя. Я люблю тебя и безумно благодарна, но я не позволю тебе ставить под угрозу своё здоровье. Там будет куча народу, а это тебе всегда не нравилось.

Он не стал спорить. У него не было сил даже спорить, а уж тем более присутствовать на свадьбе. Амелия написала о своих планах. Поход по магазинам, пикник на берегу озера, ужин, репетиция церемонии и танцы. В другой жизни Мэдди с удовольствием бы посетила

каждую вечеринку по два раза без единого сомнения. Но теперь все это казалось таким лишним.

Дедушка кивнул в знак капитуляции.

— Да, танцую я немного не так, как раньше, — пошутил он. — Придумаем другой план.

Да, из-за Марвина придется. Не то чтобы она могла винить кузена за то, что он предпочел блеск Парижа сомнительному удовольствию сопровождать её на какой-то провинциальной свадьбе.

— Мы придумаем, — она улыбнулась с фальшивым оптимизмом. *И у нас для этого есть всего четыре недели.*

* * *

Джейс был рад видеть, что миссис Тремонт ест принесенную им от Ле Туми оленину. Отказавшись от поисков оленя в то утро, он попросил у Ле в качестве оплаты за заштопанный палец два фунта свежей оленины. Если бы Джейс знал, что у Ле Туми всегда имеется достаточный запас свежей дичи, он попросил бы раньше, вместо того чтобы тратить весь день на поиски животного, которое растворилось в воздухе. Но тогда он не встретил бы девушку, которую теперь не мог выбросить из головы.

В ней было что-то завораживающее. Эти карие глаза и румяные щёки. Эти губы. Нежное личико контрастировало с жесткой линией плеч и гордо поднятым подбородком. Джейс не мог вспомнить, когда был так заинтригован женщиной. Бесстрашие было редким качеством в женщине, но мисс Саттер, казалось, обладала им в избытке.

Он явно задел её за живое, поставив под сомнение её слова. Но какого дьявола она ожидала после своего безрассудного поведения? Их странная встреча запомнилась ему, но знакомство прошло неудачно. Ещё более странным было то, что Джейс уже месяц жил в Мисти Лейк, а столкнулся с Мэдэлайн Саттер только сегодня. В буквальном смысле столкнулся.

Городок был полон гостей из столицы. Но Мэдэлайн Саттер была местной. Даже жителям дальней окраины города уже удалось утолить своё любопытство по поводу нового доктора, заглянув к нему в кабинет или — случайно — столкнувшись с ним где-то на улице.

Джейс оглядел кухню деревянного дома миссис Тремонт. Интересно, как выглядит дом мисс Саттер. Его любопытство уже прорывалось наружу.

— Сегодня утром я встретил здесь соседку, — сказал он. — Мэдэлайн Саттер.

Миссис Тремонт перестала жевать, затем проглотила.

— О, понятно.

Не совсем такого ответа он ожидал.

— Она попросила меня передать вам свои наилучшие пожелания.

Поджав губы, миссис Тремонт насадила кусочек мяса на вилку и отправила в рот.

Джейс ждал, пока она прожует и продолжит, но женщина молчала. Её молчание интриговало его.

— Она живет со своей бабушкой? — настойчиво спросил он.

Она нахмурилась, глаза утонули в море глубоких морщин.

— Адам Саттер должен был отослать её подальше после того происшествия. Было бы

лучше для всех, включая саму девушку.

— Несчастный случай?

— Перевернулась коляска, три года назад. Страшнее катастрофы город не знал, — голос миссис Тремонт стал тише и печальнее. — Мэдэлайн Саттер была одой из четырех девушек, сидевших в коляске, когда она врезалась в дерево.

Миссис Тремонт проткнула мясо вилкой.

— Все четверо погибли.

Джейс наклонил голову, размышляя, а правильно ли он всё услышал.

— Но вы сказали, что она была одной из четырех.

— Она тоже умерла.

Джейс моргнул.

— Миссис Тремонт, это не имеет смысла, — сказал он, качая головой.

— Имеет или нет, но она была холодна, как могильная плита, и лежала вместе с остальными до следующего дня.

Он наклонился вперед.

— А что произошло на следующий день?

— Она открыла глаза.

Всемогущий Христос. Джейс откинулся на спинку сиденья. Он читал о таких экстраординарных случаях, когда человек впадал в кому и просыпался после нескольких дней, иногда недель такого состояния. Но таких пациентов не признавали мертвыми.

Думая об этом, Джейс понимал, что в таком удаленном городке, как Мисти Лейк, о подобных случаях вряд ли знали. Если происшествие уносило несколько жизней, начинался настоящий хаос. Истеричные родственники и случайные прохожие часто затрудняли постановку диагноза и оказание помощи. Особенно в маленькой общине, как эта, где врач знал жертв и их семьи лично. Конечно, доктор Филмор мог упустить из виду пульс Мэдэлайн.

Джейс затаил дыхание, когда представил себе сцену.

— Это, должно быть, был настоящий шок.

— Это было ужасно, — согласилась женщина. Закрыв глаза от воспоминаний, она передернулась. — Чтобы кто-то вернулся из мертвых вот так...

Он замер от этих слов. Миссис Тремонт, конечно, была немного эмоциональной, но не могла же она считать так всерьез.

— Мэм, вы понимаете, что врач ошибся? — Джейс замолчал. — Ведь так?

Она ткнула в него костлявым пальцем.

— Вы, молодой человек, чужой в Мисти Лейк. Доктор Бенджамин Филмор — один из нас. На протяжении тридцати лет он заботился о городе, помогал нам пройти через тиф и холеру, и другие худые времена нашей жизни. Он помогал нашим детям прийти в этот мир и облегчал страдания уходящих. Он не мог сделать такую ошибку, и вы не докажете мне обратное. Не в моем доме.

Она встала из-за стола так быстро, что это его изумило. Вернулась с кофейником и наполнила свою чашку.

— Доктор Филмор был поражен её воскресением, как и все мы.

— Воскресе... — Джейс оборвал себя, пока не вспыхнул. Злость и неверие одолевали его. — Так это назвал доктор?

Миссис Тремонт пожалала плечами.

— Так все считали. Сначала.

— Что вы имеете в виду?

Она взяла вилку и снова ткнула в кусок мяса на тарелке.

— Её нога была сломана. Доктор Филмор сказал, что девушка не будет нормально ходить. Никогда. Доктор Рид из Стивентауна согласился с ним. Никто не видел её в течение нескольких месяцев после аварии. Она даже от лечения отказалась. А потом в один прекрасный день она приходит в церковь, на своих ногах. Порхает, как птичка.

— Она поправилась? — удивлению Джейса не было предела, но оно увяло, когда он понял, куда все ведет. — И?

Нетерпеливо вздохнув, миссис Тремонт пояснила. Видимо, заявила она, ее гость слишком наивен, чтобы догадаться.

— Доктор Меррик, молния не бьет дважды в одно место. Так же и с чудесами, — она взмахнула вилкой. — Что-то неестественное есть во всем этом. Пастор Хогл так и сказал, когда девушка пришла на службу. «Пути господни неисповедимы», — сказал он. Так же, как и пути дьявола.

* * *

Вернувшись домой несколько часов спустя, Джейс всё ещё пылал от ярости. Как он узнал, весь город разделял мнение миссис Тремонт о Мэдэлайн Саттер. Не думаете же вы, что уважаемый пастор Мисти Лейк оклеветал невинную! Слухи о странном излечении Мэдэлайн были достаточно злы и без вмешательства Хогла. Вмешательство церкви просто отполировало эти сплетни до блеска.

Дочь пастора была одной из погибших в аварии — но горе было плохим оправданием для действий Хогла. Как мог человек веры скормить своей преданной пастве такую чушь?

Джейс покачал головой. Если жители Мисти Лейк почитали Хогла хотя бы вполтину так сильно, как доверяли доктору Филмору, они наверняка готовы были слепо верить его словам.

Джейс открыл дверь в домик, который одновременно был и его кабинетом, и его жилищем. Бен Филмор отказался от дома в пользу нового доктора. Он и его жена перенесли свои пожитки в гостиницу.

Пространство будет более чем достаточным для работы, когда всё придет в норму. Сейчас, однако, здесь царил беспорядок.

В первую же ночь Джейса в Мисти Лейк был такой шторм, что ветка рядом стоящего дерева оторвалась и пробила крышу. Все это затянуло открытие практики на неопределенное время. Мебель была свалена в углу. Заплесневелый ковер ещё не полностью высох от дождя, хлынувшего в комнату потоком. Несколько недель Джейс выметал из дома желуди.

Благодаря соседской помощи Генри Уэлена, ремонт был уже почти завершен, но предстояла основательная уборка. Если бы Джейс был хотя бы наполовину так суеверен, как миссис Тремонт и другие, он бы воспринял это, как дурной знак.

Джейс протиснулся между ящиками и кучей хлама и направился в свой кабинет. В высоком шкафу хранились ящики с карточками всех пациентов доктора Филмора. Он стал искать карту мисс Саттер. Найдя, пролистал её детские болезни и всё такое, пока не

наткнулся на записи, относящиеся к аварии.

Мэдэлайн Саттер, двадцать один год, умерла.

И всё? Джейс пролистал карту, но никаких других записей не было. Он откинулся на шкаф, проводя рукой по волосам. Миссис Тремонт сказала, что Мэдэлайн сломала ногу, но записи об этом не было. Джейсу придется обратиться к доктору. Он нуждался в объяснении всему тому безумству, которое услышал, и нуждался сейчас.

Доктор Филмор был ещё в городе, но ненадолго. Он сообщил Джейсу на прошлой неделе, что заканчивает дела с обществами, в которых состоит, и уезжает с женой в Бостон, где живут их взрослые дети. Его поезд отправляется сегодня. Проверив часы, Джейс понял, что на всё про всё у него всего лишь несколько часов.

Джейс почти бегом преодолел короткое расстояние до отеля. Запах лимонного масла и свежеполитованной мебели встретили его в дверях. В середине мая погода была тёплой, и персонал отеля был занят подготовкой к наплыву отдыхающих.

По данным комитета найма, который и выбрал Джейса местным врачом, Мисти Лейк недавно стал популярным местом отдыха для состоятельных городских семей. Гребля, плавание, природные пейзажи привлекали толпы горожан, ищущих развлечений. Прибыль для местного бизнеса. Потенциальные пациенты для Джейса.

Джейс прошел по холлу, обмениваясь на ходу приветствиями. Цветы, развешенные на стенах, приятно пахли, их аромат смешивался с запахом озера. Джейс поднялся наверх в комнату доктора и постучал в дверь.

— Расскажи мне о Мэдэлайн Саттер, — потребовал он, переступая порог.

Доктор Филмор замер. Он уставился на открытую дверь так, словно его вот-вот хватит инфаркт.

— Она не является моей пациенткой уже несколько лет, — произнес он, закрывая дверь. — После аварии она отказалась от моего лечения.

— Стоит ли удивляться?

Оскорбление не вызвало злости. Доктор Филмор смотрел на Джейса глазами провинившегося ребенка.

— Ошибки случаются, Бен, я понимаю, — сказал Джейс. — Шок и неверие, мертвые девушки, массовая истерия. Путаница. Она была без сознания; у неё был слабый пульс. Но когда она пришла в сознание после всех этих часов, ты должен был знать, что она была в коме и не умирала.

Доктор Филмор отвел глаза.

Джейс знал, что кто-то должен принять на себя ответственность за то, что случилось, но он не думал, что это будет Бен — врач. Джейс вдруг понял, что больше не видит перед собой врача. Он видел человека. Человека, который страдал от того же горя, что и другие.

Но каким бы трагичным ни было случившееся, оправданий тому, что последовало, нет. Бен не объяснил случившееся людям, позволив им облечь свою боль в форму. Результат был жестоким и разрушительным. И, несмотря на врачебную клятву, несмотря на моральные принципы, этот хороший человек, этот хороший доктор не сделал ничего, чтобы всё исправить.

— Девушке была нужна твоя помощь, Бен.

С каждым мгновением тишины злость Джейса росла. Это было поведение труса, и такое поведение он принять не мог. Как будто он говорил со стеной — или со своим отцом.

— Скажи хоть слово, черт побери, Бен.

— Мне надо на поезд.

Джейс с отвращением покачал головой.

— Сукин ты сын.

Он повернулся на каблуках и вышел за дверь.

Дедушка снова позвал её, и Мэдди почти бегом сбежала по лестнице вниз.

— У нас гость, — сказал он из гостиной.

Новость заставила её замереть. У них никогда не было гостей. Мэдди возобновила движение на звук голосов, что эхом разносились по холлу. Она вошла в гостиную и увидела Джейса Меррика, стоящего у камина, его коренастая фигура резко контрастировала с худощавой фигурой дедушки. Она замерла в арочном дверном проёме, осознавая его присутствие.

— Рад вас снова видеть, мисс Саттер, — сказал Джейс.

Его великосветский вид застал её врасплох. Одетый в тёмное пальто и брюки, он выглядел ещё более впечатляюще, чем четыре дня назад. Его густые волосы были зачёсаны назад с лица, чисто выбритого и смертельно красивого. Внутри неё нервы сплелись в тугий комок. Мэдди потеряла дар речи и смогла ответить только кивком. Что он здесь делает? Он как-то узнал про её секрет и пришёл разоблачить её?

— Доктор Меррик сказал мне, что вы встречались на днях, — сказал дедушка.

Её сердце забилося, когда взгляд устремился к Джейсу.

Его голубые глаза смотрели на неё, казалось, вечность, но в них не было и намёка на то, что он скажет дальше. Она сжала губы, ей это не понравилось.

— Ещё раз спасибо, мисс Саттер, что помогли мне добраться обратно в город. Если бы не вы, я мог бы всё ещё блуждать в лесу.

Она с облегчением выдохнула.

— Как повезло, что она нашла вас, — дедушка повернулся к Мэдди. — Я удивлён, что ты не упомянула об этом во время наших бесед.

Улыбка задрожала на его губах.

— Я... эм. Должно быть, я забыла, — сказала она, всё-таки входя в комнату.

— Садитесь, доктор Меррик, — дед указал рукой на диван. — Ретта принесёт чай.

Мэдди уселась в одном из кресел рядом с диваном, мужчины опустились на диван.

Дед наклонился вперёд, опираясь на трость с золотым набалдашником, поставленную между колен.

— Итак, скажите мне, доктор Меррик, что привело врача из большого города в Мисти Лейк?

— Желание выспаться.

Джейс улыбнулся. Это была просто лёгкая улыбка, длилась она всего мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы превратить внутренности Мэдди в фарш.

Кто-то менее чувствительный, менее романтичный, наверняка не обратил бы внимания на эту улыбку, эту линию прямых зубов, на этот совершенный рот. Но не Мэдди. Она пригладила свою бежевую юбку, ненавидя Джейса всё больше за его привлекательную улыбку и хороший юмор.

— Выспаться? — спросила она в отчаянной попытке сосредоточиться на чём-то, кроме его соблазнительных губ.

— Ночные дежурства в отделении неотложной помощи практически не давали мне спать. Я с нетерпением жду открытия практики здесь, расписание будет посвободнее, и я смогу чаще закрывать глаза.

— Как продвигается дело? — спросил дедушка.

— Я занимаюсь пока вызовами на дом, но официально ещё не открыл кабинета. Когда я приехал, в прошлом месяце, был сильный ураган, и ветка дерева проломила крышу.

— О, — сказала Мэдди.

— Ураган был жестокий, — сказал дедушка. — Бушевал над озером несколько часов.

Джейс кивнул.

— Разнес комнату ожидания для пациентов и заставил меня отложить открытие практики.

— Вот уж несчастье, действительно, — поговорил дедушка.

— Хотя ремонт крыши практически завершён, и после того, как внутри всё будет приведено в порядок, я наконец-то распакуюсь и всё обустрою.

— Ну, удачи вам! — дедушка с энтузиазмом помахал тростью. — И должен сказать, я рад, что Филмор наконец-то снял с шеи свой стетоскоп. Мне жаль только, что я не задушил его, пока у меня была сила.

Мэдди мрачно посмотрела на него.

— Дедушка, пожалуйста.

Он отмахнулся от нее.

— Я — прямолинейный человек, доктор Меррик, вы это узнаете. У меня нет ни времени, ни сил на декорум, так что вы уж простите мою глупость, даже если моя внучка не может.

Мэдди закатила глаза.

— Конечно, — сказал Джейс, явно забавляясь.

Ретта скользнула в комнату, поставила на стол поднос с чаем, то и дело бросая на гостя застенчивые взгляды.

Мэдди снова закатила глаза. Этот дом слишком долго был без компании.

— Спасибо, Ретта, — сказала она.

Не поднимая взгляда, Ретта кивнула и оставила их пить чай.

— Так вы не скучаете по суматохе больницы? — разлив всем чаю, спросила Мэдди.

Его улыбка исчезла.

— Мои воспоминания удерживают меня от скуки. Жестокость, болезни, голод. Все худшие человеческие страдания собрались под одной удобной крышей. — выражение лица Джейса было обиденным, но она видела тревогу в его глазах и почувствовала напряжение, подавая чашку. — У вас очень хороший дом, сэр, — сказал он, оглядываясь вокруг. — Я часто проходил мимо, спеша на домашние вызовы.

— У нас лучший участок на озере, — дедушка выпятил грудь. — То, что началось как домик для летнего отдыха, в итоге стало настоящим домом. Мэдди управляет всем поместьем. Бухгалтерские книги и всё такое.

— Правда? — Джейс повернулся к ней с кивком одобрения. — Очень впечатляет, мисс Саттер.

Он внимательно посмотрел на неё, взгляд задержался на её губах.

— Пожалуйста, зовите меня Мэдэлайн.

Что-то мелькнуло в его глазах.

— Мэдэлайн, — он произнес её имя, как будто пробуя, как оно звучит, и она никогда не слышала ничего лучше. Выпрямившись на своём месте, Мэдди вздрогнула от обдавшего её жара.

— Моя внучка ловко со всем справляется. Я просто отдыхаю в её умелых руках, — дедушка издал долгий вздох. — Говоря об отдыхе. Надеюсь, вы не будете против, доктор Меррик, но мне пора вздремнуть.

Дедушка начал подниматься, и Джейс встал, чтобы помочь ему.

— Рад был познакомиться, сэр.

Дед выпрямился, пожимая предложенную Джейсом руку.

— И я очень рад познакомиться, молодой человек. Пожалуйста, оставайтесь и наслаждайтесь чаем, — он подмигнул Мэдди, и она опустила глаза, надеясь, что Джейс не заметил.

— Пожалуйста, не обращайтесь внимания на моего деда, доктор Меррик. Давно у нас не было компании.

Джейс вернулся на свое место.

— Зови меня Джейс, — его взгляд проследил за тем, как мучительно тяжело дедушка выходит из комнаты. — Как долго он болен?

Его наблюдение не удивило её. Даже притом, что он был врачом, достаточно было бросить на дедушку один лишь взгляд, чтобы заметить его плохое здоровье. К чести Джейса, он воздержался от упоминания о здоровье при дедушке.

— Уже четыре года, — сказала она.

— Ревматическая лихорадка?

Она кивнула.

— Последствия становятся всё более очевидными с каждым днем.

— Сердечная слабость развивается с разной скоростью у каждого пациента. Мало что можно сделать.

— Да, я знаю, — она вздохнула. Даже чудесная сила Мэдди не смогла остановить эту болезнь.

— Я был бы рад обследовать его, если...

— Спасибо, но мало что можно сделать. Ты сам так сказал. Кроме того, он никогда не согласится, — она покачала головой. — После обследования специалистом в Олбани он смирился со своим состоянием, и теперь против того, чтобы его тыкали и щупали ещё какие-нибудь врачи.

— Его слова, я полагаю?

Мэдди улыбнулась.

— Если он передумает...

— Он не передумает, — она сделала глоток чая и попыталась расслабиться. — Я также должна поблагодарить тебя за то, что ты не упомянул про инцидент с оленем.

— Я не вижу необходимости беспокоить твоего дедушку безрассудством внучки, — его бровь изогнулась, он шутливо погрозил ей пальцем. — Если только ты не собираешься повторять этот трюк.

Она покачала головой, испытывая благодарность к Джейсу за его такт.

— Нет, конечно, нет.

— Кстати, оленя я не нашел.

— Нет? — спросила она, пытаясь изобразить правдоподобное удивления.

— Но я нашел кое-что другое, — он полез в карман и вытащил письмо Амелии.

Мэдди застыла в удивлении. Спеша сбежать от него в тот день, она даже не поняла, что потеряла его.

— Я предположил, что ты захочешь вернуть письмо, ведь оно личное.

Она наклонилась вперед, выхватывая сложенную страницу из его руки.

— Но не настолько личное, чтобы ты воздержался от его чтения?

— Я должен был прочитать его, чтобы узнать, для кого оно, — он наклонился вперед. — Хотя, должен признать, я надеялся больше узнать о тебе.

На мгновение она почувствовала себя польщенной. А кто бы ни почувствовал? Красивый мужчина говорил ей о своем интересе. Желание поддаться розовым мечтам было таким сильным. И жалким. Она напряглась, проклиная свою слабость и то, прелюдией к чему она была — боль и разочарование. Их на её долю выпало уже достаточно.

— Тебе надо было просто порасспросить вокруг, тебя бы просветили.

— Я это тоже сделал.

Она уставилась на него, пораженная его честностью. Он мог бы быть так же добр к ней, как был к дедушке — избегая упоминаний о её порушенной репутации в надежде пощадить её чувства. Но он оказался таким же, как все.

Она опустила взгляд в пол, разочарование щипало кожу. Почему мнение этого незнакомца её волновало, Мэдди уверена не была. Она знала только, что это так, и открытие наполнило её злостью. Злостью на него за любопытство и на себя за то, что ей не было всё равно.

Она помахала письмом.

— Ну, спасибо, что вернул, — она поднялась. — Думаю, ты всё ещё занят обустройством практики, так что я провожу тебя.

Игнорируя её резкое поведение, Джейс так остался сидеть на месте, не спуская с неё взгляда.

— Проглядывая картотеку доктора Филмора, я наткнулся на твою карту.

Она попыталась сдержать вспышку страха внутри.

— И?

— И я заинтригован. Выжившие после аварий часто борются с эмоциональными последствиями, а некоторые вынуждены даже обращаться к врачу с психическими проблемами. Иные же находят способы справиться со стрессом сами. Как врач, я хотел бы знать больше о твоей травме и о реабилитации после, — выражение его лица было спокойным. — Не могла бы ты ответить на несколько вопросов?

Так вот она. Причина его интереса. Это не физическое влечение к ней привело его сюда, это клиническое любопытство, ничего больше. Мэдди почувствовала себя идиоткой.

— Не могла бы. Совсем, — она фыркнула.

— Но...

— Я уверена, ты понимаешь, что я не хочу говорить об этом.

Джейс поднялся на ноги.

— Но твой случай просто поразителен.

— Мой случай? — она посмотрела на него. — Это моя жизнь, доктор Меррик. Пожалуйста, не уменьшайте значение случившегося из-за глупостей, которые вы узнали из картотеки этого старого дурака.

Он внимательно выслушал, выражение его лица смягчилось.

— Он совершил ошибку, Мэдэлайн.

— Он совершил больше, чем просто ошибку, — она сжала зубы, чтобы сдержать слезы. — Он позволил остальным поверить... — она сделала глубокий вдох. — Ты знаешь,

что они думают обо мне. Что я какая-то странность природы.

— Я могу помочь изменить это.

Она покачала головой.

— Уже поздно. После того, как доктор Филмор...

— Филмор был трусом. Он объявил тебя мертвой, ради Бога. Затем, чтобы скрыть свою ошибку, он позволил людям думать, что какая-то тёмная и таинственная сила приняла в этом всем участие.

Мэдди с трудом сглотнула. Она так долго ждала, пока кто-то скажет это, что даже не осознавала, как сильно ей были нужны эти горькие слова, пока Джейс не произнес их. Отчаяние в её голосе стало сильнее, когда она настойчиво спросила:

— И ты в это не веришь?

Он нахмурился.

— Конечно, нет. Я врач. Всему есть разумное объяснение.

Ну, уж точно не всему. Но она не собиралась уточнять.

— Я могу тебе помочь. Я могу помочь жителям Мисти Лейк понять, что ты не какая-то дьявольская причуда. Твой случай редкий, не спорю. Но ты не проклята и не благословлена, и ничего подобного.

Чем больше он говорил и чем больше пытался убедить её, что может помочь, тем больше Мэдди злилась. Слишком поздно. Три года она переживала своё подавляющее горе в одиночку. Она несла в себе вину и злость. Никто не слушал, когда ей нужно было быть услышанной. Даже дедушка, и это обидело её больше всего. Мэдди в буквальном смысле говорила со стенами, чтобы избавить его от необходимости утешать её, и будь она проклята, если признается этому незнакомцу, что её выздоровление причинили не меньше страданий, чем авария.

Голос Джейса смягчился.

— Филмор был трусом, но ты не трусиха. Ты бы не выздоровела, если бы была, — он сделал шаг к ней. — Дай мне возможность изучить твоё дело, Мэдэлайн.

Ей пришлось сражаться с плавающим её теплом его взгляда, звуком имени на его губах.

— И что от этого выиграешь ты?

— Знание. Знание, которое может помочь другим.

А кто был там, чтобы помочь мне?

— Простите, доктор Меррик. Мой ответ — нет.

* * *

Мэдди проснулась на следующий день нездоровой и усталой после вчерашних полных переживаний часов. Её заботили две проблемы: её противостояние с Джейсом Мерриком и решение присутствовать на свадьбе Амелии. Помучившись раздумьями, она пришла к выводу, что сделает первый шаг к возвращению в общество, освежив свой давно устаревший гардероб. Она надеялась, что пара новых платьев укрепит её решимость перед испытаниями, и с этими мыслями она заявила в салон одежды миссис Марч сразу же после его открытия.

Миссис Марч не особенно обрадовалась своей первой посетительнице, и Мэдди удалилась на шаткую скамейку в дальнем углу магазина. Она сидела в тусклом свете, листая

книгу за книгой с эскизами одежды в решимости найти что-то ослепительное. Если ей придется присутствовать на свадьбе и предсвадебных вечеринках в одиночку, она хотя бы будет выглядеть стильно.

Мэдди перевернула страницу. Она пыталась сосредоточиться на узорах, но разум снова и снова возвращал её к разговору с доктором Мерриком и его поразительной просьбе — «изучить её дело», как он это назвал. Он хотел проанализировать её, как крысу в клетке, чтобы понять, как она справилась после катастрофы. Почему люди науки должны всё анализировать? Почему они не могут просто позволить вещам существовать? Он сказал ей, что хочет узнать о ней, потому что это может помочь другим. Мэдди верила, что это частично правда, но и подозревала, что это его эго и желание оказаться первооткрывателем, объяснившим природу необъяснимого, и привело доктора к решению углубиться в исследование. Какой бы ни была причина, одно было ясным как день. Джейс Меррик видел в ней то же, что и остальные — странность. Правда, у него было медицинское объяснение её выздоровлению после аварии, но это не мешало ему считать её образцом для изучения. Как глупо она надеялась на другое. В его присутствии она ощущала что-то этакое, как будто он разбудил её после многих лет спячки. Чувство было одновременно захватывающим и ужасающим. И безмерно раздражало.

Что касается мужчин, то Мэдди привыкла держать верх. Давным-давно она могла бы вскружить Джейсу Меррику голову. Прекрасная Пятерка была настоящим цветником, и большинство считали Мэдди украшением этого сада. Флиртовать она умела мастерски. Как легко было свести мужчину с ума улыбкой или взмахом ресниц. Было бы так легко соблазнить этого доброго доктора? Эта завлекательная мысль заставила её покраснеть.

— Что-нибудь выбрали? — спросила миссис Марч откуда-то из-за рулонов ткани и лент.

— Ещё нет, — сказала Мэдди.

Миссис Марч поспешила обратно, разочарование эхом отдавалось в резком звуке её шагов. Хотя Мэдди и не могла этого видеть, она знала, что губы миссис Марч плотно сжаты.

Мэдди продолжала просматривать следующую книгу, переворачивая страницу за страницей, пока не увидела его. Идеальное платье для предсвадебного ужина и танцев. Она улыбнулась, уставившись на рисунок. Облегающий лиф, каскадные слои шёлка и кружева.

— Доброе утро, мисс Саттер.

Позвоночник Мэдди заленедел в страхе, когда она услышала вежливый голос своего бывшего жениха. Отведя взгляд от книги на колени, она стряхнула оцепенение и подняла глаза.

— Даниэль.

Он пялился на неё, его зеленые глаза впились в неё тем же жадным взглядом, что раньше заставлял пальцы её ног неметь. А сейчас Мэдди затошнило. Увидеть его так много времени спустя, здесь, в магазине платьев, было странно. Ей понадобилось несколько долгих минут, чтобы заставить себя обратить внимание на женщину рядом с ним.

— Позвольте представить мисс Люсинду Брюер. Мою невесту.

Новость была как пощечина. Но боль утихла, когда Мэдди приняла этот удар, заставив себя сохранить самообладание. У неё было три года, чтобы подготовиться к этому. Три долгих года, в течение которых она представляла себе момент, когда столкнется лицом к лицу со своей заменой. «Женщиной, которая больше подходит на роль моей жены», — сказал он в их последнюю встречу.

— Как дела? — прошептала Мэдди, вспоминая те убийственные слова.

— Спасибо, хорошо, — даже мрачное освещение не смогло затенить сияющий цвет лица мисс Брюер и её мерцающие светлые кудри. — Я так много слышала о вас.

Сочувствующее выражение лица подтвердило, что она действительно слышала, и много, и Мэдди усмехнулась под снисходительной улыбкой женщины. Глаза мисс Брюер не отражали ни негодования, ни ревности. Это был просто взгляд сочувствия, который лишил Мэдди дыхания. И совершенно унизил.

Даниэль заставил свою невесту замолчать, похлопав её по руке. Этот жест заставил мисс Брюер уткнуться взглядом в пол и разрушил уверенность, которую Мэдди начала обретать.

— Мы приехали в город на свадьбу кузена Лестера, — сказал он.

Мэдди ожидала, что Даниэль будет присутствовать, но свадьба была через три с лишним недели.

Она перевернула страницу книги.

— Ты рано, — ответила она.

— Мы хотели продлить поездку, чтобы дать Люсинде возможность познакомиться со всеми.

Мэдди подняла взгляд. Он улыбнулся, сияя улыбкой, полной совершенных зубов и высокомерия. Она язвительно улыбнулась в ответ.

— Как мило.

Даниэль перестал притворяться, его улыбка исчезла без следа. Он выглядел разочарованным тем, что она не упала в обморок у его ног, и Мэдди поздравила себя за то, что выдержала проверку. Но передышка была короткой, и почти сразу Даниэль возобновил своё высокомерное нападение.

— Амелии, несомненно, будет не хватать тебя на свадьбе, — сказал он.

Его притворного сожаления хватило ей с лихвой. Волосы на затылке поднялись, когда Мэдди охватил гнев. Как он посмел предположить, что она откажется от приглашения? Как он вообще посмел что-нибудь предположить?

— Я не стала бы разочаровывать своего друга.

Его глаза расширились.

— Ты планируешь прийти?

Даже мисс Брюер казалась ошеломленной.

— Конечно, — проворковала Мэдди. — Почему ты думаешь, что я не приду?

— Я думал, твой дедушка не сможет тебя сопровождать.

— Он не сможет.

Глаза Даниэля сузились, предупреждая.

— Посещать такое мероприятие без сопровождения неприлично. Люди будут судачить.

Кровь Мэдди закипела в жилах.

— Они всегда судачат, — она пожала плечами. — В отличие от тебя, я не позволяю сплетням указывать мне, что делать, — шпилька лишила его дара речи, и Мэдди почувствовала удовлетворение. — Но с чего ты взял, что я буду присутствовать без сопровождения?

— Я...

— Тебя давно не было.

Он изучал её, его радужки потемнели от эмоции, которую она не поняла.

— Судя по тому, что я слышал о твоей ситуации, мало что изменилось.

Мэдди сжала книгу в руках. Слезы стояли комом в горле. После того, как он разбил ей сердце и разорвал их помолвку, она ожидала его сочувствия, вины. Даже обычного снисхождения. Но не осуждения. В этот момент её бывший жених походил на своего дядю, пастора Хогла, с вечно кислым лицом, и вдруг торжествующее выражение лица Даниэля заставило её задаться вопросом, а как она могла любить его вообще.

— Так скажи мне, Мэдэлайн. Кто этот твой сопровождающий?

В вопросе звучал открытый вызов. Они оба смотрели на нее, ожидая ответа. Мэдди хотелось убежать. Вместо этого она тут же отреагировала. Гневом. Защищая свою гордость.

— Кто же еще, как не мой жених?

Даниэль заморгал, но быстро взял себя в руки.

— Твой жених? — его скептический взгляд впился в неё словно клещами. — И кто это мог бы быть?

Он пытался растоптать последние остатки её достоинства, но она не позволила. Последствия могли быть ужасными, но Мэдди просто не выдержала.

— Доктор Джейс Меррик.

Господи, что она наделала? Мэдди едва дышала, пока Даниэль и его невеста не покинули магазин. Потом звучно выдохнула, ее сердце стучало.

По подсчетам у нее был час, возможно, меньше, прежде чем шокирующие новости о помолвке разлетятся по городу. Она вскочила на ноги, пытаясь успокоиться. Как только барабанный пульс в висках утих до уровня, на котором она могла слышать собственные мысли, Мэдди обдумала свой следующий шаг.

Она должна добраться до Джейса, прежде чем это сделает кто-то другой.

Приглаживая юбку, Мэдди заглянула в зеркало у стены. Бежевое дневное платье и старенькая соломенная шляпа, которую она выбрала в это утро, придавали ей неказистый и простоватый вид. Незаметный. После катастрофы она предпочитала держаться в тени по очевидным причинам. Но сегодня она не могла себе позволить незаметности.

— Миссис Марч, — позвала она. — Миссис Марч!

Звук женских шагов стал громче. Измерительная лента, обмотанная вокруг шеи, свисала с внушительной груди, когда миссис Марч остановилась перед Мэдди, оперев руки в бедра.

— Что? Вы наконец-то что-то решили?

Мэдди взглянула на книгу с эскизами, забытую на скамейке.

— Нет, нет, — сказала она, покачав головой. — Но я хочу купить голубую шляпку на витрине.

Миссис Марч фыркнула.

— Я ее заверну, и вы сможете зайти за ней завтра.

Она двинулась прочь.

— Она мне нужна немедленно.

Женщина остановилась, ее нахмуренное лицо напомнило Мэдди старую картофелину.

— Не могли бы вы снять ее с витрины? Я хочу пойти домой в ней.

Миссис Марч в раздумьях побарабанила пальцами по своим широким бедрам.

— Очень хорошо.

Неудобство оголения витрины, по-видимому, стоило того. Деньги были деньгами, в конце концов, даже если они появлялись из кармана Мэдэлайн Саттер.

Мэдди последовала за миссис Марч на ее высоких каблуках к передней части магазина. Миссис Марч забралась на стул, чтобы забрать шляпку, протянула ее Мэдди, а затем отошла в сторону. Мэдди надела шляпку на голову, довольная своим отражением в зеркале. Цвет шел ей. Она приладила оборки по краю, любуясь узором и переплетением шелковых цветов.

Прошло много лет с тех пор, как она покупала что-то настолько модное. Она давно оставила позади легкомысленную погоню за последними модными новинками, наряду со многими другими своими любимыми забавами.

— Спасибо, миссис Марч, — Мэдди заплатила за шляпу. — За старой я вернусь позже, — сказала она, спеша прочь из магазина.

Она подошла к дому доктора, проигрывая в уме начала разговоров. Невозможно было угадать, как Джейс отреагирует на новости о своей внезапной помолвке, поэтому Мэдди выкинула из головы большую часть уловок. У нее не было выбора, кроме как играть открыто.

Единственная возможность появиться на свадьбе Амелии и перед лицом Даниэля и остальных — рука об руку с женихом. Она просто должна очаровать доктора Меррика,

заставить его подыграть. Правда, успех повлечет за собой предложение ответить на ужасные вопросы об ее выздоровлении, но по сравнению с унижением, которое она понесет, если он не сможет сопроводить ее, вторжение в частную жизнь казалось незначительным.

Страх сжал ей грудь. Отказ Джейса помочь мог оказаться катастрофическим. Она уже была парией, изгоем. Почему во имя бога она вдруг решила добавить в этот список еще и звание лгуньи?

Мэдди сделала глубокий вдох, призывая на помощь свое мужество. Как заметил Джейс, она не была трусом. Если она что и узнала о себе во время выздоровления, то это то, что она сильна. Это означало, что она найдет способ повернуть это неудачное событие в свою пользу, даже если это убьет ее. Во-первых, она должна апеллировать к жажде знаний Джейса. Ее случай был поразительным, разве он так не сказал? Он не отказался бы от той редкой возможности, которую она готова была предоставить; она была уверена в этом. Мэдди поправила шляпку и выпрямилась. Если профессиональных соображений окажется недостаточно, чтобы повлиять на него, она воспользуется оружием кокетки из своего ржавого арсенала. Он может быть врачом-эгоистом, но он все еще мужчина.

Еще не закончив размышлений, она уже оказалась у дома доктора. Мэдди подняла голову на звук молотка. Хмурый Генри Уэйлен, городской столяр и бывший друг, взглянул на нее с крыши, стуча молотком. Судя по всему, Джейс попросил Генри помочь ему починить крышу.

Отмахнувшись от хмурого Генри, Мэдди уставилась на дом, в который поклялась никогда не возвращаться. Пыльные белые жалюзи и засохшие цветы в горшках имели такой же неказистый вид, как и в ее последнее посещение — зловещее напоминание о кошмаре, который она пережила в этих стенах. Ужасную боль в ноге. Бесконечный допрос. Ошеломленные глаза, глядящие на нее. *Вы помните свое имя? Вы знаете, где находитесь?*

Бабочки запорхали у Мэдди в животе. Закрыв глаза, чтобы успокоить нервы, она поднялась на крыльцо, вздохнула и постучала в дверь.

Джейс открыл в мятой рубашке и с удивлением на лице. Его растрепанный вид и открытая книга под мышкой, дали понять, что она прервала его работу. Перед ней стоял человек, который проводил свое время в учебе. Убедить его помочь ей с ее ложью будет нелегким делом.

— Доброе утро, Джейс, — она сопроводила приветствие сияющей улыбкой.

Настороженное выражение его лица подсказало ей, что лучше не переигрывать.

— Мэдэлайн, — он отступил в сторону, когда она скользнула мимо него в дом.

Мэдди оглядела стол, спрятанный слева в нише без окон. Рядом со стопками бумаг и книг горела лампа. Его пальто висело на стуле, с которого он поднялся, чтобы подойти к двери.

— Не хочу мешать... — она пробормотала что-то о погоде и о том, что сегодня прекрасный день для прогулок. Пустая болтовня, которую она оттачивала на протяжении многих лет, легко срывалась с языка. — Мы с дедушкой только что обсуждали, как мы рады, что ты переехал в Мисти Лейк. Этому городку нужен врач с твоим опытом.

Мэдди драматически скользнула в приемную. Поддерживать грациозные манеры в беспорядке комнаты оказалось трудновато. Пробираясь сквозь наваленные вещи, Мэдди обходила кучи хлама и ящики, и разбросанную одежду.

— Ты хорошо выглядишь, — он опустил книгу на стул, лукавая улыбка озарила его лицо.

— Вот спасибо, — выпятив грудь, Мэдди встала перед ним в позу, которая подчеркивала ее фигуру. — Я чувствую себя прекрасно.

Он оглядывал ее так, словно она сказала что-то странное. Но ведь уместно было сообщить врачу о состоянии своего здоровья? Его глаза внезапно блеснули, словно Джейс подозревал, что дело не только в этом.

Взгляд его скользнул вверх и вниз по ее фигуре, но это был вовсе не взгляд доктора. Дрожь пронеслась по ее позвоночнику. Его голубые глаза ласкали ее тело, словно физическое прикосновение, оставляя на коже мурашки. Он подошел ближе. Мэдди охватило желание сбежать. Она бы ткнула в бок спящего медведя, столкнулась бы с ним в опасности его собственного логова, и не испугалась бы. А тут струсила.

— Новая шляпка? — спросил Джейс.

Ее уверенность возросла. Мэдди улыбнулась, искренне обрадовавшись его замечанию и несколько раз легко щелкнула по краю шляпки.

— Эта? Она старая.

Ухмыляясь, он потянулся к ней.

Жар его близости заставил забурлить кровь. Дыхание сбилось.

Резким рывком Джейс оторвал ценник.

Мэдди отпрянула. Опустив глаза, она послала молчаливое проклятие миссис Марч и ее преднамеренной непредусмотрительности. Мэдди взглянула на Джейса. Несмотря на чувство, что он видит ее насквозь, она двинулась вперед.

— Как я уже говорила, мы с дедушкой считаем, что твоя практика здесь будет очень успешной.

— Почему бы тебе не перестать ходить вокруг да около и не рассказать, почему ты здесь?

Она открыла рот, чтобы запротестовать, но вздохнула. А ведь так пыталась очаровать его. Видимо, дни неотразимой красавицы Мэдди Саттер остались позади, как и лучшие дни ее жизни. Она признала проигрыш, повернувшись так, чтобы не смотреть в глаза Джейса.

— Я передумала, — Мэдди провела пальцем по пыльному краю соседнего стола, а затем снова повернулась к Джейсу. — Я решила ответить на твои вопросы о своем случае.

Джейс приподнял бровь, размышляя над ее словами. Скептически.

— Причина?

Удивительное отсутствие энтузиазма убило ее решимость.

— Я... хочу попросить об одолжении взамен.

— Речь о твоём деде? — Он беспокойно прищурился, рот сжался в твердую линию.

В эти краткие мгновения Мэдди видела, кто он есть. Серьезный профессионал, беспокоящийся о других. И она искренне восхитилась им. Работа этого человека имела смысл — истинную ценность — и вдруг ей стало стыдно за то, что она вовлекла его в какую-то тривиальную шараду, чтобы восстановить свою гордость.

— Нет, дедушка в порядке.

Джейс шагнул еще ближе. Его запах коснулся ее ноздрей, путая мысли. Странное ощущение вернулось — сила, которая притягивала и искушала ее самым неприятным образом.

— Что тебе нужно?

Его хриплый тон обещал что-то такое, что она не могла себе описать, но каким-то образом знала, что хочет испытать. Что-то такое близкое и такое далекое. Вопрос сорвался с

ее губ:

— Не мог бы ты сопроводить меня на свадьбу в следующем месяце?

— На свадьбу Амелии.

Она кивнула, зная, что он прочитал это все в письме, которое нашел.

— Это можно устроить.

Она выдохнула с облегчением: полпути пройдено.

— Так как ты достаточно любезен, чтобы согласиться, я хотела бы попросить кое-что еще.

Мэдди скромно улыбнулась и поправила волосы.

Он поджал губы.

— Выкладывай.

Она быстро вздохнула, чтобы набраться смелости. Карты на стол.

— Я бы хотела, чтобы ты присутствовал не только в качестве сопровождающего, а как мой жених.

Джейс уставился на нее, всплеснув руками.

— Это временно, — заверила она. — После свадьбы, я, конечно, брошу тебя.

— *Бросишь* меня? — Джейс закашлялся.

— Ну да. Я не смогу восстановить свою репутацию, если ты меня бросишь.

— Так вот зачем это все, — он обвел пространство рукой, показывая, что заметил ее менее чем звездное появление. — Восстановить репутацию.

— Это не твое дело.

— О нет, я думаю, что мое, особенно если мы хотим пожениться, — он улыбнулся, дразня ее. — И помимо всего прочего, я разочарован. Я чувствую себя одураченным.

Она оцетибилась в ответ на его поддразнивание.

— Мне нужно присутствовать там с надлежащим сопровождением. Репутация — все для этих людей.

— А как насчет моей репутации отвергнутого жениха? — он скривил рот, и она нахмурилась в ответ на его шуточный тон.

— У мужчин нет репутации. У них есть мастерство кружить головы, — огрызнулась Мэдди. — Кроме того, ты доктор. Единственное мнение, которое имеет для тебя значение, это твое собственное.

Это вызвало у Джейса улыбку.

— Ты сделаешь это?

Его улыбка исчезла, когда он наклонил голову. Нежность в его взгляде заполнила ее. Его глаза сияли состраданием. И нежеланием. Она смотрела в голубые глубины, и видела, как из них всплывает отказ.

— Мэдэлайн...

— Пожалуйста, Джейс. Ты должен.

Ее отчаянный тон встревожил его. Мэдди сразу это заметила. Плечи напряглись, улыбка сбежала с его лица.

— И почему же?

Она предпочла бы откусить себе язык, но теперь у нее не было выбора, кроме как сказать ему правду.

— Потому что дело сделано. Я уже объявила об этом.

— Объяв... — его глаза широко распахнулись. — О нашей помолвке?

Он переступил с ноги на ногу.

— Ты объявила о нашей помолвке?

— Мне пришлось. Прости меня.

Он моргнул и покачал головой, выглядя растерянным.

— Позволь мне объяснить.

На горле Джейса забился пульс, краска ударила ему в лицо.

— Да, лучше объяснить.

— Пожалуйста, успокойся.

Переместив вес с ноги на ногу, он скрестил руки на груди и посмотрел на нее.

— Пожалуйста, просвети меня насчет моей неожиданной помолвки.

Она искала слова.

— Амелия — мой единственный друг. Я должна присутствовать на ее свадьбе, но мой двоюродный брат Марвин не сможет меня сопроводить, — Джейс слушал, выражение лица не поменялось. Мэдди опустила глаза, бессильная перед его злостью. — Я думала найти кого-то другого, но до того, как у меня появилась возможность, Даниэль и его невеста загнали меня в угол в лавке.

— Даниэль?

Гнев на Даниэля Мэдди удержать не могла. Горечь пропитывала каждое ее слово.

— Даниэль Хогл. Мой бывший жених.

— А сюжет закручивается.

Она нахмурилась, слыша его надменный тон. Словно он понимает, чего ей стоило предательство Даниэля.

— Даниэль притворился, что сожалеет о том, что я не могу присутствовать на свадьбе, потому что он, как и все остальные, предполагает, что я никогда не найду человека, достаточно глупого или отчаянного, чтобы быть моим сопровождающим, — ее гнев снова сменился болью. — Я могу выдержать ненависть. Но жалость...

Мэдди заставила себя улыбнуться, скрывая свой стыд, опустила глаза.

— Гордость взяла верх, и у меня вырвались эти слова.

Она взглянула на него.

— И как ты собиралась объяснить эту ложь добрым жителям Мисти Лейк? — спросил Джейс с сомнением в голосе. — Учítывая, что мы знаем друг друга меньше недели?

— Я уже подумала об этом, — сказала она, воодушевленная его вопросом. — Ты говорил, что каждый день ходишь на вызовы и что проходил мимо моего дома несколько раз.

Он наклонил голову.

— Продолжай.

— Все знают о плохом здоровье дедушки. Ты мог бы навещать его в прошлом месяце, пока был в городе.

— Ты предлагаешь мне лгать?

Она нахмурилась. Он был так искренне огорчен перспективой, что она чувствовала себя преступницей, развращающей добродетель.

— Ну, вообще, тебе не придется лгать. Ты просто позволишь людям предположить, как все было, — Мэдди кивнула в направлении непрекращающегося стука молотка сверху. — Одного слова Генри будет достаточно. Когда дело касается меня, сплетни летят быстрее ветра. Они поверят, я знаю.

— Кажется, ты все обдумала, — сказал он.

— Я надеялась, ты согласишься в обмен на возможность изучить мой случай.

Его лицо было непроницаемым, холодным, как камень. Она была обречена.

В течение нескольких мгновений Мэдди ждала, пока решается ее судьба.

— К сожалению, я понял, что у меня нет времени изучать твой случай. Я должен готовиться к приему пациентов. Как ты видишь, упавшая ветка тут все перевернула. Восстановление дома потребует огромных усилий. Не говоря уже о бумажной работе, которую нужно завершить, прежде чем я смогу принять новых пациентов, — он потер свой гладкий подбородок, взгляд стал задумчивым. — Если только...

Его слова были сладкой морковкой перед носом голодного кролика, и Мэдди не смогла устоять.

— Если только?

— Если только я не найду кого-нибудь, кто поможет мне.

Она сжала губы. Все шло не по плану. Он должен был быть так заинтересован в ее случае, что согласился бы на что угодно. Или же настолько очарован, что позволил бы ей все на свете. Хитрая ухмылка Джейса подарила ей четкое ощущение того, что он знает ее мысли.

— Твой дедушка упомянул о твоём мастерстве ведения счетов. Возможно, ты...

— Ты хочешь, чтобы я здесь работала? На тебя?

Это предложение было абсурдным по многим причинам. Оказаться запертой здесь в окружении больных и раненых было бы кошмаром. Она не смогла бы исцелять пациентов в присутствии Джейса, но и наблюдать за их страданиями не смогла бы. Проблема была в том, что выхода у нее не было, и он это знал.

— Контракт будет временным, — он ухмыльнулся. — Пока ты меня не бросишь.

Водоворот эмоций пронзил Мэдди. Растерянность, горе, и облегчение. Она едва могла думать, видя эту проклятую ухмылку.

— Работа здесь поможет нашему плану. Ты могла бы помочь своему жениху организовать домашнее хозяйство и вести медицинскую практику. Это имеет смысл, — добавил он. — Ты можешь начать в понедельник. В десять часов.

Мэдди почувствовала, что кивает, хотя не была уверена. Через три коротких дня она будет работать здесь. Она более или менее пришла в себя, когда повернулась, чтобы уйти — казалось, больше сказать было нечего.

— Как твой работодатель, я ожидаю, что ты не опоздаешь.

Она закатила глаза, шагая к двери. Он последовал за ней.

— И еще кое-что.

Мэдди остановилась, сожаление окатило ее волной. По собственной глупости она ввязалась в эту безумную аферу. И сейчас уже ничего не изменить. Она покорно повернулась к Джейсу лицом.

— Да?

Он притянул ее к себе.

Мэдди открыла рот, сердце забило у его твердой груди. Чувства наполнились запахом поношенной одежды и ощущением твердой плоти внизу. Она моргнула, встретила его взгляд — и опьянела. Она не двигалась. Не хотела. Джейс обнял ее крепче, и Мэдди признала правду, которую не могла отрицать. Планировала она это или нет, она назвала его своим женихом, потому что надеялась оказаться здесь. В этих руках. Его глаза встретились с ее глазами. Момент растянулся до бесконечности. Его взгляд опустился к ее рту, и он опустил голову.

Ее легкий вздох растворился в тепле его губ. Она замерла в возбуждении. Его рот коснулся ее рта, прижался к нему — так сладко. Ее тело запело. Поцелуй был неторопливым и всепоглощающим. Впервые после катастрофы Мэдди почувствовала себя по-настоящему живой. Возрожденной.

Мир исчез, когда Джейс поцеловал ее. Она закрыла глаза и позволила ему исчезнуть. Поднявшись на цыпочки, Мэдди погрузила пальцы в его густые волосы. Желание пронзило тело, горячее, сводящее с ума, причиняющее боль. Раздвинув губы под напором его языка, Мэдди услышала свой стон. Это был огонь. Она отдалась ему, желая, чтобы он сжег ее дотла.

Джейс прервал поцелуй, его теплое дыхание коснулось ее щеки.

— Как твой жених, я надеюсь и на это тоже.

Она все еще была в тумане возбуждения, когда он провел ее через комнату, открыл дверь и вывел на улицу. Мэдди вышла наружу в солнечный свет и пошла по Мэйн-стрит, ее разум все еще плавал в бархатном тумане. Люди проходили, шептались, но она не обращала на них внимания. Это был продуктивный день. Она возвращалась домой с новой работой, женихом, который сопровождает ее на свадьбу Амелии, и самым лучшим поцелуем в ее жизни, горящим на губах.

Джейс закрыл за Мэдди дверь, дыхание со свистом вырывалось сквозь зубы. *Черт*. Он поцеловал ее в наказание за то, что она втянула его в эту нелепую аферу, и что же? Кажется, вместо этого он наказал сам себя. Ее страсть застала его врасплох. Покачивая головой, он улыбнулся при воспоминании о том, как она явилась к нему с намерением соблазнить. Мэдэлайн Саттер флиртовала и раньше, чтобы избежать неприятностей. Это было ясно как день.

Джейс покачал головой, пытаясь привести чувства в порядок. У него было чем заняться — ремонт дома и подготовка рабочего места для приема пациентов. Последнее, что ему нужно — притворяться женихом девушки с самой ужасной репутацией в городе. Его репутацию это явно не укрепит, но без дополнительной помощи потребуются годы, чтобы закончить с ремонтом. Заплатив Генри за ремонт крыши, Джейс остался почти без средств и не имел возможности нанять кого-то еще в помощь.

Тем не менее, он почти чувствовал себя виноватым за то, что обратил ложь Мэдэлайн в свою пользу. Все это кокетство, которым она пользовалась, чтобы добиться своего, с ним, конечно, не сработало. В любом случае, не совсем. Но пока он играл в ее игру, он устанавливал правила. По крайней мере, Джейс думал так до того поцелуя. Он облизал губы, вспоминая ее вкус, ощущение ее упругого тела, прижимающегося к его телу.

Пронзившее его удовольствие едва не лишило контроля. Она была чертовски привлекательной со своими горящими глазами и пухлым ртом, и собственное тело напомнило Джейсу, что у него уже давно не было женщины. Наверное, это было единственное в Питтсбургском госпитале, по чему он скучал: огромное количество медсестричек, готовых разделить с ним плотские утехы.

Мэдди не была медсестричкой, но, казалось, она тоже была бы не против. Интересно, а как у них было с Даниэлем Хоглом? Потакали ли они своим собственным желаниям? Мисти Лейк был не таким уж сонным маленьким городком, каким показался Джейсу поначалу, и он был бы не прочь узнать о жителях города и об их жизни. Но ничто не интриговало его больше, чем Мэдди.

Он глубоко вдохнул, сбрасывая с себя похоть, и направился к своему столу. Он не мог сейчас задерживаться: было слишком много работы, и ему нужно было сосредоточиться. К счастью, помимо пары срочных пустяковых вызовов, день прошел тихо.

И все же Джейс уже чувствовал, что ему нужен отдых — его кости ныли. Тело напрягалось, нервы натягивались, как заведенная пружина — это напряжение обычно и помогало ему снять женщины.

Он определенно был слишком долго без них.

Джейс наклонился к гробсбуху, который отложил, когда пришла Мэдди, и попытался сосредоточиться. Единственное, что могло бы возбудить его больше, чем короткая прелюдия с фальшивой невестой, — возможность изучить ее историю болезни. От комы до полного выздоровления от травмы, которую доктор Филмор диагностировал как неизлечимую. Джейс получит рассказ от первого лица обо всем, что испытывала Мэдди.

Технически она не была его пациенткой, но теперь Джейсу казалось, что было бы лучше относиться к ней как к пациентке. Он всегда был более чем этичным. И тут его профессиональная этика поможет ему избежать желания снова попробовать на вкус губы

мисс Саттер. Но он бы поступил правильно. Под провокационным поведением Мэдди он видел ее хрупкость. Испытание, которое она пережила, сделало ее уязвимой, и, несмотря на их взаимное влечение, было бы лучше и для нее, и для него поддерживать профессиональную дистанцию.

Если бы только он смог извлечь из ее истории понимание того, как помочь другим, его сдержанность была бы вознаграждена. Нехватка знаний в этой области медицины не давала ему спать по ночам. Сколько бы пациентов он ни спас, он не мог забыть тех, кого потерял. Он должен был знать, почему. Почему некоторые физически здоровые пациенты не смогли преодолеть психологические последствия своих травм, в то время как другие, такие как Мэдди, находили силы жить дальше.

Джейс подумал о Кэти, о том, как ужасно он ее подвел. Его горло сжалось от осознания вины. Если бы он только понял глубину ее отчаяния, он смог бы спасти ее от самой себя.

Джейс чувствовал, что повторяет судьбу отца. Дюйм за дюймом он приближался к пониманию того, что привело его отца — некогда уважаемого врача — к постыдной дисквалификации.

Джейс отряхнул с себя ледяной страх. Он не может повторить ошибок покойного отца. Наплевав на пальто, он вышел на крыльцо, вдохнуть воздуха. Постоял, позволяя прохладному ветру наполнить его легкие. Запах сирени доносился из заросшего кустарником дворика.

Генри Уэйлен вывернул из-за угла дома. Держа в руке молоток в руке, он вытер лоб кулаком. Рыжие вихры торчали в разные стороны. Он помахал Джейсу.

— Доброе утро, Док.

Джейс кивнул.

— Как продвигается ремонт крыши?

— Уже почти как новенькая.

Генри бросил молоток на землю и направился к Джейсу. Ворота, отделявшие двор от улицы, заскрипели, когда он скользнул внутрь. Пот бисеринками выступил на его веснушчатом лице.

— Это Мэдэлайн Саттер я видел тут раньше? — спросил Генри, подойдя к крыльцу.

Настал момент привести план Мэдди в действие, поэтому Джейс вздохнул и мечтательно улыбнулся.

— Да, это была она. Ежедневные вызовы, конечно, та еще работенка, но одни гораздо приятнее, чем другие.

Генри нахмурился, засунув руки в карманы своего джинсового комбинезона.

— Так что она здесь делала?

Его настойчивый тон привел Джейса в недоумение.

— Генри, это ведь не твое дело, не так ли?

— Нет, сэр, полагаю, что нет. Просто любопытно, вот и все, — он отвел глаза, взглянув в сторону улицы. — Она не часто приезжает в город.

— Судя по твоей реакции, ясно, почему.

Генри пожал плечами.

— Ничто и не держит ее в Мисти Лейк.

Слова его были лишены хоть каких-либо следов вежливости.

Джейс едва верил тому, что слышит. Почему эти порядочные люди так запросто поверили слухам о Мэдди?

— Так вот какое твое оправдание? — спросил он. — Ей лучше уехать из города?

— Всем было бы легче, если бы она уехала, — Генри поднял подбородок, глядя на нахмурившегося Джейса. — Эта девушка была мертва.

— Она была в коме. Измененное состояние сознания.

Генри покачал головой еще до того, как Джейс закончил, отвергая объяснение, как упрямый ребенок. Дай волю — закрыл бы уши руками и запел бы «ля-ля-ля, ничего не слышу».

— Кома, — повторил Джейс.

— Может быть, — сказал Генри. — Но в любом случае, она уходила, — он поковырял носком ботинка паркетную дощечку. — Она вернулась откуда-то, — пробормотал он.

Джейс уставился на него, озадаченный и недоуменный.

— И где, как ты думаешь, она была?

Генри отвел взгляд.

— В отличие от некоторых людей, я не хочу знать. Я просто знаю, что это странно, — он снова посмотрел на Джейса. — Она умерла в свой день рождения. Двенадцатого мая. И вернулась в пятницу тринадцатого.

Джейс удивленно застыл. Что там говорится о «подлить масла в огонь»?

— Совпадение.

— Можете называть как угодно, — Генри отмахнулся от него как от мухи. — Я все равно буду держать дистанцию.

Мысль о том, что этот простодушный парень считает Мэдди непривлекательной, была абсурдной. Джейс не смог устоять.

— А она симпатичная, правда?

Генри улыбнулся, больше походя сейчас на себя. По крайней мере, чувство юмора его не покинуло.

— Да, сэр, что есть, то есть, — его улыбка увяла. — Они все были такими. Прекрасная Пятерка, так мы их называли. Эти девушки нас всех очаровали... Даниэль Хогл сох по мисс Мэдэлайн. Какое-то время после катастрофы я думал, что он женится на ней, но его дядя этого бы не потерпел.

— Значит, наказали ее за то, что выжила, — сказал Джейс. — За что-то не зависящее от нее.

Он уже не мог сдерживать в себе гнев.

— Узколобые...

— Это маленький городок, Док. Мы были просто убиты их смертью. Мы все были друзьями, — печаль затуманила глаза Генри. Он расправил свои костлявые плечи, словно пытаясь распрямиться под грузом печали. — Они были дочерьми и родственниками людей, которых мы знали всю жизнь. Просто вид Мэдди Саттер добавляет соли в рану.

Что-то внутри Джейса щелкнуло. Мэдди была не просто козлом отпущения. Она была как-то ответственна за то, что случилось. Джейс услышал это в голосе Генри так же ясно, как и на прошлой неделе у миссис Тремонт. Он жаждал услышать рассказ Мэдди о происшествии и задавался вопросом, может ли это помочь ей — возможно, ее соседям просто нужно было услышать правду о том, как все было.

— Вам стоит быть осторожнее с ней, Док. Красивая или нет, что-то в ней не так.

Джейс сомневался, что Генри будет так открыто выражать свое мнение о Мэдди, когда узнает, что они помолвлены. Генри не был жестоким человеком. Он просто был продуктом своего окружения. И так же пропитан страхами, как и остальные. Джейс почувствовал, что

решимость помочь Мэдди в нем все растет.

Помолвка не повредит его практике, но помолвка с Мэдди — может. Ему было все равно. Он будет играть ее жениха, несмотря на любое неодобрение. Этот город нуждался в его услугах, а значит, ему нечего терять. К тому же это возможность накопить полезные знания. В свою очередь, помолвка Мэдди может помочь увидеть остальным, что она такая же женщина, как остальные. Женщина, которая стоит уважения.

Какой от этого может быть вред?

— Тебе лучше привыкнуть к ее присутствию, Генри. Она будет помогать мне здесь, в офисе.

Генри вытаращил глаза.

— Она умная женщина, и мне нужна помощь.

— Людям это не понравится.

— Тогда я предлагаю и им привыкнуть, — Джейс сделал глубокий вдох, но не удержался. — Потому что за короткое время мое знакомство с мисс Мэдэлайн стало чем-то большим.

* * *

Мэдди подошла к дому. В ее голове все еще кружился хаос мыслей, которые она изо всех сил пыталась рассортировать. Это был долгий день. Как ни странно, шок от встречи с Даниэлем и новость о его помолвке быстро прошел. Как и чувство ревности в ее груди, возникшее после встречи.

Теперь у нее есть более насущные проблемы. А именно, Джейс Меррик и его незабываемый поцелуй. Она вздохнула, думая о том, что немного выходит за рамки приличий. Позволила аромату полевых цветов и сосны наполнить легкие. Этот вздох и вернул ее на землю, к реальности.

Она связала себя с человеком, который мог ее уничтожить. С ученым, умным и быстро соображающим. Более того, она разрешила ему исследовать ее жизнь, ее самые темные дни. И если он каким-то образом обнаружит ее дар... Мэдди не хотела думать о последствиях. Джейс не станет относиться к такой информации легкомысленно, и если ее разоблачат, то могут отправить в сумасшедший дом или хуже.

Она вошла в дом как в прострации. Сняв новую шляпку, стащила с рук перчатки, бросила все на стол в гостиной. Надо сообщить дедушке о помолвке до того, как он услышит это от Ретты или Гила. Эти двое часто ездили в город и рано или поздно должны были услышать новости. Мэдди снова стало страшно, когда она осознала, что ей придется заручиться их помощью, а также помощью бабушки, чтобы поддержать слух о том, что Джейс лечил бабушку все это время.

Она направилась через гостиную по длинному коридору, проверяя каждую комнату. Эхо шагов на мраморном полу стихло, когда Мэдди прошла через террасу. Сквозь череду окон, выходящих на озеро, она увидела бабушку. Сидя во внутреннем дворике, он наслаждался своим послеобеденным бокалом вина. Толстый афганский плед укрывал его ноги. Бабушке всегда было холодно, даже, несмотря на теплую погоду. Уставившись на воду, он выглядел совершенно умиротворенным, смирившимся со своей судьбой. Готовым уйти.

Мэдди остановилась в арочном дверном проеме и, прислонившись к дверному косяку, долго смотрела на дедушку, пытаясь запечатлеть его образ в своем сознании. Глядя на царственный профиль дедушки, она снова ощутила глубокий стыд. Она теперь лгунья. Женщина, готовая использовать в своих эгоистичных целях мужчину, которого едва знала. Спрятав вину на задворки сознания, она наклеила на губы радостную улыбку и шагнула вперед.

— Привет, дедушка, — Мэдди почти упала в кресло рядом с его креслом.

— Как прошел поход по магазинам?

— Насыщенно, — сказала она, не зная, с чего начать.

Он повернулся к ней, брови выгнулись в ожидании продолжения, как пара пушистых серых гусениц.

— Я столкнулась с Даниэлем и его невестой в магазине одежды.

Он нахмурился при упоминании имени человека, которого когда-то любил, но стал презирать.

— Скажи мне, что ты послала его к черту.

— Я могу только сказать, что встреча заставила меня сделать кое-что глупое. Когда он предположил, что я не приду на свадьбу, потому что меня некому будет сопровождать, я кое-что выдумала, — она сжала руки на коленях. — Я сказала ему, что приду с женихом.

Дедушка закашлялся, чуть не пролив портвейн.

— Господи, Мэдди! Мне любопытно услышать, как ты собралась выпутываться из этого, — сказал он, отставляя стакан.

— У меня есть вариант.

Его глаза вспыхнули.

— Доктор Меррик согласился выступить в роли моего жениха.

— И с чего бы это он согласился на такое?

Он казался менее ошеломленным ее ложью, чем согласием Джейса участвовать в ней. Было больно осознавать, что она настолько пария. Что не один мужчина не подойдет к ней ближе, чем на десять метров — и дедушка понимал это.

— Он же доктор. Я — интересный случай.

Он нахмурился.

— Ты совсем не такая.

— Может, ты поговоришь с Реттой и Гилом? — спросила она, меняя тему. — Если кто-нибудь спросит их о помолвке, они могут сказать, что ты часто вызывал доктора Меррика на дом.

Его глаза потускнели, когда он кивнул.

— Они все сделают, — сказал он. — Не беспокойся.

Дедушка сделал еще один глоток портвейна и посмотрел в сторону озера.

— После смерти твоих родителей я пообещал опекать тебя.

— Это не твоя вина. Ты это знаешь.

— Может быть. Но это ничего не меняет. Мужчины должны стоять в очереди за твоей рукой, как было раньше. Тебе нужен жених, который тебя любит, который хочет создать с тобой семью, и который плюет на все эти сплети, — его ледяная рука потянулась к ней. — Я хочу, чтобы ты передумала и уехала.

— Ты не избавишься от меня так легко, — сказала Мэдди, пряча слезы. — И они тоже.

Он печально смотрел на нее.

— Это мой дом, — сказала она.

— А потом, когда я умру?

— Я думаю, все когда-то кончится, старик, — она заставила себя улыбнуться. — Я должна сделать это. Как бы страшно ни было смотреть им в глаза, пришло время вернуться в общество.

С удивительной силой его костистые пальцы сжали ее руки.

— Ты сильная девушка. У тебя все будет хорошо.

Неважно, себя или ее пытался он убедить, Мэдди почувствовала себя лучше.

— Я ужасно скучала по Амелии. Часть меня с нетерпением ждет свадьбы.

— Конечно. А вы с доктором Мерриком будете очень красивой парой, — его тусклые глаза на мгновение сверкнули. — Я хорошо разбираюсь в людях. Он поможет тебе получить то, что ты хочешь.

Дедушка убрал руку с ее руки и повернулся к воде. Он был доволен идеей о ее помолвке с Джейсом. Слишком доволен. Мэдди даже услышала, как он напевает себе под нос. Этот практичный старик был так обеспокоен будущим Мэдди, что готов был связывать свои надежды с иллюзией.

Мэдди поднялась.

— Это все притворство, дедушка, — сказала она, глядя на него. — Пожалуйста, имей в виду.

Он взглянул на нее с чуть заметной улыбкой и подмигнул.

— Да, да. Как скажешь, девочка.

Мэдди не знала, с чего начать.

Стоя посреди хаоса в кабинете Джейса, она понимала, что ему, скорее, нужны услуги горничной, нежели медицинской помощницы.

— Я добился кое-какого прогресса, — сказал Джейс.

Она выглянула в комнату ожидания для пациентов, пытаясь заставить себя увидеть прогресс. Недавно залатанный потолок, большие коробки убраны из центра комнаты по углам, но повсюду валялись мешки и ящики с книгами и другими вещами.

— Это что, картошка? — спросила она.

Он кивнул, глядя на приваленный к дивану мешок.

— Ведро картошки, если быть точным. Оплата за вскрытие нарыва.

— Ясно, — сказала она, подавляя улыбку.

— Еще я заработал пять фунтов свежего оленьего мяса и мешок корма для лошади. И это притом, что медпункт еще не открылся официально.

— Я полагаю, в Питтсбурге оплату было удобнее складывать в карман.

Джейс пожал плечами, ухмыляясь.

— Мне сказали, в сельской местности все так делают. Пока я буквально зарабатываю себе еду, но я ценю любую благодарность.

Он двинулся вперед, маневрируя между ящиками.

— Как только закончишь складывать книги, можешь начать собирать это, — он указал на кучу вещей на полу. — Сложи эти вещи в один из пустых ящиков, и я отдам их в клинику в Трое.

И он снова вернулся к ящику, который перетаскивал по полу через комнату.

Как будто их поцелуя и не было. Мэдди не знала, чего ждать, но Джейс, казалось, не чувствовал себя неловко в ее присутствии. Он вообще казался безразличным. Она знала, что должна чувствовать облегчение, но его равнодушие беспокоило ее. Сильно беспокоило.

От влечения к Джейсу было не так легко отмахнуться. Как и от ее желания узнать его поближе. Все, что Мэдди пропустила в последние три года — вся ее глубоко спрятанная воля к жизни — теперь кипело на поверхности. Она практически ощущала кожей свою страсть к этому мужчине.

Уголкем глаза она наблюдала, как он роется в ящике. Рукава рубашки Джейса были закатаны до локтей, обнажая предплечья. Его волосы падали на лицо. Мэдди не знала, что ей нравилось больше — сосредоточенный, растрепанный мускулистый мужчина, которого она видела сейчас, или элегантный, модно одетый джентльмен, с которым она пила чай в их доме. Обе стороны его натуры были одинаково привлекательны.

Еще не прошло и десяти минут наедине с ним, а все, о чем Мэдди могла думать — это как его губы касаются ее. Патетика. Ну, она сама виновата.

Держа в руках кучу книг, Джейс показал подбородком на высокий книжный шкаф.

— Я переставлю эти книги на нижнюю полку, чтобы ты могла их рассортировать.

Он поставил книги на стол.

В тесном пространстве между столом и шкафом было мало пространства для двоих. Джейс потянулся за здоровенными томами на полке выше. Ее чувства закипели. Его грудь задела ее плечо, и Мэдди обдало жаром. Ее тело почти трещало от напряжения его близости,

восхитительного запаха кожи.

Джейс опустил взгляд и посмотрел на нее. Его глаза встретились с ее глазами — и Мэдди потеряла способность дышать.

Кажется, Джейс тоже.

Его взгляд упал на ее губы, и она чуть приоткрыла их, убеждая его наклониться, прикоснуться к ней. На миг забыть об этих пыльных книгах и просто поцеловать ее. *Пожалуйста.*

Как будто услышав ее молчаливую мольбу, Джейс потянулся к ней. Сердце Мэдди колотилось. Джейс облизал губы, его голубые глаза потемнели так же, как в прошлый раз. Она замерла под этим взглядом. «Сейчас произойдет что-то замечательное», — сказали его глаза.

Джейс выдохнул и выругался. Он достал книги, а затем отошел в другой конец комнаты, с грохотом опустив тома на стол, когда проходил мимо. Мэдди уставилась на него, растерянная и разочарованная. Закрыв глаза, она раздосадовано вздохнула.

Она упустила свой шанс с Даниэлем. Тогда она думала, что у нее было все время мира, чтобы исследовать физическое желание. Чтобы все познать.

Катастрофа все изменила. Теперь Мэдди знала, что в жизни нет места для сомнений, нет гарантий или обещаний завтрашнего дня. Было только сегодня, и она уже многое потеряла.

Тайная способность, которую она приобрела после травмы, могла стоять и большего. Правда и честность, узы доверия, истинная любовь, прочный брак. Эти священные вещи были теперь вне ее досягаемости, так почему бы не отдаться страсти здесь и сейчас?

Кроме того, было ясно, что девичье любопытство, которое она чувствовала к Даниэлю, было бледной, ничтожной тенью, в сравнении с непреодолимым притяжением к Джейсу. Возможно, именно сила одиночества привлекла ее к этому человеку. К тому, от которого она должна бежать. Или, может быть, опасность была частью этого чувства. В любом случае, у нее никогда не будет другого шанса познать страсть. А если кто-нибудь узнает? Но Мэдди уже была изгоем, как еще она могла испортить свою репутацию?

Чем больше она оправдывала эту захватывающую перспективу и чем дольше смотрела на Джейса, тем больше убеждалась, что рискнуть стоит. Возможно, она могла бы отвлекать его приятными развлечениями, и он бы забыл свой интерес к ее истории болезни. Звук его голоса вырвал ее из плена грез.

— Мне нужно уехать на час, чтобы проверить миссис Тремонт. Но сначала я хочу кое-что между нами прояснить, — сказал он. — Э-э... я о том, что случилось на днях.

Тон Джейса разочаровал ее, а слова неожиданно задели.

— Поцелуй?

— Да, Мэдэлайн, поцелуй. Я не должен был позволять себе такие вольности. Я уверяю тебя, что этого больше не повторится.

Ее сердце упало.

— Могу я спросить, почему?

Он уставился на нее с каменным лицом.

— Я же доктор.

— Ты не мой доктор.

Он моргнул.

— Нет. Но ты...

— Взрослая женщина, — сказала Мэдди, пока он искал слова. — Факт, который ты, кажется, отметил.

Он кивнул, его губы сложились в улыбку, которая успокоила ее.

— Да, я заметил, Мэдди.

Смех ушел из его глаз, когда взглядом Джейс окинул Мэдди сверху вниз.

Дрожь пронзила ее позвоночник. В животе стало жарко. Он хотел ее. Несмотря на ее ужасную репутацию, он хотел ее. Его нежелание идти на поводу страсти вытекало из чего-то другого, и что бы это ни было, Мэдди была полна решимости взять верх.

Она медленно и вызывающе двинулась к нему.

— До катастрофы я была весьма популярна.

— Несомненно, — его тон был полон веселья

Не совсем тот ответ, который она хотела услышать. Он действительно был так решительно настроен?

— У меня было много поклонников.

Джейс напрягся, пристально глядя на нее.

— То есть?

— То есть, меня уже целовали, — она подняла подбородок. — И не раз.

Его глаза сузились.

— Тем не менее, ты будешь делиться со мной информацией о своем выздоровлении, и я намерен использовать ее для серьезных профессиональных целей. Это означает, что я буду вести себя на протяжении моего исследования так, как подобает себя вести доктору, — он потянулся за медицинской сумкой, стоящей у ног. — Я вернусь через час.

Кивком дав понять, что разговор окончен, Джейс ушел на вызов.

Его внезапная перемена в настроении мучила Мэдди. Доктор Меррик, как видно, упрямо решил быть джентльменом. Конечно, она могла помочь ему разрешить эту бесполезную этическую дилемму. Она никогда не отступала и не отступит сейчас.

— Посмотрим, — пробормотала Мэдди, закатывая рукава, и вернулась к работе.

Она направилась к окну в комнате ожидания, распахнула ставни. Пылинки заплясали в потоке света, пробивавшегося сквозь темные стекла. Беспорядок так выглядел еще хуже.

Мэдди начала распаковывать ближайший ящик. Она понятия не имела, что именно раскладывает, так как все внутри было тщательно обернуто в толстую бумагу для сохранности. Как Джейс и сказал, она стала перетаскивать предмет за предметом на полку в шкафу в смотровой комнате.

Мэдди наклонилась, чтобы рассмотреть лекарства и травы, размещенные за стеклянными дверями соседнего шкафа. Металлические лотки, банки, наполненные настоями из листьев лопуха, девясила, дурмана, корня ластовня выстроились на переполненных полках рядами.

Из всего этого Джейс готовил припарки, мази и таблетки для своих пациентов. Она подумала о времени и силах, затрачиваемых на приготовление средств, которые могли оказаться неэффективными.

Обо всех бессмысленных страданиях...

Звук плача ребенка донесся через открытое окно. Мэдди вскочила и бросилась в холл — и дверь тут же распахнулась.

— Доктор! — это был мистер Клири со своим сыном на руках. Нога мальчика была обмотана окровавленной тканью. — Доктор!

Миссис Клири бежала за ними, слезы текли по ее щекам.

— Доктор Меррик!

Сердце Мэдди заколотилось.

— Его здесь нет, — сказала она. — Он пошел повидаться с миссис Тремонт. Что случилось?

— Наш мальчик прыгнул с тюка и наткнулся на гвоздь в половице. Все плохо.

— Ему всего четыре года. Мы не можем потерять и его тоже, — миссис Клири вытерла слезы. — Господи, Джеймс, что нам делать?

Ребенок кричал громче, родительский страх питал его собственный. Болезнь крови, от которой страдали все Клири, убила остальных их детей, и Мэдди никогда не видела на лице мистера и миссис Клири такого страдания. Она решила сделать все, что в ее силах, чтобы помочь. И черт с ними, с последствиями.

— Дайте его сюда, — сказала Мэдди.

Они уставились на нее в ужасе, как будто она была самым дьяволом и пришла, чтобы забрать мальчика в ад.

— Дайте. Его. Сюда.

Мэдди вырвала кричащего ребенка из рук отца.

— Пошлите кого-нибудь за доктором Мерриком, — сказала она мистеру Клири. — Миссис Клири, подождите здесь, — она направилась в смотровую. — Как его зовут?

Миссис Клири моргнула.

— Джозеф, — сказала она. — Джоуи.

Мэдди с мальчиком на руках побежала в смотровую. Она закрыла дверь, оставив миссис Клири рыдать снаружи. Опустившись на стул с ребенком на коленях, Мэдди заговорила:

— Не двигайся, — вышло жестче, чем хотела, но ей всегда не хватало терпения с детьми. Нужно было успокоить мальчика. — Тсс. Все в порядке, Джоуи, тихо.

Мальчик уткнулся ей в грудь, когда она заглянула под пропитанную кровью ткань, чтобы оценить ситуацию. Кровь хлестала из маленькой ранки в ноге с удивительной силой. Останавливаться не собиралась. У Джоуи явно были проблемы, и ему срочно нужна была помощь.

Мэдди отбросила тряпку в сторону, и та упала на пол, разбрызгивая кровь. Руки дрожали. Было так много крови, и ребенок был такой маленький. Если не считать себя, Мэдди исцелила только одного человека. Но ожог на руке Ретты не был смертельной травмой. А это определенно было. Она должна была попробовать.

Усадив мальчика на коленях, Мэдди использовала свою свободную руку, чтобы обхватить ею ногу Джоуи. Кровь заполнила ее ладонь, просочилась сквозь дрожащие пальцы. Джоуи хныкал. Мэдди стала напевать ему, мягко сжимая его ногу, пока не смогла обхватить ее крепче.

Она закрыла глаза и нажала сильнее. Джоуи захныкал и стал дергаться у нее на коленях. Покачивая мальчика, чтобы успокоить его, Мэдди сосредоточилась на пульсации. Ее окатило теплом; горячие слезы наполнили глаза. Жар от руки Мэдди становился все сильнее.

Джоуи от странного ощущения застыл, не прекращая хныкать. Тепло теперь шло свободно, почти без усилий.

— Тсс. Не бойся, — ворковала Мэдди. — Все в порядке.

И она почему-то уже знала, что это так.

Снаружи послышался гомон встревоженных голосов. Миссис Клири была в истерике.

— Она забрала Джоуи!

Тяжелые шаги эхом отдались через дверь, становясь все громче. Дверь открылась, и вошел Джейс. Мистер Клири следовал по пятам.

— У него склонность к кровотечениям, доктор.

— Гемофилия?

— Да, сэр. Мы уже потеряли двух мальчиков. Гвоздь прошел прямо через его ботинок. Джон Болдуин уже запряг коляску, чтобы мы могли отвезти его в Трой.

— В этом нет необходимости, — сказала Мэдди. — Он...

— Подними его на стол, — приказал Джейс, ополаскивая руки в тазике с водой.

— С ним все в порядке. Он...

— Быстро, — скомандовал Джейс, поворачиваясь. Он высушил руки и приготовил свежую повязку.

Мэдди нежно усадила Джоуи на стол.

— Лежи, сынок, — сказал Джейс, отодвигая Мэдди.

Глаза Джоуи расширились от страха, и он снова заплакал. Игнорируя протесты ребенка, Джейс заставил его улечься на спину.

— Ну-ка, посмотрим, — произнес он, осматривая травму с профессиональной ловкостью.

Джейс склонился над раной, его движения были резкими и быстрыми, как будто тело действовало само по себе. В отличие от дрожащих рук Мэдди, его руки были твердыми и сильными.

Мэдди сжала свои окровавленные руки на юбках и стала наблюдать. Джейс наморщил лоб, затем наклонился ближе. Его мрачное выражение лица волновало ее. Кровь еще льется? Успела ли она исцелить мальчика?

— Оно замедляется, — сказал Джейс. — Потянувшись за повязкой.

Клири подошли ближе, их голоса слились.

— Замедляется?

— Похоже, — ответил Джейс, разглядывая ногу Джоуи.

— Как? — миссис Клири обернулась к Мэдди. — Что вы сделали?

Она повернулась обратно к Джейсу.

— Что она сделала?

— Она ничего не сделала, — резко ответил Джейс. — Кровь сворачивается.

Отпустив ногу Джоуи, он выпрямился, чтобы встретиться с миссис Клири глазами.

— Прокол был достаточно глубоким, чтобы разорвать крупные сосуды, но кровь, похоже, сворачивается, — он повернулся к Джоуи. — Как ты себя чувствуешь, сынок?

Мальчик отвел слезящиеся глаза, губы его дрожали.

Мэдди не могла винить ребенка. Выражение лица Джейса было таким требовательным, что напугало бы и льва.

— Ответ доктору, Джоуи, — сказала она. Подойдя к столу, Мэдди потрепала Джоуи по колену. — Как ты себя чувствуешь?

— Я хочу домой, — засопел мальчик.

— Конечно, милый, — проворковала Мэдди с улыбкой. Она повернулась к Джейсу. — Могу я помочь ему встать?

— Нет, ты не можешь, — он повернулся, наливая в тазик чистой воды. — Колотые раны

подвержены инфекции. Рана должна быть очищена.

Мэдди успокаивала мальчика, пока Джейс тщательно промывал и перевязывал его ножку.

— Везите его в Трой, — сказал Джейс мистеру Клири. — Кровотечение при его болезни может возобновиться.

Мэдди покачала головой.

— Я не думаю, что...

— Держите его ногу поднятой во время поездки и старайтесь, чтобы нога не двигалась. Возьмете открытую коляску? — спросил он, поднимая мальчика со стола и перекладывая его на руки мистера Клири.

— Да, сэр.

— Ладно. Мы дадим ему немного лауданума, чтобы успокоить. Усадите его в повозку так, чтобы он не подпрыгивал.

Миссис Клири закивала.

— Спасибо, доктор Меррик.

Она пронеслась мимо Мэдди, затем остановилась, медленно повернувшись к ней лицом. Отношение миссис Клири к Мэдди не сильно изменилось с тех пор как она в последний раз ее видела, но суровая линия рта немного смягчилась, а обычно холодные глаза казалось, стали чуточку теплее.

— Спасибо, — тихо произнесла она и поспешила за мужем.

Джейс проводил троицу к ожидающей снаружи коляске. Мэдди наблюдала, как он помогал посадить Джоуи внутрь. Заламывая руки, Мэдди пыталась расслабиться. Ее простые усилия по исцелению не всегда были успешными. Ее неспособность вылечить дедушку доказала это. Но эта попытка была громкой победой, и с внезапной ясностью она осознала, что больше не может сидеть сложа руки, когда ее соседи истекают кровью и страдают, даже если это означало, что потом ее будут презирать и бояться больше, чем уже презирают и боятся. Конечно, она будет осторожна. Но она не будет отказываться от своего дара.

Выдохнув накопившееся напряжение, она стала успокаиваться. Через несколько минут повозка двинулась вверх по улице.

Джейс вошел в дом и решительно закрыл за собой дверь.

— Какого черта ты делаешь?

Она моргнула.

— Извини?

— Я здесь доктор, Мэдэлайн, не ты.

— О, ради всего святого.

— Я настоятельно советую тебе это помнить.

— Я просто пыталась успокоить ребенка. И я подумала, что могу применить травяную припарку, которую Ретта иногда накладывала при порезах. Но она все равно оказалась не нужна...

— Травяная припарка? От кровотечения? — он не отводил взгляда. — Это мои пациенты. Никогда не подрывай мой авторитет. В этом кабинете не будет знахарских примочек и мамбо-джамбо.

— Мальчик испугался. Мне нужно было что-то сделать.

— Мальчик мог истечь кровью на моем столе! Если бы прокол оказался на миллиметр глубже, он вполне мог бы!

— Я...

— Ты не умеешь лечить людей! Ты здесь не для этого!

Может и нет, но она была здесь. И она спасла жизнь Джоуи. Мэдди сжала губы, удерживаясь от ответной реплики, которая могла бы перевернуть его мир вверх ногами.

— Вообще-то я даже не хотела быть здесь! — огрызнулась она. — И я точно не хотела быть медсестрой. Или домработницей.

— И я не хотел быть твоим женихом. Так что мы в расчете.

Джейс направился к смотровой.

— Иди мыть руки, — позвал он через плечо.

Мэдди последовала за ним. Она начала мыть руки в тазике с водой, пока Джейс копался в своих медикаментах.

— Для той, кто не хочет быть медсестрой, ты проводишь слишком много времени с испачканными кровью руками.

Она нахмурилась, потирая кожу сильнее, но нашлась с ответом.

— У тебя нестерильные руки, к тому же, — пробормотал он. — Даже небольшая инфекция может стать смертельной, — он бросил ей полотенце. — Это люди, Мэдэлайн, а не раненые олени.

Она высушила руки, а потом заставила себя посмотреть ему в лицо.

Его голос смягчился, когда он взял себя в руки.

— Я понимаю, тебе хочется помочь, но это вмешательство могло помешать лечению. Или даже хуже.

Она открыла рот, чтобы запротестовать, но хмурый взгляд Джейса предостерег ее.

— Ты будешь заниматься организационными делами и вести запись пациентов. Больше ничего. Это понятно?

Его снисходительный тон злил Мэдди. Она кивнула, чтобы просто успокоить его.

Этот инцидент кое-что дал ей понять о докторе Джейсе Меррике. Даже если она совершит чудо прямо у него под носом, он, скорее всего, не поверит.

Джейс провел следующее утро на вызове, где в течение нескольких часов оказывал помощь мужчине с переломом руки. Очередной внезапный ураган накрыл город вскоре после того, как он покинул уединенный фермерский дом в лесу и направился пешком вниз по горе. Коттеджи и особняки были разбросаны вокруг озер, коих за городом было предостаточно. Джейс надеялся, что вскоре он начнет лучше разбираться в этом сплетении дорог и конных троп, ведущих в отдаленные места.

Вызовы на дом составляли значительную часть практики в сельской местности, и поддерживать багги ^ш в хорошем состоянии было просто необходимо. Поездка к какому-нибудь пациенту зимой могла быть опасной, не говоря уже о том, что ехать, наверняка, приходилось бы в темноте. Пара летних ливней — и дороги превращались в скользкое месиво.

Багги еле тащился, скользя в грязи, и дождь стучал по крыше. Долгие поездки обычно давали Джейсу время поразмышлять о своих пациентах и новой практике. Однако сегодня его мысли, казалось, касались только Мэдди. Всю прошлую ночь и все время пути к пациенту этим днем он пребывал в ярости из-за того, что случилось с Джоуи Клири. У нее не было права оспаривать его указания, когда дело касалось пациентов — это могло быть просто опасно. И все же он не мог не восхищаться тем, как она доказывала свою правоту. Мэдэлайн злила его. Сводила с ума. И слишком отвлекала.

Вчера Джейс был очень близок к тому, чтобы снова поцеловать ее. И к соблазну отправить ее домой и положить конец этой нелепой афере, прежде чем она на самом деле началась. Но он согласился сыграть ее жениха, а Генри уже заглотил приманку, ставшую началом их игры, так что пути назад не было.

Если быть честным, часть его хотела продолжить игру. Джейсу хотелось бы сказать, что к Мэдди он безразличен, но как он мог? Даже сейчас его мозг был занят: он беспокоился о ней, опасался, что она попадет под дождь по пути домой. Деревья качались на ветру. Бури здесь налетали мгновенно — пробитая крыша в его офисе была тому доказательством. Если Мэдди не окажется в офисе, когда он придет, он отправится по дороге к ее дому, на поиски.

К тому времени, как он добрался, было уже далеко за полдень, и буря по-настоящему рассвирепела. Мэдди стояла у окна, словно ожидая его возвращения. Джейс мог бы оправдать свое облегчение мыслью о том, что Мэдди в безопасности, но внезапная радость, охватившая его, когда багги остановился, сказала ему кое о чем еще. Он был просто счастлив ее видеть.

Господь Всемогуший.

Джейс схватил сумку и бросился к двери. Он нырнул внутрь, стряхивая с одежды воду. Мэдди встретила его с полотенцем и забрала сумку.

— Я рад, что ты все еще здесь, — сказал он в полотенце, промокая лицо.

— Правда? — ее задумчивая улыбка согрела его до самого сердца.

— Эта буря просто ужасна.

Улыбка Мэдди увяла.

— Да, я подумала, что лучше переждать, — сказала она и потянулась за полотенцем. Повесила его на крючок у двери, а затем последовала за Джейсом по коридору. — Горная дорога может обернуться проблемой в плохую погоду. Я начала волноваться.

Он не мог вспомнить, когда кто-то беспокоился за него в последний раз, и ее забота застала его врасплох.

— Поездка была неприятной, но обошлось без сломанных колес.

Джейс огляделся, только сейчас замечая обстановку. Мэдди убралась и обустроила комнату ожидания для пациентов. Он отметил плетеный ковер под центральным столом и стоящие ровным рядом у стены стулья.

— Здесь было сыро, — сказала Мэдди, объясняя потрескивание огня в очаге.

Пламя мерцало, освещая комнату золотистым сиянием. Стоящая на камине сирень в вазе освежала когда-то затхлый воздух. В один день тяжелая работа и легкие прикосновения пальцев Мэдэлайн превратили этот бардак и хаос в уютное, удобное место для пациентов.

— Ты отлично справилась.

Мэдди улыбнулась, и Джейс почувствовал, как сквозь него прошла искра. Ее темные волосы были скручены в узел, но прядки выбились из него во время работы. Отблески касались ее висков и круглились на шее. Взгляд на нее всколыхнул его чувства. Как и расстегнутые пуговицы воротника у ее нежного горла. Джейс сделал глубокий вдох, чтобы отогнать возбуждение. Запах лука, донесшийся из кухни, заставил его желудок заурчать.

— Заходила Мэрайя Уитби, принесла хороший кусок говядины, — сказала Мэдди. — Благодарность ее матери за твои услуги вчера утром.

— Так вот чем так вкусно пахнет?

— Я приготовила обед. Генри сказал, что ты будешь в горах почти до полуночи. Тебя не было с раннего утра, и я подумала, что ты проголодаешься.

Джейсу не было привычно такое внимание — он так долго был один. Ее забота о нем была такой же неловкой, как и приятной.

— Я голоден, — признался он.

Но Джейсу хотелось не только еды. Возвращение домой к женщине, безусловно, имело свои преимущества, и Джейсу никогда не удавалось их оценить так, как сейчас. Он заставил свои низменные желания утихнуть и стащил с плеч мокрое пальто.

— На улице еще льет, — сказала она. — Возможно, я присоединюсь к тебе за обедом, — она наклонила голову, скривив губы. — Если ты не боишься, что ужин со мной будет нарушением правил приличия.

Она была неисправима. И чертовски соблазнительна.

— Я не могу отправить тебя домой под дождем.

Она ухмыльнулась, как кошка, загнавшая мышь в угол.

— Обычно дома готовит Ретта, но потушить мясо я могу. Обед будет скоро готов. Пока согреешься и выпьешь кофе.

Сняв сапоги и переодевшись, Джейс направился в кухню.

Мэдди и здесь прибралась. Линолеум блестел, как и белые кафельные стены. На столе стояла ваза с цветами. Комната ожила с присутствием Мэдди. На плите фыркала кастрюля.

Он сел, наблюдая, как Мэдди ходит рядом, подавая ему кофе и проверяя готовность жаркого и картофеля. Клетчатый фартук, завязанный вокруг тонкой талии, подчеркивал дразнящий изгиб ее бедер. Простота бежевого платья не могла замаскировать стройную фигуру, и откровенный флирт сказал ему, что она знает об этом. Мэдди вдруг отвернулась от плиты.

— Прости за вчерашнее, — сказала она. — Я не привыкла стоять в стороне, когда кому-то требуется помощь.

— Да, я вижу.

Она улыбнулась, потянувшись к корзине рядом с умывальником. Вытащила оттуда что-то завернутое в газету, а затем положила на стол рядом с его дымящимся кофе.

— Что это? — спросил он.

— Предложение мира.

А что было до сих пор? Джейс настороженно смотрел на нее, но она казалась вполне искренней. Он развернул газету. Деревянный ящичек был размером с кирпич, но намного легче. Вырубленный в крышке лесной пейзаж был изысканным. Джейс покрутил ящичек в руках, осматривая изящные детали. Он открыл и закрыл его. Взгляд наткнулся на инициалы, выгравированные в нижнем углу. Он поднял взгляд.

— Ты его сделала?

— Вместе с шестнадцатью другими, — сказала она. — Я выбрала его для тебя из-за оленей в лесу, — она указала. — Видишь?

Он посмотрел на крошечного оленя, стоящего среди сосен. Мэдэлайн Саттер была художницей. Ее способности художника поразили его.

— Я впечатлен.

Она пожала плечами.

— Это занимает меня.

Он задумался над ответом. Джейс не хотел портить приятный момент и их предстоящую трапезу, но ему однажды все равно придется развить тему. Это была причина его участия и причина, по которой она была здесь, несмотря на то, что в присутствии Мэдди забыть об этом было легко.

— Так ты справилась? Занимая себя?

Она застыла, сделала шаг назад.

— Я начала заниматься резьбой по дереву, потому что это было то, что я могла делать, лежа в кровати со сломанной ногой. Дедушка научил меня еще много лет назад. Правда, тогда я была слишком поглощена светской жизнью, чтобы тратить время на что-то этакое, — она улыбнулась иронии судьбы. — После аварии дедушка почувствовал, что мне нужно чем-то занять ум.

— Чтобы помочь тебе забыть?

Она кивнула, ее взгляд стал задумчивым.

— Он умный человек, твой дедушка. Я тоже назначал хобби и другие занятия, чтобы отвлечь пациентов от их боли.

Взгляд Мэдди устремился к нему.

— Это им помогло?

Джейс не был готов, и вопрос выбил его из колеи. Он подумал о Кэти, и о дне, когда ее вытащили из реки.

— Нет.

Мэдди не выглядела удивленной, и ее уверенность ужалила его.

— Резьба помогла мне заполнить время, дожидаясь выздоровления. Но она не могла помочь мне забыть. Постепенно я поняла, что как бы ни хотелось мне стереть прошлое, отрицание не было решением.

— Заикливаться на травме еще вреднее, — возразил он.

— Возможно. Но, пережив этот опыт, я могу заверить, что отрицание тоже плохо. Сначала я пыталась стереть себе память. Я пыталась забыть. Отчаянно пыталась.

Он кивнул, ненавидя страдание в ее глазах.

— Ты была растеряна.

— Я была зла, — ее резкий тон смягчился. — Мне было больно и страшно. Я была сбита с толку. Внутри меня бушевали эмоции, как какой-то бешеный зверь. И хоть я и пыталась запереть зверя, он был слишком диким, чтобы оставаться в клетке надолго.

— Но со временем...

— Нет, — она покачала головой. — Боль находит способ мучить, проявляться, если не днем, так в темноте ночных кошмаров. И когда-нибудь она должна была вырваться на свободу. И чем больше вы пытаетесь ее игнорировать, тем сильнее она становится. Если только вы не встретитесь с ней лицом к лицу.

Он внимательно слушал, более увлеченный словами Мэдди, чем тем, что читал в учебниках или слышал на лекциях в медицинской школе.

— Как?

— Не притворяясь, что этого ужаса никогда не было. Признав, что это произошло, — она подняла подбородок. — Я заставила себя не только вспомнить катастрофу, но и запомнить ее.

— Запомнить?

Она кивнула.

— Каждую ужасающую деталь.

Он молча смотрел на нее.

— Потом я все это записала. Все. Я описала страх, испуганные лица моих друзей. Как мы цеплялись друг за друга. Их пронзительные крики, — ее голос стал таким тихим, что он едва слышал ее. — Как их искалеченные тела упали на меня.

Он с трудом сглотнул.

— Зачем ты мучила себя?

— Мне пришлось. Только так я смогла очистить свой разум. В этом был смысл, не так ли?

Его мысли кружились. Джейс основывал лечение Кэти на прямо противоположном. Но Кэти была такой хрупкой. Такой сломленной. Такой непохожей на Мэдди, которая скрывала под своей нежной внешностью силу. Желание дать отпор.

— Должно быть, это было очень сложно, Мэдди.

— Я думала, эта боль может убить меня, — она заставила себя улыбнуться. — Не то чтобы в то время мне было не все равно. Месяц за месяцем я не могла жить полной жизнью. Я не могла есть. Я не могла спать. Единственное, что я могла — это плакать. И вырезать эти ящички.

Большими пальцами он ласкал гладкую поверхность коробки. Он представил, как Мэдди плачет, вырезая этот ящичек, и подарок обрел еще большую ценность

— После того, как я записала каждую деталь, которую смогла вспомнить, я заставила себя прочитать написанное. И еще раз. И еще. Каждый день я читала свои записки. И наконец, случившееся перестало быть этой чудовищной, страшной катастрофой, с которой я не могла справиться. И оно стало частью моего прошлого. Оно стало частью меня — а не я частью его. В конце концов, кошмары начали утихать.

подавляя желание попросить ее дневник, чтобы почитать, Джейс впитывал ее слова как губка. Тяжело было думать о том, через что Мэдди пришлось пройти, что ей пришлось испытать, чтобы вылечиться. Она была великолепна. Мужественная. Красивая.

— Значит, ты победила зверя.

— Укротила его, — поправила она. — Я все еще борюсь с кошмарами, и я все еще не могу заставить себя сесть в коляску. Но я продолжаю жить дальше, — она посмотрела в сторону окна. — Насколько они мне позволяют.

Она улыбнулась, и он подумал, что никогда и никем так не восхищался. Джейс поднялся, не в силах противиться притяжению, с которым больше и не хотел бороться.

— Черт с ними.

Он подошел ближе. Ее глаза сказали ему, что она знает, чего ожидать. Мэдди прислонилась спиной к шкафу. Ее глаза приглашали. Она ждала его.

— К черту все это, — пробормотал Джейс, обнимая ее.

Захватив ее губы в плен, он раскрыл рот, впуская ее жадный язык. Она обхватила его шею руками. Страстный ответ привел его в исступление. Джейс все глубже погружался в сладкие глубины ее рта, пробуя, исследуя. Звуки их стонов сливались, их языки и тела плавил друг друга.

Джейс крепко сжал ее бедра, когда она прижалась к нему. Ее мягкая грудь дразнила его грудь. Сердце под ребрами колотилось. Проведя губами по ее щеке, он поцеловал шелковую кожу ее шеи. Мэдди отклонила голову в сторону, позволяя его губами скользить по ее горлу вниз и снова вверх. Зарывшись лицом в ее волосы, он вдыхал их цветочный аромат: слабый запах сирени, лета и только что прошедшего дождя.

Она держала его за плечи. Мягкие стоны удовольствия срывались с ее губ, пока она покрывала легкими поцелуями его подбородок.

— О, Джейс, — пробормотала Мэдди ему в шею.

Возбуждение в ее голосе довело его до края. Джейс обхватил рукой ее сочную ягодицу, прижимая Мэдди к своей отвердевшей плоти.

Она ахнула ему в ухо, ее горячее дыхание пронзило его желанием до самого естества. Ее руки скользнули вниз по его спине, по бокам, исследуя, касаясь его пальцами и ладонями. По позвоночнику пробежало жидкое тепло. Джейс поразила страсти в этом прикосновении, в этих маленьких руках.

В тех же руках, что сделали этот деревянный ящичек...

Джейс замер под порывом отрезвляющих мыслей. Какого черта он делает?

Он отступил, отстранив ее. Полуоткрытые глаза Мэдди вспыхнули, и ее губы раздвинулись от удивления. Ее безмолвная страсть заставила сердце замереть. Он едва мог говорить. С трудом выдавливая слова из своего сухого горла, Джейс сказал:

— Мы должны остановить это прежде, чем станет поздно.

— Но я хочу, чтобы стало поздно.

Она потянулась к нему, но он сделал шаг назад.

— Я не могу этого сделать, — сказал он.

— Конечно, можешь, — она снова потянулась к нему.

Он покачал головой.

— Мэдэлайн...

Она поморщилась, признавая поражение.

— Разве ты не хочешь меня?

Дрожь неуверенности в ее голосе ошеломила его. Она действительно не осознает, как он возбужден?

Джейсу вдруг безумно захотелось показать ей, как сильно он ее хочет. Как сильно он

хочет доставить ей удовольствие, которого она так жаждала. Заслужила. Как же он хотел уложить ее на стол и показать ей все это.

Он испустил долгий вздох.

— Хочу я тебя или нет, не имеет значения.

— Это имеет значение для меня.

Она уставилась на него взглядом, который заставил его сердце сжаться. Разочарование пылало в нем. Мэдди казалась такой хрупкой, такой уязвимой. От нее отвернулся ее жених, отвернулся весь этот чертов город. Отвергнуть ее сейчас...

Но он должен быть разумным.

Она пережила слишком много, и она зашла слишком далеко. Он не мог причинить ей боль. Мэдди доверяла ему, делясь подробностями своего болезненного выздоровления, и за это он был благодарен. Ее прогресс поможет ему. Ее сведений уже было достаточно; он не мог воспользоваться еще и ее телом.

— Ты придумала план, чтобы вернуть себе репутацию. Если ты хочешь достичь цели, мы должны сохранять приличия, особенно, когда мы одни.

Она нахмурилась, закатив глаза.

— Ты ведь хочешь продолжить игру, не так ли?

— Конечно, — прошипела она. — Но мы помолвлены. Это...

— Мы не помолвлены.

— Я знаю. Я просто напоминаю, что все считают именно так. Почему бы не насладиться этим?

Он убеждал себя отказаться от ее предложения, хотя оно было очень заманчиво.

— Давай не будем рисковать и делать что-то, о чем мы могли бы пожалеть.

Она подняла подбородок.

— Я не разобьюсь на осколки, если ты этого боишься.

Но он не был уверен, и он отказался принимать на веру ее слова. Мэдди была сильной женщиной, но, тем не менее, она была женщиной. Физическая близость дает благодатную почву для расцвета чувств, и женщины, как правило, склонны привязываться быстрее. Мэдди была зла, но она еще скажет ему «спасибо» за его благоразумие.

— Мы будем придерживаться плана.

Она выпрямилась, уперев руки в боки.

— Ты всегда был таким благоразумным, Джейс Меррик? — ее вопрос был наполнен презрением. Она стояла так же, как в тот день в лесу, когда приказала ему покинуть ее земли. — Тебе никогда не хотелось послать свое благоразумие к черту?

— Никогда, — Джейс выдавил из себя ложь, скрывая ужасающую и приводящую в смятение правду.

Пока не встретил тебя.

Отказ Джейса ранил ее больше, чем Мэдди ожидала. Идя к нему в кабинет на следующее утро, она снова и снова проигрывала унижительную сцену в своей голове. Она умоляла его взять ее, прямо там, на его кухне, предлагая себя ему так же запросто, как предложила подливку к картошке. *Не хотите кусочек Мэдди Саттер к вечернему жаркое?*

Ее лицо покраснело от воспоминания о его вежливом отказе и неловком молчаливом ужине, который последовал за ним. Отбросив прочь жгучее смущение, она затянула потуже завязки накидки, прячась от влажного утреннего холода. Солнечный свет подмигнул ей над верхушками деревьев, но пройдет еще несколько часов, прежде чем пустынная тропа, по которой она шла, просохнет после вчерашнего шторма. И хоть Мэдди ходила в город этим путем уже сотню раз, никогда еще не чувствовала себя так одиноко, как сегодня, в одиночестве шагая по раскисшей земле.

Последний разговор с Джейсом заставил Мэдди посмотреть реальности в лицо. Доктор не поддастся ее чарам, и она должна отказаться от надежды на короткий роман. Ее разочарование было почти осязаемым, но Мэдди всегда старалась думать о хорошем. Благодаря Джейсу она сможет прийти на свадьбу Амелии в сопровождении красивого мужчины. Она была слишком самонадеянна, думая о большем. Смирившись с обстоятельствами, она подняла подбородок и подошла к крыльцу. Дверь была приоткрыта, и она толкнула ее, затем вошла внутрь. И остановилась, узнав донесшийся из гостиной голос.

Пастор Хогл.

В животе заныло. Чего ему надо? Мысли, одна ужаснее другой, проносились в ее голове. Мэдди не встречалась с этим шарлатаном с тех пор, как три года назад в церкви он произнес мерзкую проповедь, заставившую ее уйти и не вернуться.

Она задрожала от воспоминаний о том, как сидела одна на длинной церковной скамье. Ни одна душа не порадовалась ее выздоровлению. Когда пастор Хогл заговорил о яде и лжи, она поняла, насколько сильно он презирал ее. И в громкой тишине, последовавшей за его словами, она услышала то, что они все хотели ей сказать.

Что она тоже должна была умереть.

С трудом сглотнув, она заставила ноги двигаться. Мэдди прокралась по коридору мимо подставки для зонтов и стойки для шляп, чтобы подслушать. Половицы заскрипели под ее весом, и она съежилась, зная, что ее присутствие обнаружено. У нее не было другого выбора, кроме как войти в комнату. Набравшись сил, она завернула за угол и шагнула через порог.

— Доброе утро, — сказала она твердо.

Выражение отвращения исказило лицо пастора Хогла, прежде чем он отвел взгляд. От его холодного приема Мэдди затошнило. Могла бы — сбежала бы.

Он возобновил разговор, как будто ее тут и не было.

— Как я уже говорил, доктор Меррик, мой племянник сообщил мне тревожную новость. Он сказал, что вы собираетесь жениться на этой женщине.

Мэдди ахнула, ее взгляд метнулся к Джейсу.

Он стоял спокойно, но на горле билась напряженная жилка. Руки сжались в кулаки по бокам, но эмоции не отразились на лице врача, человека, который профессионально умеет скрывать чувства.

— И почему же новости о нашей помолвке беспокоят вас?

— Почему бы вам не спросить ее?

— Я спрашиваю вас.

Джейс возвышался над пастором на добрых десять дюймов. Неудивительно, что пастор Хогл запахнул полы своего пасторского пальто и сделал шаг вперед. Ему не хватало роста, но хватало решимости. Он побарабанил пальцами по шляпе, которую держал в своих пухлых руках.

— Этикет запрещает мне оскорблять ее в вашем присутствии.

— И все же вам не составило труда сделать это с церковной кафедрой.

Джейс, очевидно, слышал об инциденте. Ее лицо загорелось, когда она поняла, что он все время знал о ее публичном позоре. Защищая ее, он только больше ее позорил, отстаивание ее интересов навредило бы и ему. Никто в Мисти Лейк и пальцем не пошевелит без разрешения пастора. Ее помолвка с Даниелем была доказательством. Пастор был самым влиятельным человеком в этом городе, и для Джейса вражда с ним будет иметь последствия.

Губы пастора Хогла сжались.

— Этому городу нужен врач. И если вы хотите иметь успешную практику, вам нужен этот город, — Хогл говорил с той завораживающей жизненной силой, которая позволяла ему удерживать внимание прихожан на проповедях. — Ваша связь с ней помешает этому успеху. Мисти Лейк принял вас как своего врача, несмотря на ваш юный возраст и малый опыт. Если бы я знал, что вы решите связать себя с этой... женщиной... я бы настоял на том, чтобы ваша просьба о практике была отклонена.

— На ком я женюсь, никого не волнует. Моя компетентность как врача не зависит от этого выбора.

— Она зависит от вашего происхождения?

Лицо Джейса омертвело, желваки заходили под кожей.

— Вам лучше не говорить о моем отце.

Мэдди была озадачена внезапным поворотом беседы, но ярость в голосе Джейса ясно говорила о том, что пастору лучше бы принять предупреждение.

— А что насчет мальчика Клири? — спросил Хогл.

Сердце Мэдди застучало.

— Что с ним? — спросил Джейс, очевидно, смущенный вторым быстрым пассажем пастора.

— Я долго говорил с Клири о том, что здесь произошло.

— Мальчика перевязали, и у него все хорошо. Детали его истории болезни конфиденциальны. Доктор Рид в девяти милях отсюда, сэр. Если у вас есть опасения по поводу моих медицинских способностей, не стесняйтесь обратиться к нему.

Пастор Хогл моргнул. Никто не говорил с ним так, как говорил Джейс. Сердце Мэдди застучало быстрее, напряжение между двумя мужчинами росло с каждым мигмом.

— Не один я могу обратиться к доктору Риду, доктор Меррик. Все мои прихожане...

— Мы закончили, — сказал Джейс.

— Не будьте дураком, доктор Меррик. Внешность может быть обманчивой, и мисс Саттер вовсе не такая, какой кажется, — его грудь вздымалась от праведного возмущения. — Вы в городе недавно, но мой долг как слуги Господа нашего предупредить, что эта женщина проклята.

Брови Джейса вздернулись от удивления. Его голубые глаза потемнели до черного, лицо казалось выкованным из стали.

— У мисс Саттер есть имя. И вы не имеете права так говорить о ней.

Лицо пастора Хогла исказилось ухмылкой, и по спине Мэдди пробежал холодок.

— Я заслужил это право, доктор, — он нахлобучил шляпу себе на голову. — В день, когда она убила мою дочь.

* * *

От слов пастора у Джейса перед глазами потемнело. Удивление быстро сменилось гневом, но он словно примерз к месту. Даже после того, как Хогл вихрем вылетел из дома, эхо его слов висело в воздухе, приковывая Джейса к месту.

Джейс повернулся к Мэдди, пробормотав себе под нос проклятье, когда увидел ее лицо. Она провалилась к стене, лицо было белым как мел. Слезы навернулись на ее глаза. Он двинулся к ней.

— С тобой все в порядке?

Стон душевной боли разорвал его сердце. Она повернула голову, закрыв глаза.

— Мэдэлайн, — сказал Джейс, подходя поближе.

— Я в порядке, — прохрипела она.

Но она была не в порядке. Она была далеко не в порядке. Ярость огнем билась внутри него, но он должен был сохранять спокойствие.

— Посмотри на меня, — тихо сказал Джейс.

Она повернулась лицом к стене, словно надеясь исчезнуть в ней.

Он схватил ее за плечи.

— Посмотри на меня.

Она отпрянула.

— Я в порядке, — Мэдди изо всех сил пыталась сдвинуться с места, но колени ее подгибались. Она сползла по стене вниз, синие юбки обвилились вокруг ее ног, когда Джейс подхватил ее.

— Идем, присядь рядом со мной.

Она неистово покачала головой, пытаясь встать на ноги.

— Я не хочу сидеть, — она вырвалась из его рук, снова прижимаясь к стене.

Джейс коснулся ее спины.

— Это просто слова, Мэдди. Слова.

— Но он прав! — она развернулась к нему, ее глаза были полны слез и ярости. — Я убила их. Это был мой день рождения, это была моя глупая идея устроить пикник в том отдаленном месте на горе, — она оттерла слезы. — Это была моя вина, разве ты не видишь?

Такая же вина мучила и Кэти. Он знал это чувство — видел раньше. То же отчаяние, которое он должен был заметить... но был слишком занят, слишком самоуверен... слишком бессердечен.

— Это был несчастный случай. Ты должна двигаться дальше.

— Мне не нужно ничего делать, — она подняла подбородок. — Я не пойду на свадьбу.

Боль в ее голосе сказала ему, что она действительно так думает. В одно утро Мэдди словно вернулась на три года назад. Джейс почувствовал, что злость на пастора снова заполняет его до краев.

— Мэдди...

— Оставь меня в покое! — она заставила себя оттолкнуться от стены и выбежала из дома.

* * *

Джейс едва сдерживал себя, чтобы не последовать за Мэдди. Но он едва успел выйти за дверь, как его позвали. Неотложный случай. Нужно срочно ехать в дом Колдуэллов.

Сломанные кости были более опасны, чем эмоциональный кризис Мэдди, и к тому времени, когда Джейс вернулся из Табортона, куда ездил, чтобы вправить лодыжку Асы Колдуэлла, уже было далеко за полночь.

Мэдди не пришла на работу на следующее утро. Убедив себя, что ей нужно побыть одной, Джейс бездействовал и просто надеялся на лучшее. На следующий день его практика официально открылась. Постоянный поток пациентов не оставлял ему много времени для размышлений, но он решил, что если Мэдди не появится к концу дня, он поедет к ней сам.

Тем утром к Джейсу по его же рекомендации наведались миссис Клири и Джоуи. Джейс сидел за столом, делал заметки в истории болезни Джоуи. К счастью, кровотечение во время поездки в Трой не возобновилось, и струп хорошо заживал. Мальчику повезло, что не развилась инфекция. Раны от гвоздей — особенно на ногах — склонны к инфицированию.

По словам миссис Клири, пастор Хогл допросил всю их семью: разузнавал о лечении Джоуи, особенно о том, что делала Мэдди. Пастор Хогл все еще может обвинять Мэдди в случившемся с фургоном, но неужели он поверил, что она попытается причинить вред невинному ребенку?

Горе пастора отравило его разум. Сможет ли кто-нибудь когда-нибудь восстановить то, что разбито, Джейс не знал. Он знал только, что никогда больше не позволит этому Хоглу навредить Мэдди.

Это чувство собственности застало его врасплох. Он закрыл папку, откинувшись на спинку стула. Каким-то образом эта женщина проникла через барьеры, которые он ставил между собой и своими пациентами. Отрешенность позволяла ему делать свою работу. Но правила, по которым он жил, не сработали, когда дело дошло до Мэдди. И пусть он не знал, как и почему это произошло, он должен был принять это.

И должен был ее увидеть.

Джейс прибыл в дом Саттеров перед закатом. Домработница, Ретта, привела его в гостиную, где дед Мэдди сидел у костра, читая газеты. Комната была жарко натоплена. Старик был болен, но бодрился и не раскисал. Бокал портвейна составлял ему компанию. После краткого обмена любезностями Джейс сказал, что хотел бы поговорить с Мэдэлайн.

— Я хотел бы того же, — мистер Саттер поправил на коленях афганский плед. — Я рад, что вы здесь, доктор. Я думал послать за вами завтра.

— Что случилось? С ней все в порядке?

— Моя внучка заперлась в своей комнате и не выходила из нее уже два дня. Сказала, что не собирается на свадьбу Амелии, и я хотел бы знать, что произошло между вами, что заставило ее передумать.

Джейс вздохнул.

— Пастор Хогл заходил ко мне на днях.

— Этот су... — старик яростно закашлял.

От гнева дед Мэдди едва мог говорить. Когда он откашлялся, Джейс снова был поражен тем, насколько беззащитной целью оказалась Мэдди. Ее единственный союзник в Мисти Лейк был больным стариком.

Джейс подал мистеру Саттеру бокал с портвейном.

— Мне бы осмотреть вас как-нибудь, — сказал он, глядя, как дед Мэдди пьет.

Тот отмахнулся.

— Придержи свою заботу для моей внучки.

— Начинаю понимать, откуда взялось ее упрямство, — пробормотал Джейс. — Это не мое дело, но основываясь на том, что я уже видел, я вынужден спросить. Вы никогда не просили ее уехать?

— Каждый день, — глаза старика потускнели. — Я пытался быть чертовски убедительным. Когда она сказала, что не оставит меня одного, я решил, что мы уедем вместе. Два года назад мы все собирались уехать в Бостон.

Он покачал головой и постучал ладонью по своей груди.

— У этого чертова будильника свои планы. Теперь я не могу даже спуститься с крыльца, — старик покачал головой. — И она отказывается меня бросать.

Преданность Мэдди была похвальна. Джейс подумал об отце и сглотнул комок в горле. Возможно, если бы он остался дома и не поехал учиться в Филадельфию, он мог бы предотвратить его смерть.

— Могу я поговорить с ней, сэр? — спросил он.

— Можешь попробовать, — дед Мэдди указал костлявым пальцем на потолок. — Ее комната третья справа. Прости, что не показываю тебе дорогу.

Джейс быстро кивнул, прежде чем направиться к широкой лестнице. Верхний этаж был столь же впечатляющим, как и остальная часть дома. Каждый изящный предмет мебели, украшающий холл, блестел свежим лаком, как и пол вишневого дерева.

Он постучал в дверь. Звук отдался эхом в холле, но ответа не было. Ледяной страх пополз по его позвоночнику: всплеск паники, который он не мог контролировать. Он постучал сильнее.

— Я не голодна, Ретта, — отозвалась Мэдди.

Джейс облегченно выдохнул, быстро взяв себя в руки.

— Открой дверь, Мэдэлайн.

— Джейс? — изумление в ее голосе было очевидно.

Он повернул ручку двери. Заперто.

— Да, это я. Открой.

— Уходи.

— Я никуда не пойду, так что открывай дверь.

Каблуки застучали, и вот она открыла дверь. Ее внешность поразила его. Взъерошенные волосы вились вокруг ее лица. Глаза казались красными и опухшими, кожа бледной.

— Чего ты хочешь? — ее враждебность огорошила его.

— Я хочу, чтобы ты была благоразумной.

— Конечно, так я и думала.

Он проигнорировал ее сарказм.

— Ты закончила жалеть себя?

— Иди к черту, — она хотела хлопнуть дверью, но он поставил ногу на порог и не дал двери закрыться. С раздраженным вздохом Мэдди развернулась и отошла прочь.

Джейс пошел за ней. Оглядываясь вокруг, он ясно увидел беззаботную девушку, которой она была до того, как катастрофа сломала ее жизнь. Цветочные стены и розовые занавески гармонировали с оборками подушек, украшающих кровать и подоконник. Над резным комодом висела картина в раме: три котенка в плетеной корзине. Он посмотрел на нетронутый поднос на столе в углу.

— Когда ты в последний раз ела?

— Почему тебя это волнует?

Он замер.

— Честно, Джейс, — Мэдди уперла руки в боки. — Почему ты здесь? Я же сказала, что позволю тебе изучить мой случай.

Он нахмурился, встревоженный этой стороной ее натуры.

— Мой поразительный случай — полагаю, ты так его назвал, — она направилась к комоду и открыла ящик. — Здесь. Вот то, чего ты хочешь. Давай не будем притворяться.

Джейс посмотрел на дневник, который Мэдди бросила на кровать. На мгновение у него появилось искушение взять его и уйти. На этих страницах есть то, что может многому его научить. Исследование разума не только жертвы катастрофы, но и единственного выжившего.

Она покачала головой, словно читая его мысли.

— Ты видишь меня такой, какой видят меня они.

— Это неправда, и ты это знаешь.

— Я не знаю ничего. Я ведь открылась тебе, и ты...

— Я пытаюсь поступить как надо!

— Как надо для кого? — она смотрела на него, грудь вздымалась. Сузив глаза, Мэдди наклонила голову. — Расскажи мне о своем отце.

Он нахмурился.

— Мы говорим о тебе.

— Мы всегда говорим обо мне! — она всплеснула руками. — Все говорят обо мне!

Ее голос сломался, когда она отвернулась.

— Я так устала от всего этого, — пробормотала Мэдди. — Так надоело нести это бремя вины.

Она покачала головой.

— Каждое утро я открываю глаза, и в этот короткий момент, между пробуждением и воспоминанием, я счастлива. А потом, стоит мне коснуться ногами пола, память возвращается. Я живу день за днем, изнывая под тяжестью собственной вины.

В голосе Мэдди Джейс услышал поражение.

— Я не могу пойти на свадьбу, — прошептала она.

Он смотрел на ее спину и волосы, в беспорядке спускающиеся по плечам, и изо всех сил пытался придумать ответ.

— Ты сильнее, чем представляешь, Мэдди, — наконец сказал Джейс. — Я имел дело с солдатами, которые не могли принять свои увечья. Ты смогла. Кроме того, ты не можешь прятаться в этой комнате вечно. Ты зашла слишком далеко. Амелия — твой друг. Подумай о ней.

Она повернулась к нему лицом.

— Подумать о ней? — она горько засмеялась. — Возможно, если бы Амелия подумала обо мне, я бы не оказалась в таком положении.

Джейс молчал.

— Она была одной из Прекрасной Пятерки, как и я. Только ей посчастливилось уехать в Англию до катастрофы, — голос Мэдди стал тише, когда она опустила голову. — Но она все еще оставалась одной из нас.

— Она никогда не возвращалась?

Она покачала головой.

— Они приветствуют ее с распростертыми объятиями, когда она приезжает в город, — Мэдди подняла подбородок. — Часть меня ненавидит ее за это.

Ее честность нервировала. Как и ее боль. То, как она наказывала себя, было слишком знакомо, чтобы он мог остаться в стороне.

— Ты не ненавидишь ее, Мэдди. Ты скучаешь по ней.

Беспокойные глаза Мэдди наполнились слезами.

— Она была мне нужна, — ее голос сорвался на рыдание, но она справилась. — Она оставила меня здесь, пока путешествовала по миру. Пока жила своей жизнью. Она выйдет замуж и снова исчезнет, — слезинка упала ей на щеку. — Она — единственный друг, который у меня был.

— Это неправда, — сказал он, взяв ее за руку. — У тебя есть я.

Она взглянула на Джейса. Мягкий румянец окрасил бледные щеки, когда их взгляды встретились.

— Если бы ты снова стал моим доктором, — легкая улыбка дрожала на ее губах. — Ты бы заставил их увидеть, что я не проклята. Что я тот же человек, каким была до аварии.

— Только ты можешь это сделать.

— Как? — душераздирающее отчаяние наполнило ее глаза. — Как мне заставить их простить меня?

Мэдди уставилась на него, умоляя дать ответы. Слезы блестели на темных ресницах. Джейс чувствовал себя чертовски беспомощным, таким беспомощным, что едва мог дышать.

— Я не знаю, — сказал он, подойдя ближе.

Джейс ощутил ее еле заметный запах. Сирень и дождь. Он убрал прядь волос с ее лица.

— Но, думаю, тебе нужно начать с того, чтобы простить саму себя.

На следующее утро Мэдди появилась в офисе Джейса, чтобы закончить бумажную работу, которую начала еще до визита пастора Хогла. Джейса при виде нее наполнило облегчение. А когда Мэдди подошла к столу и приступила к делу, как будто инцидента с Хоглом никогда и не было, он ощутил больше, чем облегчение. Он испытал гордость. Эта женщина не переставала удивлять его. Она была ранима, но любила жизнь. И Джейс восхищался ей до умопомрачения.

В желтом платье и шляпе Мэдди наполнила комнату как солнце. Свет ее присутствия коснулся всего вокруг, освещая каждый уголок и закуток в хмурой комнате. И в его душе.

Господь Всемогуший.

Джейс был так полон глупостей, что едва узнавал себя. Он был обязан держать дистанцию с коллегами и пациентами, чтобы принимать решения объективно — без личных чувств, которые могут исказить его врачебное мнение. Он не был бессердечен, но случайным эмоциям в его профессии не было места, а значит, им не было места и в нем.

Качнув головой, Джейс вернул на место свой эмоциональный контроль, и с ним — свою рассудительность. Он подозревал, что неудача с Кэти была прямой и единственной причиной этого глупого увлечения Мэдди. Как только он поможет Мэдди вернуть ее прежнюю жизнь, его желание к ней пройдет естественным образом. Если бы только жители Мисти Лейк не делали его работу такой чертовски трудной.

Свадьба быстро приближалась, и предстоящие недели, без сомнения, были бы сложными, но он был полон решимости добиться успеха. Ради его же блага, и ради блага Мэдди.

Снова качнув головой, Джейс молча ушел в смотровую, готовить лекарство от головной боли, которое он обещал мистеру Линтону. Некоторое время спустя Джейс вернулся в офис, с лекарством и с историей болезни мистера Линтона в руках. Мэдди подняла от книг глаза, когда он вошел.

— Вот еще одна история болезни, — он бросил бумаги на стол, затем повернулся, чтобы уйти.

— Джейс.

Он остановился и повернулся к ней лицом.

— Я хотела поблагодарить тебя за то, что ты пришел ко мне вчера вечером.

Его грудь сжалась от искренности, которую он заметил в ее темных глазах.

— Не за что.

Она нахмурилась в ответ на его резкость.

— Конечно, как скажете, доктор Меррик.

Джейс приподнял бровь, услышав в ее голосе обиду.

— Ты хочешь сказать что-то еще, Мэдэлайн?

— Хотела, — отчеканила она. — Но очевидно, моя благодарность доставляет тебе беспокойство.

— Потому что в ней нет необходимости.

— Тем не менее, я хотела поблагодарить тебя за то, что ты изо всех сил старался помочь.

— Я же доктор. Это моя работа.

Мэдди опустила глаза.

— Вчера ты утверждал, что ты мой друг, — она встретила его взгляд, наклонив голову. — Или это утверждение было сладкой ложью, сказанной, чтобы я почувствовала себя лучше?

Она выглядела более расстроенной, чем злой, и он почувствовал себя ослом.

— Я твой друг, — тихо сказал Джейс.

— Тогда перестань вести себя так, как будто мы только что встретились на вокзале! Ты можешь быть одновременно и человеком, и врачом, ведь так? Другие врачи могут. И большинство людей понимают, когда их благодарят. Некоторые даже любят говорить: «Пожалуйста».

Джейс не мог не улыбнуться, слушая эту маленькую отповедь.

— Пожалуйста, — сказал он, подняв руки. — И в добавление к этому, я официально признаю поражение.

Мэдди торжественно кивнула.

— А теперь, мадам, могу я вернуться к работе?

— Да, доктор, — поддразнила она.

Он покачал головой, смеясь вопреки своему желанию.

— Я пойду к Линтонам, это через дорогу. Надо передать лекарства.

Она взглянула на часы на камине.

— Но уже почти десять.

— Поэтому я должен поторопиться. Если до моего возвращения придут пациенты, пожалуйста, попроси их подождать, — он накинул пальто и пожал плечами. — Я знаю, сегодня с утра должна заглянуть миссис Элден, так что просто усади ее и пусть подождет, пока я не вернусь.

— Так, может, я сама отнесу лекарство? — спросила она.

Неожиданное предложение порадовало Джейса. И не только потому, что это могло сэкономить время. Мэдди обычно не решалась выйти из офиса. Еще один небольшой шаг на пути к исцелению.

— Я был бы признателен, — сказал он. — Скажи, чтобы принимал не больше щепотки за раз. Хотя лучше я запишу. У него плохо с памятью.

Мэдди стояла, ожидая, пока он напишет рекомендации по дозировке. Ее тонкий запах раздражающе отвлекал. Джейс вручил ей записку. Ее тонкие пальцы задели его, короткий контакт послал импульс тепла по его венам. Мэдди легко улыбнулась и упорхнула, оставив его наедине с похотью.

Джейс провел рукой по волосам и направился на кухню, решив по-быстрому выпить кофе. Он потягивал утренний кофе, задаваясь вопросом, как долго все это может продолжаться, но вскоре мысли о Мэдди спугнул звук шагов в фойе.

— Здравствуйте, — позвал кто-то.

Джейс вышел, чтобы приветствовать миниатюрную молодую женщину, стоящую в комнате ожидания.

За шесть недель в Мисти Лейк Джейс узнал большинство жителей. Эта элегантная леди не была местной, скорее всего, она приехала в город на лето.

— Доброе утро. Вы — мой первый пациент сегодня. Присаживайтесь, я буду через минуту.

— О, я не пациент, доктор Меррик, — девушка покачала головой, рыжие локоны

подпрыгивали вокруг ее веснушчатого лица. — Я Амелия Строп. Подруга Мэдэлайн.

— Ах, так вы и есть прелестная невеста. Проходите, мисс Строп.

— Амелия, пожалуйста, — ямочки сделали сердечную улыбку еще прекраснее, когда девушка оглянулась вокруг. — Мэдди здесь?

— Она понесла лекарство пациенту через дорогу, но скоро вернется.

Амелия шагнула к нему, губы дрожали, огромные глаза наполнились слезами.

— Ох, доктор Меррик, — всхлипнула она. — Я... Я...

Джейс не понимал, что происходит.

— С вами все в порядке?

— Поздравляю вас! — заплакала девушка, заключая его в объятия.

Он каким-то образом сумел сохранить равновесие под внезапным весом, упавшим ему на грудь.

— Я слышала новости о вашей помолвке. Простите за эмоциональность, но я так счастлива за Мэдэлайн.

И она обняла его крепче.

Он подавил проклятье, не зная, что ответить на это. Подругу должна была просветить только сама Мэдди. Закатив глаза, Джейс молча похлопывал Амелию по спине и ждал, пока пройдет этот неловкий момент.

— Я так счастлива, — сопела Амелия.

Джейс вздохнул. Если не считать нескольких неразборчиво сказанных поздравлений, это было первое искреннее поздравление с помолвкой, которое он получил, и это было странно.

— Она — замечательная девушка, как вы, очевидно, уже знаете, несмотря на все эти сплетни, — Амелия отпустила Джейса и вытерла глаза. — Я хорошо разбираюсь в характерах, доктор Меррик. Мэдди повезло с вами.

Джейс сглотнул.

— Итак... ваша свадьба совсем скоро, — сказал он, отчаянно пытаясь сменить тему.

Кризис миновал. Ее заплаканное лицо осветилось волнением.

— Остается две недели, если считать с воскресенья, — Амелия с энтузиазмом рассказывала о свадьбе, пока веселый тон ее голоса не увял. — Мэдди не очень хотела приходить.

— Здоровое желание.

Она опустила глаза.

— К сожалению, это правда. Но я искренне верю, что Мэдди лучше прийти. Мой жених, Лестер, согласен.

— Полагаю, убедить его семью оказалось сложнее?

— Они обвиняют Мэдди в несчастном случае. В тот день она правила повозкой — и она опытная возница — но они поехали по трудному пути. Любой мог потерять контроль над повозкой под дождем и на таком крутом спуске. К сожалению, дядей Лестера владеют эмоции, а не рассудок, когда разговор доходит до этой темы. Элизабет была его величайшей радостью, понимаете, и он давно считал, что Мэдди плохо влияет на остальных из Пятерки.

Джейс сузил глаза.

— И почему?

— С тех пор, как мы были маленькими, всегда было одно и то же: пастор Хогл обвинял дедушку Мэдди в том, что тот давал ей слишком много свободы, и они всегда ругались.

Потом пастор решил, что Мэдс слишком кокетлива — и слишком фамильярна с мужчинами. И хотя она, безусловно, была самой кокетливой из Прекрасной Пятерки, она всегда оставалась честной и порядочной девушкой. Никто не знает этого лучше меня, — Амелия пожалала плечами. — В конце концов, я сказала Лестеру, что сбегу, если Хоглы не выполнят мои требования.

— Ясно, — сказал Джейс.

— Конечно, это вызвало настоящий семейный скандал. Я не сказала об этом Мэдс, хотя у меня такое чувство, что она подозревает.

Джейс вынужден был согласиться.

— Зная пастора, могу сказать, я восхищен вашей стойкостью.

— Этот человек может напугать, но он меня не пугает. Хотя некоторые из его прихожан... ну, они другая история, — она покачала головой. — Боюсь, речи пастора Хогла оказали ужасающее влияние на некоторых жителей городка. Я рада, что вы настоящий мужчина и смогли противостоять ему и остальным.

Она нахмурилась.

— В отличие от Даниэля, который... — Амелия захлопнула рот рукой. — Простите меня.

— Мэдди говорила об их разорванной помолвке.

— Да. Этот трус бросил ее, когда она нуждалась в нем больше всего, — она опустила глаза. — Как и я, полагаю.

— Вы были в Англии?

— Да. Я хотела вернуться, когда мы получили новости о катастрофе, но отец посчитал, что лучше нам остаться за границей, — она печально покачала головой. — Я всегда буду сожалеть о том, что оставила Мэдди.

— Но вы остались ее другом, несмотря на расстояние, — приободрил ее Джейс.

— Несмотря ни на что. Навсегда, — Амелия улыбнулась. — Посещение свадьбы — большой шаг для нее. Конечно, не такой большой шаг, как самой выйти замуж, но ей все равно нужно столкнуться с этими идиотами лицом к лицу.

Ее улыбка исчезла.

— Она была украшением общества до катастрофы. Все любили ее. Это все так несправедливо

Амелия стряхнула с себя мысли о прошлом. — Неважно. Впереди прекрасные дни! У нее теперь есть вы, и я так благодарна за это судьбе.

Дверь открылась, и в комнату шагнула Мэдди.

— Сюрприз! — крикнула Амелия.

Глаза Мэдди вспыхнули.

— Амелия?

Амелия бросилась в объятия Мэдди, крепко ее обнимая. Джейс наблюдал за эмоциональным воссоединением того, что осталось от Прекрасной Пятерки. У него не было друзей, тем более, никого, с кем бы он дружил с детства. Коллеги, пациенты и случайные любовницы. На протяжении многих лет он думал, что ему некогда, да и незачем заводить друзей. Но теперь понимал, что, возможно, был неправ.

Джейс стоял и смотрел, как девушки обнимаются, и в душе его зияла пустота. Мэдди потеряла своих близких друзей, но у него никогда их и не было.

Амелия обняла Мэдди так крепко, что та едва могла дышать. Клубничный запах ее волос был таким знакомым.

— Хватит, Амелия, — смеясь, Мэдди вырвалась из объятий.

— Но я так рада тебя видеть, Мэдс, — слезы сияли в ее больших голубых глазах.

Мэдди тяжело сглотнула, чувствуя себя виноватой за то, что говорила Джейсу об Амелии еще вчера.

— Я тоже очень счастлива.

— Я познакомилась с твоим доктором Мерриком, — сказала Амелия, подмигивая Джейсу. — И я должна сказать, он из тех, кто не любит ждать. Я так рада за вас обоих. Если не сказать, совершенно ошеломлена. Первое, о чем я услышала, когда вышла из кареты, это о том, что ты помолвлена с нашим новым доктором. Как это вышло?

— Очень неожиданно, — вмешался Джейс.

Мэдди нахмурилась, чувствуя вину за то, что скрыла правду от своей подруги. Но она не могла написать об этом в письме. Подобный обман требует признания с глазу на глаз. И чем скорее, тем лучше.

— Амелия, я должна поговорить с тобой о нашей помолвке.

— Ну, конечно, ты должна. Я хочу знать все.

Мэдди взглянула на Джейса, и тот пожал плечами в ответ. Было очевидно, что он не собирается помогать.

Амелия взяла Мэдди за руку.

— Ты можешь рассказать мне все об этом по дороге в одежду лавку. Остальные встретят нас там.

— Сейчас? — спросила Мэдди.

— Прошу прощения, что не предупредила. Я заходила к тебе домой. Но платья пришли раньше, чем ожидалось, и миссис Марч хочет, чтобы их сразу примерили. Она выделила для нас все утро, — Амелия повернулась к Джейсу. — Вы не возражаете, не так ли?

— Совсем нет. Уверен, вам двоим есть о чем поговорить.

Мэдди проигнорировала его намек. Набравшись смелости признаться в своей лжи, она вышла с Амелией на улицу, и они пошли к лавке.

— На девичнике будет четыре подружки невесты. Сестры Лестера, Гертруда и Долли, конечно, и моя подруга Кэролайн.

— Я с нетерпением жду встречи с Кэролайн, — откровенно сказала Мэдди. Но она не чувствовала ничего, кроме страха при мысли о том, чтобы снова встретиться с Гертрудой и Долли, которых знала уже долгие годы.

— Еще кузен Филипп и кузен Дэвид приехали из Бостона. Они тоже будут присутствовать на девичнике. Филипп будет так рад тебя видеть, — она толкнула Мэдди плечом. — Помнишь, как он смущался от одного твоего взгляда, когда мы были подростками?

Мэдди засмеялась.

— Да, я помню.

— Бедный Филипп. Он был так разочарован, услышав, что о тебе говорят.

— Амелия...

— Так как вы с доктором Мерриком познакомились?

— Совершенно случайно, — ответила Мэдди. — И в совсем неподходящий момент.

— Ох!

— Амелия, я должна тебе кое-что сказать, и ты должна пообещать сохранить мой секрет.

Амелия наклонила голову, внимательно глядя на Мэдди.

— Конечно.

— Мы с Джейсом не помолвлены, — выдохнула Мэдди.

Амелия остановилась.

— Я ничего не понимаю.

— Это просто притворство. Я случайно встретила Даниэля и мисс Брюэр несколько недель назад. О, Амелия, он был таким самодовольным и ужасным со мной, я не могла этого вынести — едва не хихикал себе под нос, когда намекнул, что мне не удастся найти спутника для свадебного приема. Поэтому мне пришлось сказать ему, что я обручена. И так как у меня не было жениха, я его придумала. Придумала себе Джейса Меррика.

Амелия задумалась. Мэдди хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

— И доктор Меррик согласился?

— Да, — кивнула Мэдди.

Сияющий румянец на щеках Амелии потускнел. Ее разочарование заставило сердце Мэдди сжаться.

— О, Мэдс, — сказала Амелия тихо. — Кажется, я не понимала, как тебе было плохо.

Она покачала головой.

— Полагаю, я не позволяла себе слишком глубоко задуматься над этим.

— Так ты поняла, почему я соврала?

Амелия кивнула.

— Поняла.

— Ох, прямо гора с плеч. Но ты должна пообещать сохранить мой секрет. Не говори даже Лестеру.

— Можешь рассчитывать на мое молчание, — легкая улыбка Амелии согрела сердце Мэдди. — Мне так жаль, что меня не было рядом с тобой.

Мэдди тяжело сглотнула, снова чувствуя вину за то, как говорила об Амелии с Джейсом.

— Я скучала по тебе, Амелия.

— Я тоже по тебе скучала, — в ее глазах стояли слезы. — Я скучаю по ним, Мэдс.

— Как и я.

Они с Амелией в своих письмах мало касались несчастного случая и гибели подруг. Учитывая расстояние, было естественно не затрагивать такие темы. Но теперь, когда они снова были вместе, было много вещей, которые Мэдди хотела сказать Амелии. Однако сегодня был неподходящий день для грустных бесед. Сегодня был день радости.

— Не будем об этом, — сказала она, взмахнув подолом юбки. — Нам нужно пройтись по магазинам.

Они болтали всю дорогу до лавки. Мили, разделявшие двух подруг, исчезли, и все было как в старые времена. Молодой человек, сидевший на скамейке за дверью, поднялся, когда они приблизились к лавке.

— Мисс Строп, — сказал он, коснувшись шляпы.

Сердечной реакции Амелии не хватало ее обычного тепла.

— Мэттью, — она протянула руку. — Это моя хорошая подруга Мэдэлайн Саттер.

Его тонкие губы превратились в линию, когда он повернулся к Мэдди. Холод его ледяных глаз окатил ее сверху донизу.

— Я знаю, кто она, — он отвел взгляд. — Девушки ждут внутри, — сказал он, возвращаясь на свое место.

Амелия повела ее вверх по лестнице к двери.

— Не обращай на него внимания.

Легче сказать, чем сделать. Мэдди привыкла к грубому обращению, но было что-то злое в том, как Мэттью смотрел на нее.

— Я видела его раньше, — сказала Мэдди. — Кто он такой?

Амелия завела Мэдди в укромное место за высокой витриной с намотанными на катушки лентами.

— Мэттью Вебстер. Верный прихожанин пастора Хогла. Он перебрался в город несколько лет назад без гроша в кармане и с разбитым сердцем после того, как в Олбани его бросила девушка. Пастор взял Мэттью под свое крыло. Сейчас он живет в комнате за церковью.

Мэдди с трудом верилось, что пастор может к кому-то относиться так по-доброму.

— Понятно, — сказала она. Но она этого не понимала.

— С тех пор Мэттью успел влюбиться в Долли.

Мэдди моргнула.

— Долли? Но ей же всего пятнадцать лет?

— Шестнадцать, — сказала Амелия. — Мэттью на семь лет старше, но мне сказали, что пастор Хогл одобряет его увлечение. Внешность Долли не имеет значения для Мэттью, и из-за этого я стараюсь быть с ним сердечнее. Однако его поведение... несколько тревожит.

— Тревожит?

— Он везде сопровождает Долли. Не выпускает ее из виду. Честно говоря, я не понимаю, как она может это терпеть.

Мэдди согласилась, что это звучит немного странно.

— Пастор хочет, чтобы он стал священником, — Амелия вздохнула.

Мэдди оглянулась на человека, сидящего за дверью как каменная горгулья. По какой-то причине эта новость обеспокоила ее больше всего. Она стряхнула мысли о Мэттью, когда вместе с Амелией подошла к сестрам Хогл. Гертруда нахмурилась, прежде чем что-то зашептать на ухо младшей сестре.

Миссис Марч сверкала улыбками и щебетала, угождая Амелии и ее подругам, как будто готовила платье, по меньшей мере, для королевы Англии. Со всеми — кроме Мэдди, конечно, — она обсуждала предстоящую свадьбу. Мэдди привыкла к невежливому обращению со стороны портнихи, и потому мало обращала внимания на пренебрежительный тон миссис Марч.

Уклониться от осязаемого презрения Гертруды оказалось сложнее. Старшая сестра Лестера явно не была рада компании Мэдди и не боялась демонстрировать это при каждом удобном случае. Зато младшая сестра Лестера, Долли, даже не взглянула в сторону Мэдди. Девушка была настолько занята тем, чтобы спрятать большое родимое пятно на щеке, что почти сливалась с обоями.

Мэдди не видела Долли много лет, но родимое пятно цвета вина так и не ушло с лица девушки. Выросла и сама Долли, и ее застенчивость. Она держала голову опущенной,

волосы, как занавеска, закрывали щеку.

К счастью, подруга Амелии, Кэролайн Вайс, оказалась лучом света посреди тьмы этого ужасного дня. В ее любезные манеры и веселую улыбку невозможно было не влюбиться. Кэролайн жила в Олбани и, казалось, не знала о сплетнях, окружающих прошлое Мэдди. Мэдди надеялась подружиться с девушкой, хотя бы на короткое время. Да, звучало патетически. Но попробовать стоило.

Прошло много времени с тех пор, как Мэдди бывала в компании других девушек, и, несмотря на пренебрежение Гертруды, она обнаружила, что наслаждается знакомой болтовней. Тем временем, миссис Марч ловко подогнала их наряды. Белые платья подружек придут утром в день свадьбы, в комплекте с белыми туфлями и перчатками, которые выбрала Амелия. Вместо гирлянды цветов на девушках будут модные белые шляпы с короткой вуалью и шелковыми цветами, прикрепленными в виде короны.

— Вы обязательно удалите ценники со шляп, прежде чем доставить их нам, не так ли, миссис Марч? — не удержалась Мэдди.

Лицо миссис Марч побагровело.

— Конечно, — почти прошипела она.

Мэдди улыбнулась ей, прежде чем повернуться к зеркалу. Любуясь собственным отражением, Мэдди оглядывала и других девушек. Долли стояла на помосте, пока миссис Марч крепила булавки на подол ее наряда. Платье обтягивало, словно перчатка, стройную фигуру молодой девушки.

— Прекрасно, — сказала Мэдди.

— Согласна, — тут же подхватила Кэролайн.

Амелия кивнула.

— Что ты сама думаешь, Долли?

Девушка удивленно подняла глаза.

— Она ничего не знает о моде, Амелия.

Гертруда разгладила ткань на бедрах Долли.

— Все эти олады, которые ты так любишь, берут свое, — Гертруда нахмурилась, отступая на шаг. — Твоя фигура — все, что у тебя есть, Долли. Постарайся сохранить ее.

Долли опустила глаза.

— У нее идеальная фигура, — вступилась Мэдди.

Гертруда взглянула на нее. Ворча себе под нос, она повернулась, чтобы полюбоваться витриной с капотами ^[21], но еле заметная улыбка Долли показала Мэдди, что ее слова услышаны.

Когда примерка закончилась, Амелия предложила выпить чаю в летнем доме ее родителей на озере. Глаза Долли загорелись. Она взглянула на свою сестру, но Гертруда тут же отказалась от приглашения, и пламя в глазах девушки погасло. У Долли не было выбора, кроме как последовать за Гертрудой к двери, где их ждал Мэттью.

— Вы уверены, что не присоединитесь к нам? — спросила Амелия.

— Девочки должны вернуться домой, — вмешался Мэттью, прежде чем Гертруда смогла сказать хоть слово.

— Ну, тогда ладно, — произнесла Амелия. Она повернулась к Мэдди и Кэролайн, и они направились прочь.

К счастью, родители Амелии были в гостях у друзей в Олбани. Мэдди придется столкнуться с ними, в конце концов, но для одного дня уже было достаточно Гертруды и

Долли. Войдя в холл большого дома, Мэдди почувствовала, словно время поворачивает вспять. Воспоминания нахлынули на нее. Прекрасная Пятерка порхала по дому стайкой птичек, смеясь, пила чай, устраивала вечеринки — ах, эти замечательные времена, которые они провели здесь вместе. Мэди грустно вздохнула, оглядываясь вокруг.

Теперь здесь все говорило о том, что скоро будет свадьба. На больших тростниковых столах лежали груды красиво упакованных свадебных подарков. Снаружи садовники были заняты обрезкой изгородей и подготовкой пышной лужайки для предсвадебных торжеств. Царила атмосфера предвкушения радостного события — самой шикарной свадьбы сезона.

Мэдди загрустила. Ей никогда не стать невестой. Секрет, который она хранила, был слишком велик, слишком важен, чтобы скрывать его от мужа. Такую тайну носить в себе будет нелегко.

Амелия привела их во внутренний дворик.

— Итак, дамы, пикник через неделю, — сказала она. — Надеюсь, погода не подведет.

— Ты слишком волнуешься, — сказала Кэролайн. — Погода будет удачной и для пикника, и для свадьбы в следующие выходные.

— Твои слова Богу в уши, — сказала Амелия. — На берегу озера поставят большой тент, церемонию проведем там. Это будет так весело! Мы заказали номера в отеле для всех гостей.

— Даже для местных? — спросила Мэдди.

— Конечно. Я хочу, чтобы все мои подруги и гости были в моем распоряжении, днем или ночью, все выходные.

Амелия засмеялась.

— О, Филипп, вот ты где, — она помахала кузену. — Выйди, поздоровайся с Мэдди.

Высокий мужчина подошел к ним, кивнув Кэролайн, прежде чем остановиться перед Мэдди.

— Как приятно видеть вас снова, мисс Саттер, — он сиял, буквально не отрывая от нее глаз, и Мэдди почувствовала, как заливается краской.

— Филипп теперь банкир в Бостоне. Кузен Дэвид тоже здесь, где-то поблизости.

— Он скоро спустится, — сказал Филипп. Он повернулся к Мэдди. — Вы ведь помните меня, мисс Саттер?

— Да, конечно. Но вы сильно изменились с тех пор, как мы виделись в последний раз.

Она улыбнулась. Филипп тоже улыбнулся.

Он, и, правда, уже ничем не напоминал неуклюжего мальчика, который приезжал сюда на лето. Это был мужчина, настоящий джентльмен, его карие глаза были полны тепла. Ростом Филипп был с Джейса, но стройнее и не такой мускулистый.

Филипп часто развлекал ее в отсутствие Даниэля и других местных парней, которые предпочитали в летние жаркие дни заниматься охотой и рыбалкой. Мэдди иногда играла на его чувствах к себе, но казалось, ему это нравилось.

— Вы даже красивее, чем я помню, — сказал он.

Мэдди рассмеялась бы, но искренность в его комплименте остановила ее.

— Я часто думал о вас на протяжении многих лет, — он отпустил ее руку. — Ваш жених — счастливый человек.

— А вы все тот же чаровник, — она откинула волосы, наслаждаясь легким флиртом.

Мэдди никогда не пыталась узнать Филиппа поближе. Он был лишь средством развлечься, не более того. Но теперь ей было стыдно. Они все изменились с годами, но Мэдди все яснее понимала, что не осознавала раньше, как сильно.

Брат Филиппа, Дэвид, присоединился к ним за чаем в солнечной беседке с видом на озеро. Мэдди легко влилась в разговор и смеялась вместе со всеми, а остаток дня пролетел очень быстро.

Как же легко было быть уверенной в компании тех, кто не знал ее. И ее уверенность стала только сильнее с наступлением полудня. Она пережила примерку платья, и чаепитие у Стропов было просто чудесным.

Возможно, она сможет покинуть Мисти Лейк после смерти дедушки. Мэдди отодвинула грустную мысль о смерти дедушки, но тут же была поражена еще одной. Если она покинет Мисти Лейк, она потеряет и Джейса. Его дружба так много значила для нее. Она рассказала ему то, что никогда никому не рассказывала, и вдруг поняла, что без него ей будет тяжело.

Мэдди не знала, что готовят ей следующие недели. Но если Джейс будет рядом с ней, она встретит возможные трудности с гордо поднятой головой.

Было уже два часа дня, когда последний пациент Джейса покинул офис. Остаток дня был отдан домашним визитам, которые Джейс втиснул в свой график дважды в неделю. Мэдди, по уже установившемуся ритуалу, приготовила кофе, поставила чашки на поднос и направилась в гостиную, где они должны были насладиться коротким перерывом, прежде чем Джейс отправится в своем багги на вызовы.

Эти короткие передышки были лучшей частью ее дня. За чашкой кофе Джейс говорил о пациентах, о вещах, которые нужно заказать для офиса, планировал визиты на следующую неделю. Когда его вызывали новые пациенты, Мэдди рассказывала Джейсу, как лучше до них добраться и чего можно ожидать.

Она прошла по коридору, замедлив шаг, когда заглянула в его кабинет. В затишье после беспокойного дня, Джейс сидел, сгорбившись над столом, строчил заметки в историях болезни пациентов и занимался какой-то другой бумажной работой. Приглушенный свет лампы оттенял его широкие плечи и напряженный профиль.

Его облик снова наполнил Мэдди восхищением. Джейс был прекрасным врачом, и она чувствовала себя благодарной за возможность находиться рядом с ним. Мэдди помогала ему и одновременно помогала себе. Было приятно делать что-то значимое. Что-то реальное.

На нее нахлынуло чувство стыда. Джейс был занят куда более насущными делами, а она заставила его участвовать в обмане, который придумала по глупости. Но она нуждалась в нем. Она не могла сделать это в одиночку.

Мэдди двинулась в гостиную, признавая эту истину. До репетиции свадьбы оставалось менее двух недель. Она поставила поднос на стол, и чашки задребезжали на подносе. Она и не заметила, что руки дрожат. Нервы завязывались в животе узлом каждый раз, когда Мэдди думала о том, что придется провести целый уик-энд с пастором Хоглом и людьми, которые презирают ее.

Назвался груздем — полезай в кузов...

Мэдди уже приготовила кофе, когда в гостиную вошел Джейс. Кинув пальто на спинку стула, он вздохнул и присел на диван.

— У меня поднабралось историй болезни, их нужно будет разложить по местам, — сказал он, потянувшись за чашкой, которую она предложила.

Она кивнула.

— Как сегодня поживает мистер Линтон?

— У него все замечательно. Не жалуется на головные боли, и это даже больше, чем я ожидал.

Мэдди улыбнулась.

— Я так рада это слышать, — сказала она, хотя надеялась на это.

— Он упомянул, что ты была достаточно любезна, чтобы приготовить для него травяной компресс.

Несмотря на невинный тон Джейса, Мэдди застыла в страхе. Она боялась снова услышать порицание за то, что вмешалась.

— И сказал, что ты хорошо его разогрела, прежде чем дать ему.

— Мне показалось, это поможет, — произнесла она.

— Я бы предпочел, чтобы ты воздержалась от лечения моих пациентов, но в данном

случае горячий компресс и в самом деле мог помочь мистеру Линтону успокоить его нервы. В сочетании с тем, что я прописал, компресс и вправду действует лучше, — сказал он. — Отличная работа, Мэдди.

Облегчение сменилось чувством вины. Мэдди поерзала на месте. Она вылечила мистера Линтона за спиной Джейса, и он ее за это поблагодарил. Хотя она не жалела о своих действиях, ей было стыдно за обман.

— Бедняге было так больно. Это меньшее, что я могла сделать.

— Он попросил меня передать тебе благодарность.

— Правда? — спросила Мэдди, на сей раз удивленная по-настоящему. Казалось, мистер Линтон едва снизошел до того, чтобы замечать ее. Интересно, как все повернулось.

— Я надеюсь, ты все уладила с Амелией?

— Да, — сказала Мэдди. — Я призналась, что мы не обручены. Она была разочарована, но все поняла.

— Хорошо.

— Я была так рада ее видеть, — сказала Мэдди. — И примерка платья прошла хорошо.

Она не упомянула грубые манеры Гертруды и миссис Марч, от них ничего другого она и не ожидала.

— Было так здорово слушать о планах Амелии. Свадьба обещает быть настоящим торжеством.

Мэдди посмотрела на чашку в своих руках.

— Они наняли десять музыкантов. Будут танцы.

— И почему же тогда у тебя такое мрачное лицо? — поддразнил он. — Я думал, все женщины любят танцевать.

Джейс тут же снова стал серьезным, и Мэдди увидела перед собой врача.

— Это из-за ноги?

— Нет, нога в порядке, — она откинулась на спинку стула. — Но я не танцевала уже три года.

Мэдди взглянула на Джейса, чтобы увидеть его реакцию.

— Я могла разучиться.

Джейс смотрел на нее, поджав губы. Потом отставил чашку на стол, поднялся и подошел к Мэдди.

— Давай посмотрим, — он протянул руку. — Могу я пригласить вас на танец, мисс Саттер?

Она настороженно смотрела на него.

— Нет музыки.

— Используй воображение.

Джейс пошевелил пальцами, призывая ее взять его за руку.

— Мне нужно поддерживать репутацию, — сказал он. — Меня нельзя видеть танцующим на публике с женщиной, которую я даже не могу вести.

Засмеявшись, Мэдди схватила его за руку.

— Если не можешь — поведу я.

Мэдди поднялась на ноги. Искренняя улыбка Джейса согрела ее. Она наслаждалась этими редкими проблесками его легкого юмора, и он всегда помогал ей почувствовать себя лучше. Несмотря на то, что был он человеком, в сущности, мрачным, у Джейса была и светлая сторона. Она была польщена тем, что он показывает ей эту свою сторону.

Грациозно скользая по ковру, он двинулся к центру комнаты. Мэдди следовала за ним, мягкий ворс поглощал звук их шагов, когда они закружились в медленном вальсе.

Джейс взглянул на ее ноги.

— Ты не пропустила ни одного шага.

— Я не уверена, что ты бы заметил, даже если бы я пропустила, — поддразнила она, хотя Джейс явно был опытным танцором.

Он рассмеялся.

— Умаляешь мои бальные таланты?

— Совсем нет. Вы легки как перышко, доктор Меррик.

— Виноваты мои ботинки, — сказал он. — Но это упражнение для оценки твоих танцевальных способностей, а не моих.

Мэдди кивнула с насмешливой торжественностью.

— Да, конечно, — и Джейс закружил ее снова.

Он прижал ее крепче, и тепло его тела поглотило ее. Она прислонилась к его плечу, закрыв глаза. На публике они не смогут танцевать так близко, но сейчас Мэдди просто не могла удержаться. Джейс скользит вперед, и она почувствовала движение каждой мышцы под обтянувшей плечи рубашкой. В его сильных руках она чувствовала себя в безопасности. Чувствовала себя особенной.

— Как здорово, — пробормотала Мэдди. Она сказала это вслух? Ей пришлось срочно придумать что-то не совсем глупое. — Где ты научился танцевать?

— Мама учила меня, — сказал он. — Наверное, от скуки. Мы танцевали часами, пока отец занимался пациентами.

Он вспомнил о прошлом, и Мэдди захотелось узнать больше. Если не считать обмена резкостями с пастором Хоглом, это было его первое упоминание о его семье. Джейс держал дверь в свою личную жизнь закрытой на замок, и сейчас она осторожно заглянула в узкую щель, которую он для нее приоткрыл.

— Твой отец тоже был врачом?

— Да. Двадцать с лишним лет.

— Так ты идешь по стопам отца.

Она почувствовала, как Джейс окаменел.

— Нет, если мне повезет, — сказал он.

Мэдди остановилась, уставившись на него. Джейс отвел глаза и снова начал танцевать, но теперь смотрел куда-то за ее плечо.

— Что случилось с твоим отцом, Джейс?

Несколько минут царило оглушительное молчание. Потом он заговорил.

— Кажется, это было целую жизнь назад, — мягко сказал он. — После того, как я решил стать врачом, мы с отцом проводили два вечера в неделю вместе, чтобы обсудить разные случаи и методы лечения, — он покачал головой. — И даже тогда я чувствовал его разочарование.

— Разочарование?

— Мой отец не смог держать дистанцию от своих пациентов. Их боль стала его болью, их страдания стали его страданием. И он ненавидел бессилие, которое иногда испытывал. Бессилие медицины — и свое. С годами он становился все более несчастным. С каждым пациентом, которого он терял, он терял часть себя. Он стал другим человеком.

— Что ты имеешь в виду?

— Его неудачи поражали его как болезнь, и его знания оказывались бесполезны. Чтобы побороть это разочарование, он обратился к альтернативным видам лечения.

У Мэдди перехватило дыхание.

— Альтернативные виды? Что это означает?

Джейс нахмурился, и Мэдди ощутила его отвращение.

— Нелепые, странные практики с участием каких-то целителей и колдунов. Окультизм.

Плечи Джейса напряглись.

— Он погряз в этом шарлатанстве, начал применять эти методы в лечении. Человек, которым он был — компетентный врач, которым он всегда был — исчез. Пациенты стали шептаться за его спиной. Естественно, их доверие к нему постепенно было утрачено. Как и мое.

Очевидное отвращение Джейса заставило Мэдди задрожать. Она даже не могла представить, что бы он сказал, если бы узнал ее секрет.

— В отчаянии он отказался от традиционной медицины, от работы всей своей жизни, и все ради каких-то фокусов.

Мэдди содрогнулась от страха.

— Что случилось?

Джейс пожал плечами, как будто не был полностью уверен.

— К тому времени, как я вернулся домой из колледжа на рождественские каникулы, было слишком поздно. Его практика уже пострадала. Он буквально за несколько дней до моего приезда потерял пациента, юношу, и обезумевшие родители обвинили его в том, что он не спас их сына. Разговоры о судебном процессе распространились по городу как лесной пожар. Мой отец отказался обсуждать со мной лечение юноши, хотя я подозреваю, что оно было связано больше с шарлатанством, чем с медициной. Он сидел в своем кабинете в офисе, выглядел совсем подавленным. Он сказал, что поспит здесь, и попросил меня идти домой и не ждать его, — голос Джейса звучал так тихо, что Мэдди едва его услышала. — Я нашел его там же, за столом, на следующее утро. Он был мертв.

Мэдди замерла.

— О, Джейс, мне очень жаль.

— На столе перед ним лежал пустой шприц, — Джейс опустил глаза. — Официально он умер от остановки сердца, но я не сомневаюсь, что это была передозировка. Только вот я никогда не узнаю наверняка, была ли она случайной или намеренной.

Боль в его глазах отдалась в глубине ее души. Она никогда бы не догадалась, что он пережил такое испытание, и Мэдди спросила себя снова, откуда о прошлом Джейса знает пастор Хогл. Джейс многим рисковал, наживая себе врага в его лице. И он делал это ради нее.

— Все эти годы, будучи доктором, он помогал людям. Он спас много людей, — Джейс грустно покачал головой. — Медицина была его жизнью, пока он не утратил веру в нее.

— В Питтсбурге у тебя было так же?

Он взглянул на нее с удивлением, словно не думал, что она может догадаться.

— Да. В какой-то момент я тоже едва не утратил веру.

Мэдди опустила взгляд. Она уже знала Джейса достаточно хорошо и чувствовала себя польщенной оттого, что он доверился ей. Но грудь ее сжимала тяжесть.

Она заставила себя посмотреть на Джейса.

— А что насчет твоей матери?

Его лицо снова окаменело.

— Она привыкла к его отсутствию, — прямо сказал он. — Еще до того, как он умер. Пустое место за столом, пустое место в постели. Наверное, мама была готова.

— Она, должно быть, была сильной женщиной, — сказала Мэдди.

— Она перенесла это, как могла. Она была по-настоящему прекрасной матерью — внимательной, умной и неизменно доброй. Но в ней всегда была какая-то тень грусти. И, в конце концов, она была не очень сильной. После смерти моего отца люди смотрели на нас по-другому. Чтобы избежать скандала с его смертью, мама переехала в Огайо, жила там с моей тетей. Она умерла год спустя.

— Мне жаль, — произнесла она.

Они медленно двигались по ковру. Мэдди положила голову Джейсу на плечо. Она почувствовала его тяжелый вдох.

— Жизнь такая хрупкая. Такая короткая, — сказала она. Пальцы порхали по его плечам, лаская напряженные мышцы. Ее охватил жар, когда она почувствовала, как напряжение отпускает его тело.

Джейс покачал головой.

— Мэдди...

Она посмотрела ему в глаза.

— Нужно жить этим днем. Этим моментом.

Он замер, впитывая ее слова. Противоречивые желания омрачили его красивое лицо. Капитуляция, сопротивление — эмоции боролись между собой.

Его голос был хриплым:

— Чего ты от меня хочешь?

Ничего. Все. Она действительно не знала.

— Я хочу, чтобы ты сопровождал меня на свадьбе, — тихо произнесла Мэдди. — Я хочу, чтобы ты был моим другом.

Она облизала губы.

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня.

Он сделал вдох, затем медленно выдохнул. По ее щеке скользнул теплый воздух. Ноги Мэдди превратились в желе.

Джейс смотрел на нее, его голубые глаза наполнились таким чувством, такой глубиной, что она испугалась. Внезапный отклик в глубине собственного сердца напугал Мэдди еще больше.

То, что они разделяли сейчас, было гораздо глубже, чем похоть или одиночество. Она чувствовала это внутри себя, ощущала это кожей.

Наклонив голову, Джейс прижался губами к ее лбу. Мэдди закрыла глаза, приняв нежный жест — не горький отказ, а то, чем это было на самом деле.

Джейс хотел уберечь ее сердце.

— Мне нужно проведать миссис Мид, — сказал Джейс, отпуская Мэдди.

Он провел рукой по волосам и попытался прийти в себя. Его чувства уже были не просто похотью. Мэдди на самом деле была небезразлична ему.

— Да, конечно, — она неловко расправила юбки и сделала два шага назад.

Растерянный взгляд девушки вызвал внутри Джейса настоящую бурю. Он не хотел уходить так. В нем боролись эмоции с разумом.

— Хочешь прокатиться вместе? — спросил он, прежде чем успел себя удержать.

Мэдди в удивлении вскинула голову.

Он никогда раньше не приглашал ее присоединиться к нему в поездках на дом. Он явно не совсем ясно понимал, что делает. Проводить с ней меньше времени казалось лучшим решением, но, как всегда, ее присутствие размыло границы здравого смысла.

— Я могу завезти тебя домой после того, как проведу миссис Мид, — сказал Джейс, чтобы хоть как-то объяснить свой поступок.

— Хорошо, — сказала Мэдди. — Только дай мне минутку — собрать вещи.

Джейс пожал плечами и растерянно ухватился за свою сумку.

Он вышел на крыльцо. От окна доносился запах петуний, которые посадила Мэдди. Джейс вдохнул душистый аромат, успокоенный его уютной простотой. Он считал цветы ненужными, пока Мэдди не сказала, что из-за голых подоконников офис выглядит неуютно. Яркие цветы теперь приветствовали пациентов — их неизменный аромат должен был создавать приятные ассоциации.

Создание впечатления было особенно важно, поскольку Джейс не был женат и, следовательно, считался ненадежным. Вскоре после того, как Мэдди посадила цветы, Джейс вынес из сарая на крыльцо четыре плетеных кресла. Влияние Мэдди было ненавязчивым, но явным. Это было вторжение, которое с каждым днем он замечал все меньше.

Этот тревожный факт пронзил его мозг, предупреждая о неминуемой опасности. После размышлений о прошлом и браке своих родителей — после этого танца с Мэдди — ему нужно было предупреждение.

Мэдди выбежала из дома, завязывая ленты шляпки. Ее скромная улыбка заставляла его нервничать. Мысль о том, что он окажется рядом с ней в багги, нервировала еще сильнее.

Ее юбки заполнили тесное пространство между ними, задевая его бедро. Джейс остро ощущал ее близость, тепло, возбуждающий запах сирени.

Он потянул за поводья, и багги начал двигаться вперед, но Джейсу не под силу было справиться с напряжением, которое сковало его тело. И он не мог не замечать боковым зрением грудь Мэдди.

Багги катился через город в тишине. Мягкая погода благоприятствовала прогулкам, люди вышли из домов. Узнав багги Джейса, горожане махали ему, но быстро отводили взгляды, когда видели рядом с ним Мэдди.

Если Мэдди и замечала их неуважение, она молчала. Но опять же, что она могла сказать?

Джейс должен был отдать ей должное: она не стала прятаться. Он восхищался ее упорной решимостью вернуть какое-то подобие своей прежней жизни — и, конечно, Мэдди не смогла бы отрицать, что эти предшествовавшие свадьбе Амелии недели, которые она

провела в его офисе, пошли ей на пользу. Они вдвоем были отличной командой и хорошо ладили.

Слишком хорошо, на самом деле. Джейсу в последнее время пришлось стать настоящим профи в сопротивлении своим чувствам. В мастерстве уверток.

Или так он думал до этого танца. До тех пор, пока не прижал Мэдди к себе и не почувствовал, как ее тело прижимается к его телу. Пока не рассказал ей историю своего отца.

До того отрезвляющего момента, когда он посмотрел ей в глаза и почувствовал, что падает в них.

* * *

Мэдди сидела рядом с Джейсом, пытаясь понять то, что она узнала о его прошлом, и одновременно раздумывая о том, как это могло бы ей помочь. Но результат этих усилий был обескураживающим. Она могла бы сколько угодно питать свои романтические иллюзии, правда была на виду: Джейс ненавидел отца за то, что тот прибег к альтернативной медицине. А значит, возненавидит и Мэдди, если узнает. Выхода из этой ситуации она не видела.

Это знание заставило Мэдди чувствовать себя более изолированной, чем когда-либо прежде. И еще хуже. Если бы Джейс каким-то образом узнал, что она лечила его пациентов... нет. Она не позволит ему узнать. Но одновременно Мэдди не собиралась отказывать в помощи женщинам и мужчинам Мисти Лейк. Она помогала людям так же, как и Джейс, и тем самым помогала себе.

Способность Мэдди облегчать боль других людей в последнее время породила внутри нее что-то еще — новое сострадание и уважение. До катастрофы Мэдди была позорно эгоцентрична и думала только о своих капризах. Но дар научил ее видеть больше, расширил границы ее чувств — и впервые она была довольна тем, что все так обернулось.

— Дорога уже хорошо просохла, — сказал Джейс деревянным голосом.

Он оставался странно тихим с момента их танца, но если обсуждение дорог будет единственной темой их разговора, поездка покажется Мэдди долгой.

Он наклонил голову, приветствуя женщину, которая развешивала белье. Взгляд в сторону Мэдди — и ответная искренняя улыбка женщины испарилась.

Гордо подняв подбородок, Мэдди повернулась к Джейсу.

— Как думаешь, ты сможешь быть счастливым здесь, в Мисти Лейк? — спросила она.

— Этот городок мне нравится. И, несмотря на заминку перед открытием, практика у меня идет хорошо.

Она вздохнула. Каменная маска доктора Джейса была на месте.

— А что насчет людей? — настойчиво продолжила она. — Тебе нравятся здешние жители?

Он пожал плечами.

— Люди здесь особенные. Для них много значат традиции, — он покачал головой. — И им трудно доверять мне.

— Твоя связь со мной не помогает доверию.

— Нет, это из-за возраста, — возразил Джейс. — Хотя я и получил образование в одном из лучших колледжей, люди не хотят доверять свое здоровье кому-то настолько молодому. Не проходит и дня, чтобы пациент не упомянул доктора Филмора, — он покачал головой. — Какая ирония, не правда ли? Их слепая вера в этого старого козла?

«Более чем ирония», — подумала Мэдди, откидываясь на спинку сиденья.

— Лечить недоверчивых пациентов сложно. Они не прислушиваются к совету, даже если будут страдать. Как человек со стороны, я вижу преимущество в том, чтобы жить среди людей, которых ты знаешь всю свою жизнь. Но как врач, скажу, что иногда упертость этих людей сводит с ума.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Мэдди в ответ пожала плечами.

— Они научатся доверять тебе, — сказала она. — Как и я, — она улыбнулась. — Это настоящий успех, если учесть, что моя вера в докторов была разрушена до основания твоим предшественником.

Его профиль смягчился, когда он снова повернулся к ней лицом.

— Ты прекрасный доктор, Джейс. И доверие — это только вопрос времени. Они тоже увидят это.

Он смутился, и она удивилась. Джейс не был излишне скромным. Определенная степень высокомерия была присуща людям его профессии. Но она сумела польстить ему, и это Мэдди понравилось.

— Надеюсь, ты права. От этого могут зависеть некоторые жизни. Не говоря уже об успехе моей практики.

Джейс повернул багги на грунтовую дорогу, которая вела в лес, и дернул подбородком:

— Говоря об упрямых пациентах...

Впереди уже был виден дом миссис Мид. Загородный коттедж расположился на небольшой поляне в лесу на вершине холма. Тропа была узкой и крутой. Мэдди крепко ухватилась за сиденье, пока багги тащился вверх по склону. Наконец, они выехали на подъездную дорожку.

— С миссис Мид может быть трудно, — сказал Джейс. — Во время моего последнего визита, когда я хотел прослушать ее легкие, она пригрозила мне скалкой.

Мэдди усмехнулась, представляя себе эту сцену.

— Может, мне подождать здесь? — спросила она.

Джейс покачал головой.

— Это может занять время. Пойдем со мной, — он погрозил пальцем. — Но не вмешивайся, я тебя прошу.

Она кивнула, но ничего не стала обещать. Ей надоело держаться в тени.

Джейс помог ей выбраться из багги, и они направились к крыльцу. Сын миссис Мид, Картер, открыл дверь еще до того, как Джейс успел постучать.

— Заходите, док, — сказал Картер. — Я буду в саду, если понадобится.

Он приветствовал Мэдди прохладным кивком и проводил их внутрь.

Воздух был наполнен восхитительным ароматом знаменитых кексов миссис Мид. Нагромождение тарелок со свежей выпечкой выстроилось в центре кухни на большом столе. Миссис Мид сидела рядом со столом, накрыв мокрым полотенцем ногу, которую уложила на стул.

Мэдди повернулась спиной к раковине, пока Джейс осматривал пациентку. Чуть

повернув голову, она смогла увидеть, как он поднимает полотенце, раскрывая опухшую ногу. Джейс нахмурился, заметив капли жидкости, сочащиеся из волдырей на пальцах ног.

— Вы не следовали моим указаниям, не так ли, миссис Мид?

Дородная женщина только махнула рукой.

— Я слишком занята, чтобы расслаблять ноги каждый раз, как они начинают болеть.

— А как насчет диеты?

Она скривилась, как будто увидела что-то мерзкое.

Джейс оглядел кухню.

— И вы каждый день печете эти кексы и пироги.

— Конечно, — резко ответила она. — Это моя жизнь.

Разногласия между врачом и пациентом были очевидны. Мэдди понимала, к чему все идет — и итог в случае с миссис Мид был бы плачевным. Она подумывала вернуться в багги, чтобы избежать неудобной сцены, но любопытство и желание помочь удержало ее на месте.

Джейс раскрыл свою сумку.

— И когда вы выпекаете все эти кексы с сахаром и глазурью, вы их пробуете, ведь так?

Миссис Мид сузила глаза.

— К чему вы клоните?

— О, я думаю, вы знаете, миссис Мид. Я спрошу еще раз, вы пробуете все эти кексы?

— Я обязана пробовать каждую партию.

— Угу, — он приставил стетоскоп к ее груди над вырезом фартука и начал выслушивать сердце.

К облегчению Мэдди, женщина не стала тянуться за скалкой.

— А сколько партий вы выпекаете каждый день? — спросил Джейс, проверяя пульс своей крупной пациентки.

Она приподняла подбородок.

— По крайней мере, восемь, — проворчала миссис Мид, выдергивая свою руку из его руки.

Джейс нахмурился.

— Как я уже упоминал ранее, эта проблема с ногами началась из-за плохого питания. Вы должны похудеть. Тридцать фунтов, по крайней мере.

Челюсть миссис Мид упала с силой наковальни.

— Вы должны перестать столько есть.

— Нет, я никогда... — щеки пожилой женщины вспыхнули огнем.

— Именно поэтому ваши ноги размером с пни, — сказал Джейс.

Миссис Мид ахнула, и Мэдди ахнула вместе с ней. Она должна была что-то сказать, чтобы смягчить ситуацию, прежде чем Джейс пойдет слишком далеко.

— Выпечка — это ее средство прокормить семью, доктор Меррик. В местных гостиницах этими кексами и пирогами кормят приезжих гостей.

— Так и есть, — вмешалась миссис Мид. — Сейчас идет летний сезон. Мне нужно содержать семью, мне нужно кормить ее. Вы не можете требовать, чтобы я отказалась от выпечки.

— Никто от вас этого не ждет, — заверила ее Мэдди.

Она взглянула на Джейса и пожалела об этом. Его лицо было словно сделано из стали, на горле билась жилка. Мэдди повернулась к миссис Мид, прежде чем он взорвался:

— Но, возможно, нет необходимости пробовать каждую партию, мэм.

— Я...

— Вы печете эти кексы день за днем уже более десяти лет. Без сомнения, рецепт вы используете один и тот же.

— Ну, конечно же.

— И значит, вам не нужно пробовать их все, правда? — продолжила Мэдди. — Вы и так знаете, что по семейному рецепту все получится просто замечательно.

— Может быть. Но моя бабушка всегда говорила, что ключ к хорошей выпечке — легкая рассыпчатая консистенция теста. Я должна быть уверена, что мои покупатели получат только самое лучшее.

— Это просто смешно.

Джейс фыркнул. Миссис Мид посмотрела на него. Мэдди тоже. Его поведение явно не шло на пользу ни ему самому, ни его пациентам. Неудивительно, что люди неохотно прислушивались к его советам.

— Миссис Мид, доктор Меррик заботится только о вашем здоровье.

— А вы, мисс, его защитница?

— Он не нуждается в защите, — ответила Мэдди. — Он здесь, чтобы помочь, но не сможет этого сделать, если вы откажетесь следовать его рекомендациям.

Миссис Мид поджала губы.

Мэдди сделала быстрый вдох, чтобы набраться терпения.

— Вы — настоящий мастер, миссис Мид. Я предлагаю вам проверять выпечку только один раз в день. Уверена, качество ваших кексов не пострадает. Зато здоровье улучшится.

Женщина упала обратно в кресло, обдумывая вариант.

— Полагаю, можно попробовать.

— Мудрое решение, — сказал Джейс, внимательно осматривая ее ногу. — Я собираюсь увеличить дозировку лекарства, — он ткнул в миссис Мид пальцем. — И я советую вам следовать моим указаниям. Потому что в противном случае нам может потребоваться ампутация.

Ее глаза вспыхнули от страха.

— Ну, хорошо, — сдалась миссис Мид, скорее, со страхом в голосе, чем с раздражением.

— Отлично, — Джейс вытащил из сумки журнал и что-то в нем начал записывать.

— Но запомните, доктор Меррик, если с выпечкой что-то будет не так, я обвиню вас. Представить не могу, что продаю их, не попробовав, — пробормотала она.

— Я приму на себя всю ответственность, — сказал он, продолжая писать.

— Кексы будут вкусными, — заверила Мэдди. — Я всегда любила их, летом только их и ела.

Комплимент, казалось, успокоил миссис Мид.

— Ну, тогда возьмите немного. Я всегда пеку чуть больше, чем нужно.

Она наклонилась к столу и наполнила корзину золотистыми кексами. Мэдди приняла с трудом заработанную награду с улыбкой облегчения от того, что визит закончился.

— Я вернусь в конце недели, проведу вас, — сказал Джейс, собирая свою сумку.

— Да, да, до свидания, — и миссис Мид махнула рукой в направлении двери.

Они направились по каменной дорожке к багги.

Легкий ветерок обдувал лицо. Мэдди ждала осуждения Джейса за свое вмешательство, готовая отразить его нападение. Если бы с миссис Мид он был хоть капельку тактичнее,

Мэдди не пришлось бы вмешиваться.

— Все прошло лучше, чем ожидалось, — сказал он, наконец.

Мэдди уставилась на него, потеряв дар речи.

— Ты шутишь? — она наклонила голову, когда поняла, что он серьезен. — Джейс, ты никогда не слышал выражения о том, что пчел лучше ловить на мед, а не на уксус?

Он нахмурился.

— Люди должны использовать здравый смысл. Они должны следовать инструкциям врача. Все просто.

— Не заметила я, что все просто.

— Мои пациенты — моя ответственность, Мэдди.

— Я понимаю, но я...

— Ты же не врач.

Его надменный тон только спровоцировал ее:

— А ты больше не в Питтсбурге. Люди здесь настроены иначе, ты сам так сказал. Эти пациенты — твои соседи. С соседями приходится сталкиваться каждый день.

— Моя работа — лечить пациентов, а не дружить с ними. Я не буду рисковать их здоровьем и не стану танцевать на цыпочках на яичной скорлупе, чтобы пощадить их чувства.

— Я и не предлагаю тебе этого делать. Я просто предлагаю не оскорблять их. Быть немного помягче, когда советуешь.

— Не похоже на желание не вмешиваться, — пробормотал он.

— Я должна была что-то сделать. Ради всего святого, ты почти назвал ее жирной.

— Это привлекло ее внимание.

— Но не заставило пойти навстречу. И разве это не более важно?

Он раздраженно молчал.

Мэдди вздохнула.

— Ты прекрасный врач, но твое лечение не сможет принести пользы, если пациенты от него откажутся. Я просто пытаюсь помочь...

— Мне не нужна твоя помощь, — его взгляд был слишком твердым для того, чтобы она поверила.

Мэдди покачала головой, кипя от гнева.

— Нет, конечно, нет, — ее сарказм рос с каждым словом. — Такой опытный городской врач, как ты, не нуждается в помощи такой малообразованной девушки, как я.

Он посмотрел на нее, на челюсти заиграли желваки.

— Тогда мы договорились.

Он больше ничего не сказал. Они сели в багги и направились к городу, и Джейс сидел молча, пока сжимал поводья.

Мэдди тоже сидела молча и недвижно рядом с ним, сжав зубы и кулаки. Они проехали молча почти весь путь, пока Мэдди не увидела вдали мерцание озера. Это было долгожданное облегчение. Еще несколько неприятных минут, и она будет дома.

— Возможно, мне стоит быть немного помягче, — сказал Джейс внезапно, кашлянув.

Она моргнула, повернувшись к нему лицом. Джейс же смотрел прямо вперед.

— Мне нужно их доверие.

Мэдди кивнула, понимая его простую уступку, прежде чем отвернуться, чтобы скрыть свою легкую, но такую торжествующую улыбку. Как бы абсурдно это ни звучало, Джейсу

нужна была Мэдэлайн Саттер, городская пария — нужна для того, чтобы помочь завоевать доверие тех самых людей, которые ее отвергали.

Глава 13

Как и предсказывала Кэролайн, погода в следующие выходные выдалась очень подходящей для пикника. Слабый ветерок охладил тревожный румянец, покрывавший щеки Мэдди по мере того как гости собирались на лужайке перед домом Стропов. Ожидался легкий завтрак, после которого гостям предлагалось отправиться в парк — на пикник.

Мэдди вцепилась в руку Джейса, наблюдая за тем, как прибывают гости. Амелия поспешила поприветствовать Эбигейл и Джима Пайков. Следом прибыли Даниэль и в сопровождении прекрасной Люсинды и его кузин Гертруды и Долли. Мэттью Вебстер следовал за ними. Генри Уэйлен и Битси Вейджер стояли рядом, грызли печенье и болтали, как старые друзья, которыми они, впрочем, и были.

Мэдди потягивала лимонад, собираясь с силами, чтобы встретиться лицом к лицу с людьми, которые предпочли бы не встречаться с ней. Ожидая возвращения Амелии, она переключила свое внимание на разговор между Джейсом и Лестером.

— Все приехали, так что мы отправимся, как только корзины с едой и постельное белье будут упакованы в повозку, — сказала Амелия.

Мэдди огляделась. Вокруг стояло человек двадцать.

— Это действительно все, Амелия? Почему-то я думала, что гостей сегодня будет больше.

Амелия огляделась.

— Нет, Мэдс, это все... и еще кое-что, — она нахмурилась, глядя на Мэттью Вебстера. — Мэттью не был официально приглашен, конечно, но мне следовало ожидать, что он последует за Долли.

Она попыталась скрыть свое явное недовольство.

— В любом случае, сегодня я не планировала большого праздника.

— Сегодня праздник для молодежи, — подошел к ним Лестер. — Здесь нет никого старше тридцати.

Амелия похлопала его по руке с терпеливым снисхождением:

— Подготовка к свадьбе — это настоящее испытание. Особенно если родители постоянно вмешиваются.

— Это не испытание. Это кошмар, — поправил Лестер.

— Мы решили, что пикник со сверстниками поможет нам расслабиться.

Лестер приподнял кружку пива, которую держал в руке.

— И повеселиться.

Мэдди улыбнулась, радуясь временной отсрочке встречи с пастором Хоглом и другими городскими сплетниками. Выдохнув, она позволила напряжению стечь со своих плеч. Теперь она чувствовала себя куда спокойнее.

Они с Джейсом приехали раньше, и она вся была, словно клубок нервов. Джейс тогда сжал ее руку и сказал:

— Я буду любящим женихом. Расслабься и попытайся повеселиться.

До сих пор он был верен своему слову. Единственный раз он оставил ее, чтобы принести лимонад. Мэдди цеплялась за него, как за соломинку, пока они прогуливались между шепчущимися группками гостей. Мэдди поприветствовала сестер Хогл, но девушки звучно фыркнули и отвернулись. Смущение заставило ее щеки запылать. Джейс тут же

пришел на помощь и отвлек ее бессмысленной болтовней, чтобы успокоить. Мэдди оценила усилия, но ей было стыдно. Связь Джейса с ней может повредить его карьере, независимо от того, признает он это или нет.

Он рисковал своей репутацией, играя ее жениха, и при этом именно он потом окажется в роли обманутого жениха. Он хотел, чтобы Мэдди дала ему информацию, которая может помочь другим. Но она намеревалась сохранить в тайне настоящую правду о своем выздоровлении.

Как ни странно, если бы у нее хватило смелости рассказать кому-то свой секрет, она предполагала, что этот кто-то будет Джейс — и по иронии судьбы, он — единственный человек, кроме нее самой, которому этот секрет может причинить боль. Джейс был приверженцем традиционной науки, а дар Мэдди бросал вызов всему, во что он верил.

Если бы все могло быть по-другому.

Мэдди покосилась в его сторону, задерживая взгляд на профиле. Волосы Джейса зацепились за воротник и теперь топорщились, но легкий беспорядок только усилил его привлекательность. Приталенное твидовое пальто подчеркивало ширину плеч. Под пальцами Мэдди чувствовала силу его мышц. Память о прикосновении Джейса, о давлении его твердой груди на ее грудь, пробудила в Мэдди желание, которое она не могла больше игнорировать. Этот жар охватил сначала ее руку, а потом пробежал по телу, заставляя колени подогнуться.

Это безумное влечение поглотило ее разум и тело. Даже когда она злилась на него, она хотела его. Мэдди чуть наклонилась к своему «жениху», вдыхая его запах. Несмотря на все доказательства обратного, она вдруг почувствовала себя счастливой.

Амелия и Лестер общались с ними в перерывах между выполнением своих обязанностей в качестве организаторов праздника. Остальные держались чуть поодаль, и как ни странно, Мэдди не возражала. Она была не одна, и ей нравилось, что кто-то еще находится рядом.

— Доброе утро, Мэдди! — Кэролайн помахала им с крыльца. Филипп и Дэвид вышли вслед за ней. — Ты как раз вовремя, хочешь записаться на дневную охоту за сокровищами? — спросила она, когда они с Джейсом приблизились.

Мэдди быстро представила Джейса. Дружелюбие молодых людей вселило в нее уверенность.

— Охота? — переспросил Джейс.

— Мы разделяемся на пары, — Кэролайн лукаво улыбнулась Дэвиду. — Каждой паре дается список предметов для охоты.

Она передала список Джейсу.

— Для победителей у нас есть приз.

Джейс держал список так, чтобы они с Мэдди могли прочитать его вместе.

— Один желудь, — читала она вслух, — шишка, веточка не длиннее большого пальца...

Мэдди закатила глаза.

— Довольно сложная задача, я знаю, — хихикнула Кэролайн. — У меня такое чувство, что мужчины придумали эту жалкую игру, чтобы мы, женщины, остались наедине с ними в лесу.

— Конечно, — заявил Лестер, подходя к ним. — Самый лучший сценарий, чтобы украсть поцелуй.

Он похлопал Джейса по плечу.

— Я прав?

— Ни слова больше, друг, просто скажи мне, где поставить свое имя!

Все смеялись, и в тот момент Мэдди поразило, каким очаровательным мог быть Джейс.

Неожиданно ее поразила еще одна мысль. Если сегодня кто-то и рискнет украсть поцелуй, это, скорее всего, окажется она. Их глаза встретились, и тело Мэдди заныло. Она надеялась, что Джейс рискнет. И не раз.

Молодежь расселась в четыре коляски, но, как и ранее, Джейс повез Мэдди в своем багги. Она поклялась преодолеть страх поездки в коляске, но сегодня смелости оказалось недостаточно. Так что Мэдди наслаждалась поездкой на багги и безмятежным видом на горы. По небу плыли пушистые облака, и ее разум плыл вместе с ними, возвращаясь в день катастрофы. День, который начался точно как этот.

— Горная тропа в ту сторону, — указала она.

Джейс взглянул на грунтовую дорогу, которая вела в лес.

— Там произошел несчастный случай?

Она кивнула.

— Не хочешь рассказать мне об этом?

Мэдди беспокойно поерзала на месте. Никто никогда не просил ее рассказать о катастрофе. Даже когда она так отчаянно хотела кому-то рассказать. Хотя она была не уверена, что хочет говорить об этом сейчас, она чувствовала, что должна рассказать Джейсу, ведь ему на самом деле не было все равно.

Мэдди тяжело вздохнула.

— Мы прекрасно проводили время. Налетела буря. Мы думали, что успеем вернуться в город, но к тому времени, когда мы собрали корзинки и направились вниз по горе, она уже разыгралась. Мы были мокрые и смеялись, когда ехали вниз по тропе. Затем ударила молния — и очень близко. Лошадь понесла, и поводья выпали из рук. Мы врезались в дерево. Не было возможности остановиться. Не было времени, чтобы выпрыгнуть. Все произошло так быстро.

— Что последнее ты помнишь?

— Я лежу в грязи. Сильно, очень сильно болит нога, — ее голос дрогнул от волнения. — И под проливным дождем я слышу только тишину. Я знала, что они мертвы. Я тоже закрыла глаза, чтобы умереть.

Джейс потянулся к ее руке и сжал ее.

Уставившись на их переплетенные пальцы, Мэдди чувствовала себя в безопасности, защищенной от ужасов прошлого.

— Это была моя вина, — сказала она просто. Мэдди не всхлипывала и не пролиwała слезы. Она просто говорила, обнажая душу, чтобы озвучить то, что она никогда никому не говорила, никогда не озвучивала вслух. — Пастор Хогл никогда не позволял Элизабет править коляской. Он утверждал, что это была мужская работа и для леди это — неподобающее занятие. Мы все думали, что это ерунда, конечно. Поэтому я не сказала ей «нет», когда она спросила, можно ли ей править. Я знала, что у нее практически нет опыта, но я не думала об этом. На самом деле, я больше переживала о том, что скажет пастор, если увидит Лиззи с поводьями в руках. Я была ужасно глупой. Нельзя было отдавать ей поводья.

— Элизабет правила коляской?

— Да.

— Кто-нибудь знает?

Мэдди сузила глаза.

— Какое это имеет значение?

— Они обвиняют тебя, потому что думают, что правила коляской ты. Мэдди, тебе никогда не приходило в голову, что, возможно, если бы они знали... если бы ты сказала...

— Я не могла этого сказать, — в ее горле поднялся ком отчаяния, и она проглотила его. Джейс уставился на нее, недоумевая.

— Почему нет?

— Потому что я жива, а она мертва, — она моргнула, прогоняя слезы скорби и вины. — От Элизабет ничего не осталось, кроме ее памяти, и я не запятнаю все, что от нее осталось, переложив на нее вину.

Он покачал головой.

— Ты не правила коляской, Мэдди.

— Но я должна была. Я пыталась заставить ее отдать мне поводья, я должна была быть настойчивее. Возможно, я смогла бы удержать лошадь.

— И предотвратить удар молнии, да?

Мэдди грустно склонила голову.

— Это не имеет значения. Теперь они все умерли. Все уже случилось, — она вздохнула. — Хотелось бы мне понять, почему я выжила, а они нет.

— Есть десятки объяснений. Ты удачно упала. Или на удачное место.

Джейс всегда рассуждал логически. Она знала, что должна быть другая причина. Ее спасла не простая случайность.

— Это не то, что я имею в виду, — чувство вины сдавило Мэдди горло. — Почему именно я выжила?

— Никто не может ответить на этот вопрос. Но ты выжила. И ты проделала большой путь, чтобы преодолеть последствия травмы, — сказал он. — Неважно, почему ты выжила. Важно то, что ты с этим справляешься.

Он сосредоточился на управлении багги и позволил словам повиснуть в воздухе. И как ни странно, этого было достаточно.

Звук смеха постоянно доносился из переполненной коляски впереди. Ленты красивых капотов вились на ветру. Несмотря на их далеко не веселую беседу, Мэдди не могла не улыбнуться.

— Существуют ли какие-то припарки или мази, чтобы лечить родимые пятна? — спросила она, желая сменить тему.

— Такие, как у Долли Хогл?

— Именно.

— Если и есть, то я не знаю таких. Я слышал, что знахари вроде бы используют какие-то травы, чтобы вывести родинки, но сам я результата никогда не видел. — Джейс покачал головой. — Лучше не обещать девушке излечения. Это принесет больше вреда, чем пользы.

— Она кажется такой грустной.

Джейс моргнул.

— Что не помешало ей тебя оскорбить.

— Элизабет была ее кузиной. Как пастор Хогл и остальные члены ее семьи, она винит меня, — Мэдди чуть заметно улыбнулась. — Все винят, кроме Лестера.

— Мне нравится Лестер, — сказал Джейс. — И очевидно, что ты ему нравишься.

— Он единственный Хогл, кто все еще говорит со мной. Связано это с Амелией или нет, я не знаю, но он всегда был добрым. Я не могла и пожелать ей лучшего мужа.

— Похоже, они подходят друг другу.

— Почему ты не женат? — Мэдди сама от себя не ожидала этого вопроса и в ужасе хлопнула себя ладонью по губам. Джейс рассмеялся, прежде чем ответить.

— Это было первое, что спросил комитет по найму, когда я подал сюда документы, — сказал он с ухмылкой. — Ты им подсказывала вопросы из-за занавески?

— Нет, меня там не было, — Мэдди фыркнула. — И не думай, что я не заметила, что ты аккуратно обошел вопрос.

— Я сказал комитету, что был постоянно занят и не смог найти себе женщину, которая могла бы вытерпеть то, что я постоянно занят.

Она отнеслась к объяснению настороженно.

— Это правда?

— Один вариант, — он улыбнулся.

Она тоже улыбнулась.

— А другой?

— Брак меня не устроит.

— Почему бы и нет?

— Я живу ради своей работы. Если не считать пациентов, я никогда не отвечал ни за кого, кроме себя.

— Но ты можешь изменить это, если...

— Я не хочу что-то менять.

Его приверженность своему делу не стала для Мэдди неожиданностью, а вот убежденная позиция холостяка стала.

Профиль Джейса был жестким, но резкий тон смягчился.

— Я начал изучать медицину с отцом, когда мне было шестнадцать лет. Не потому, что это было его желание, а по настоянию моей матери. Мне нравилось земледелие, я хотел попробовать фермерство. Но мать ухватилась за медицину, потому что она знала, что это была моя единственная надежда хоть как-то сблизиться с Мерриком-старшим.

Несмотря на то, что он произнес эти слова очень ровно, Мэдди могла слышать печаль, порожденную пренебрежением отца.

— О, Джейс.

— Быть врачом — это ответственность. Непоколебимая преданность делу. Мой отец однажды сказал мне, что мужчина может быть либо хорошим мужем, либо хорошим врачом, но не одновременно. В конце концов, у него не вышло ни то, ни другое.

Джейс замолчал, колеблясь.

— И я не совершу ту же ошибку.

— Но тебе никогда не бывает одиноко?

Он покачал головой, отводя глаза.

— Мне есть, чем занять свое время.

Мэдди моргнула, тоже покачав головой.

— Есть разница между скукой и одиночеством.

Он повернулся к ней лицом.

— Не для меня.

Джейс сосредоточился на багги, закрыв тему, но его слова задержались в ее разуме — в ее сердце. Она отмахнулась от своего безосновательного разочарования. Брак не был вариантом для Мэдди. Так почему же ее так беспокоило отвращение Джейса? У нее не было

ответа. Она знала только, что никогда не сможет его заполучить, и полагала, что от мысли, что он не достанется другой женщине, ей должно было стать спокойнее.

Как только они прибыли в раскидистую рощу на холме с видом на мерцающее озеро, слуги, обслуживающие пикник, начали распаковывать еду. Тем временем гости расселись на одеялах.

Мэдди и Джейс заняли тенистое место под высоким дубом. Эбигейл и Битси сидели неподалеку, рисуя пейзажи. Гертруда избавила Мэдди от своих оскорблений, отправившись с Люсиндой и Долли к роще, чтобы собрать цветы. Мэттью направился за ними, поигрывая веткой, которую подобрал по пути.

Мэдди наблюдала, как Мэттью подошел к Долли, затем взял ее за руку, регулируя положение маленького зонтика от солнца над ее головой. Слово «внимательный» тут не подходило. Мэттью просто контролировал ее — как будто она сама не могла понять, мешает ей солнце или нет.

Нахмурившись, Мэдди обратила свое внимание на Джейса, который уже с удовольствием устроился на одеяле. Пиво и кларет^[3] были поданы, и через какое-то время мужчины решили поиграть в подковы^[4].

Даниэль проверил расстояние между кольями, которые вбили в землю Генри и Лестер, а затем направился к Мэдди и Джейсу.

— Нам нужен еще человек для игры, доктор Меррик.

Джейс вопросительно посмотрел на Мэдди.

— Если, конечно, вы сможете друг от друга оторваться, — по тону Даниэля было непонятно, шутит он или злится. — Уверен, Мэдэлайн не станет возражать.

Скрестив руки на груди и переступив с ноги на ногу, он уставился на Джейса с выражением самодовольства на лице.

Даниэль и в подметки Джейсу не годился, и Мэдди слишком хотела позволить ему доказать это всем собравшимся. Она широко улыбнулась и обратилась к своему «жениху».

— Иди, дорогой, — сказала она, со значением сжав его руку. — Я буду смотреть отсюда.

Джейс подыграл ей:

— Я не задержусь надолго, — сказал он, сжав ее пальцы в ответ.

Она благодарно улыбнулась, наслаждаясь их игрой гораздо больше, чем должна была. Щеки Даниэля покраснели, пока он наблюдал за их нежностями, и Мэдди почувствовала удовлетворение.

Затем Джейс повернулся к ней, а не от нее, и, к удивлению Мэдди, поднес ее руку к своим губам. Коснувшись губами перчатки, он посмотрел Мэдди в глаза, и намеренно задержался так, заставив ее задрожать от головы до пят. Мысли о Даниэле и их игре испарились. Она словно потерялась в голубых глазах Джейса, поглощенная страстью.

Джейс поднялся, отпуская ее руку, стянул с себя пальто и бросил его на одеяло рядом с ней. Она вздохнула, наблюдая за ним. Держась уверенно, он прошел мимо Даниэля и направился к импровизированной площадке для игры. Генри и Лестер ждали его: подковы в одной руке, кружки пива в другой.

— Эти двое пьют пиво, док, так что у нас есть преимущество, — приветствовал его Генри.

Поскольку Джейс не пригубил сегодня и глотка, Мэдди была склонна согласиться.

— Пиво только улучшает мою меткость, — возразил Лестер, высоко поднимая кружку. Мэдди закатила глаза. Такими темпами Лестер не протянет до обеда.

Генри усмехнулся.

— Посмотрим.

Несколько человек собрались вокруг, чтобы наблюдать за игрой. Кэролайн расстелила одеяло рядом с Мэдди, а Филипп и Дэвид быстро присоединились к ней. Мэдди надеялась, что дружная компания отвлечет ее от Эбигейл и Битси, которые сидели поодаль со своими набросками, яростным шепотом перемывая ей кости.

Мэдди и девушки никогда не были близки, но до несчастного случая она не задумывалась об этом. Ей хватало Пятерки, и она едва ли замечала кого-то из дебютантов. Эбигейл и Битси не участвовали в их играх. Как и Гертруда. Возможно, их неприязнь к Мэдди была оправдана.

Воспоминания о прошлом окружили ее. Стыд окрасил щеки, и Мэдди выпрямилась на одеяле и попыталась сосредоточиться на игре.

Джейс попал в кольцо первым же броском. Звон подковы заглушили аплодисменты. Джейс подмигнул Мэдди, и она улыбнулась, вся трепеща.

— Ваш жених — прекрасный игрок, — сказал Филипп, глядя на нее с затаенной болью во взгляде.

Мэдди любезно улыбнулась ему и ответила:

— Я и понятия не имела, что он такой искусный игрок.

Она выпрямила спину, ожидая жесткой борьбы и надеясь, что игровые навыки Джейса помогут раз и навсегда стереть самодовольное выражение с лица Даниэля.

Джейс снова попал — одним точным ударом. Нескрываемая радость на лице Мэдди заставила его сердце замереть. В горле у него пересохло. Не дыша и не моргая, он смотрел на нее, пытаясь запомнить ее такой.

Она буквально сияла в своем сиреновом платье, сидя в небрежной позе на одеяле. Темные кудри под соломенной шляпой блестели на солнце, просвечивающем сквозь верхушки деревьев. Она волновала его — все в ней волновало. Ее остроумие, ее смелость, даже ее дерзкие, но часто практичные советы относительно его пациентов.

Возможно, он был просто одинок, как и сказала Мэдди. Но он сказал ей правду. В прошлом это чувство одиночества могло просто раствориться в заботе о пациентах, в рутине врачебной работы. Но встретив Мэдди, Джейс обнаружил, что работа больше не отвлекает его.

Он отвернулся и тут же обнаружил, что оказался не единственным, кто наслаждался видом. Даниэль тоже смотрел на Мэдди. Это начинало его раздражать. Люсинда гуляла в отдалении под своим большим желтым зонтом, и Даниэль воспользовался ее отсутствием, чтобы пялиться на Мэдди — на женщину, которую он бросил, когда она больше всего нуждалась в нем. Джейс надеялся, что этот дурак сожалеет о своем поступке. Сильно сожалеет.

Джейс заметил и другое. Филипп уселся на его место рядом с Мэдди, наполняя ее бокал кларетом и флиртуя с ней, как влюбленный школьник. Джейс наблюдал за Филиппом и его попытками уже с обеда — на расстоянии, но, не выпуская его из виду. Если бы Джейс был ревнивым — но ведь он вовсе не ревновал, нет! — он бы уже пришел в ярость.

Страхнув внезапное напряжение, он взглянул на Мэдди. От вида ее улыбки его быстрый пульс замедлился до ровного ритма. Генри забил свое первое очко, и она захлопала и стала подбадривать остальных. Она внезапно стала другой. Среди людей, которые не осуждали ее, Мэдди казалась более уверенной, более непринужденной, более естественной. Джейс видел ее такой, какой никогда не знал. Словно она стала той девушкой из Прекрасной Пятерки.

Он должен был быть доволен.

Смысл их игры заключался в том, чтобы Мэдди могла восстановить свою репутацию. Какое-то подобие этого, по крайней мере. Джейс был лишь средством достижения этой цели. Судя по мужскому вниманию, которое она получала, ее возвращение в общество продвигалось даже лучше, чем он ожидал. Почему же тогда он не был этому рад?

Джейс глубоко вздохнул, пытаясь сконцентрироваться на игре. Даниэль снова взглянул на Мэдди и отвлекся — и пропустил следующий бросок. Джейс почувствовал, как его руки сжимаются в кулаки, когда Даниэль выдохнул еще одно приглушенное проклятие.

Подошла очередь Джейса, и он набрал еще одно очко. Даниэль зло отпил пива, а затем бросил подкову. Близко, но недостаточно. Лестер, с другой стороны, промахнулся на милю, но его, похоже, проигрыш не беспокоил. Повернувшись с Джейсу, он отпустил пару шуток. Даниэль злился все сильнее. Каждый сделанный Лестером бросок был все более шутливым, все менее точным, в то время как броски Даниэля становились все более и более прицельными.

Звук смеха Мэдди привлек внимание Джейса, как и поза Филиппа, улегшегося рядом с ней на одеяле — слишком близко. Когда игра подошла к завершению, Джейс смотрел на

Филиппа, Даниэль смотрел на Джейса, а Лестер смотрел куда-то в небо.

Следующий бросок — и подкова Лестера взлетела высоко. Слишком высоко. И полетела прямо в Даниэля, который был так поглощен разглядыванием Мэдди, что не заметил ее, пока она не ударила его по голове.

— Даниэль! — закричал Лестер.

Даниэль упал на землю, как подкошенный.

Джейс и остальные подбежали к нему.

— Скажи мне, что я не убил его, док, — сказал Лестер, когда Джейс опустился у бессознательного тела на колени. Голос Лестера был мертвенно-трезвым.

Джейс проверил пульс и дыхание Даниэля. Все было в норме.

— Он жив, — заверил он Лестера. — Мне нужен лед.

Все остались на месте. Таращились на Даниэля, как стадо испуганных оленей.

— Лед!

Мэдди двинулась первой. Подхватив юбки, она побежала — пятно сиреневого цвета понеслось к столу, на котором стояли кувшины с пивом и лимонадом. Благодарный за ее быструю реакцию, Джейс занялся пострадавшим: раскрыл Даниэлю веки, проверил зрачки. Мэдди вернулась, пробралась к нему сквозь толпу и подала Джейсу наполненную льдом перчатку.

Впечатленный ее находчивостью, он положил лед на голову Даниэля, где уже образовалась шишка размером с яйцо.

Мэдди замерла, явно расстроенная.

— Я принесу твою сумку, — она повернулась, чтобы уйти

— Стой, — ей придется взобраться на холм, да еще и рыться в багги, ища сумку, которую он положил под заднее сиденье. — Я пойду. Я обернусь быстрее. Держи лед вот так и не давай ему шевелиться.

Мэдди кивнула, заняв место Джейса, когда он поднялся и побежал к багги. Издалека он увидел, как к толпе вокруг Даниэля присоединились Люсинда и Гертруда.

Джейс был уверен, что у Даниэля было сотрясение мозга, и чем дольше он оставался без сознания, тем серьезнее был прогноз. Удар, нанесенный Лестером, может оказаться смертельным. Джейс добрался до багги и вытащил сумку. Едва отдышавшись, он повернулся и побежал вниз по склону к все еще бессознательному сукиному сыну, лежащему на земле.

* * *

— Даниэль, ты меня слышишь? — сердце Мэдди болело. За последние три года она испытала самые разные чувства к бывшему жениху, но даже в самый отчаянный момент не желала ему зла. — Даниэль?

Он остался мертвым для мира, его лицо было тревожно белое. Она должна была что-то сделать. Сунув пальцы под ледяную перчатку, она опустила голову и закрыла глаза. Даже несмотря на ледяной холод, Мэдди почувствовала тепло, исходящее от руки, которую она прижала к шишке на голове Даниэля.

— Даниэль!

К ним подбежала Гертруда. Пронзительный звук ее голоса мешал Мэдди

сосредоточиться.

— Что случилось? — Гертруда почти визжала. — Что она с ним сделала?

— Она ничего не сделала! — сорвалась Амелия. — Его ударили подковой.

— Но почему она? Почему именно...

— Тише, Гертруда! — Но у Гертруды была настоящая истерика.

— Что она здесь делает?

— Она применяет лед по указанию доктора. А теперь успокойся и помоги Люсинде.

Она вот-вот упадет в обморок.

Мэдди зажмурилась. Голоса вокруг начали таять. Гертруда тоже кричала, словно где-то вдали. Руки Мэдди стали горячее. Лед начал таять, превращаться в воду, просачиваясь сквозь перчатку.

Даниэль дернулся. Его глаза распахнулись, и Мэдди вздохнула с облегчением.

— Даниэль, ты меня слышишь?

Он моргнул несколько раз, ошеломленно уставившись на нее.

— Мэдэлайн? — его глаза вспыхнули узнаванием или страхом, или всем сразу.

Она надеялась, что этот страх из-за травмы, а не из-за того, что она сделала. Может, он что-то почувствовал?

— О, Даниэль, слава Богу, — Гертруда опустилась рядом с Мэдди. — Оставь его в покое, Мэдэлайн. Ему не нужны...

— Отойдите, — Джейс достал свой стетоскоп и присел рядом. — Держи лед, Мэдди, — сказал он, не обращая на Гертруду внимания. — Остальные, дайте ему немного пространства.

Круг вокруг них расширился, когда Джейс встал на колени рядом с Даниэлем.

— С возвращением, — сказал он, проверяя пульс молодого человека. Он посмотрел в глаза Даниэля, сначала в один, потом другой. — Можете назвать свое имя?

— Даниэль Хогл.

— Знаете, где находитесь?

— Предсвадебный пикник кузена Лестера.

— Отлично, — Джейс помог ему сесть. — Головокружение есть?

— Нет.

Джейс поднял палец и велел Даниэлю следить за его движениями глазами.

— Как самочувствие?

— Самочувствие... — он взглянул на Мэдди, и что-то в его глазах заставило ее желудок сжаться. — Я чувствую себя хорошо. — Он потянулся за льдом, который Мэдди держала у его головы. — Но лед чертовски жжется.

— У вас шишка. Лед вам нужен.

Даниэль оттолкнул руку Мэдди.

— Здесь слишком жарко.

Мэдди отвернулась, ее сердце колотилось. Страх сжал грудь, она едва могла дышать.

Джейс осмотрел голову Даниэля. Под влажными локонами шишка уменьшилась до бугорка, который был едва заметен. Брови Джейса приподнялись, когда он наклонился ближе, ощупывая шишку.

— Лед очень помог. У вас твердая голова.

Мэдди с облегчением выдохнула.

— Он должен получить дополнительные очки за то, что его голова осталась целой, —

крикнул Генри.

Все смеялись.

— Он должен перестать смотреть на девушек, когда идет игра, — резко сказал Джейс.

Даниэль отвел глаза. Было ясно, что Джейс заметил, что он смотрит на Мэдди во время игры. Но теперь Даниэль словно боялся посмотреть на нее.

«Это не предвещало ничего хорошего», — подумала Мэдди, когда Джейс осторожно помог Даниэлю встать на ноги, перечисляя инструкции, которым тот должен был следовать.

Не поблагодарив Джейса, Даниэль повернулся к Гертруде и Люсинде, которая заключила его в объятия.

— Запомните, — продолжал Джейс. — Больше никакого пива и подков сегодня. Держите у головы лед и не двигайтесь.

Даниэль оторвал от себя сестру и невесту, и почти бросил Джейсу в руку промокшую перчатку Мэдди.

— Я последую вашему совету, доктор Меррик, — он дернул подбородком в сторону Мэдди, так и не встретив ее взгляда. — Если вы обещаете, что эта женщина больше ни на один чертов шаг ко мне не приблизится.

— Даниель! — ахнула Амелия.

Сердце Мэдди упало.

— Он прав, Амелия! — выкрикнула Гертруда. — Эта женщина проклята, и все это знают. Я предупредила Лестера, что не стоит ее приглашать, что обязательно что-то случи...

— Хватит!

Голос Джейса прогремел над напуганной толпой. Он глубоко вздохнул, сжав кулаки, и очень спокойно проговорил:

— Мисс Хогл, вы явно расстроены и обеспокоены из-за случившегося с кузенком. Как врач — и жених мисс Саттер — я настоятельно рекомендую вам увезти его и вашу истерику домой.

Гертруда потеряла дар речи. В поисках поддержки она посмотрела на Лестера.

— Согласен, Герт, — сказал Лестер. Он был абсолютно трезв. — Мэттью, отвези Даниеля и девочек домой. Тетя Салли позаботится о нем.

Дерзкий взгляд Мэттью на бесконечно долгое мгновение остановился на Мэдди. Потом он подхватил Долли под руку и повел прочь. Гертруда была зла, но к облегчению Мэдди, последовала за группой к повозке, которая должна была отвезти их домой.

Сердце Мэдди стало биться медленнее. Вокруг застыла неловкая тишина. Амелия резко хлопнула в ладоши.

— Хорошо, впереди еще целый день, так что, друзья, давайте вернемся к пикнику. Завтрак скоро будет готов.

Все разошлись в разные стороны. Филипп направился прямо к Мэдди и протянул ей перчатку, которую она потеряла, когда наполнила другую льдом.

— С вами все в порядке, мисс Саттер?

Беспокойство в мягких карих глазах Филиппа вызвало у нее улыбку. Что бы он ни слышал о ее прошлом, он не отвернулся от нее.

— Я в порядке, Филипп. Спасибо тебе.

Джейс положил руку на талию Мэдди.

— Давайте забудем про случившееся, ладно?

— Конечно, — согласно кивнул Филипп.

Джейс привел Мэдди обратно на их место под деревом. Ее ум лихорадочно работал, она снова и снова вспоминала то, что сделала. Страх, что Даниель может что-то заподозрить — что Джейс может что-то заподозрить — душил ее как петля на шее. Ведь Джейс явно удивился тому, как быстро уменьшилась шишка на голове Даниеля? Она надеялась, что он все спишет на действие льда.

Мэдди теребила перчатку в руке, они тихо сидели на одеяле. Слишком тихо. Затянувшееся молчание Джейса только усилило ее страх. Ей до сих пор везло, но она рисковала все отчаяннее. Вчера, когда Джейс лечил пациентов в смотровой, она помогла двум его пациентам, ожидающим очереди. Под видом своего верного теплого травяного компресса она применила исцеление, сначала сняв сильную боль в колене миссис Кэнфилд, а потом, заставив утихнуть звон в ушах мистера Шиллера.

Из воспоминаний Мэдди вырвал смех Битси и Генри, которые бегали по лугу, пытаясь

ухватить неуловимую бабочку. Она в восторге наблюдала за порханием прекрасного создания. Генри, наконец, удалось накинуть на бабочку сачок, и Битси приветственно вскричала.

Мэдди вздохнула, сочувствуя этому несчастному существу. Исцеление на публике было рискованным делом. Ее тоже однажды поймают, это был вопрос времени. Она сделала глубокий вдох, нарушив уже ставшую невыносимой тишину.

— Спасибо, что урезонил Гертруду, Джейс.

— Да не за что, — ответил Джейс. — Эта женщина — полное и бесповоротное недоразумение.

— Пастор Хогл — ее дядя. Эта черта присуща всей семье.

— Ах, это все объясняет.

Джейс тепло улыбнулся, и все страхи Мэдди сразу прошли.

— Завтрак подан!

Махая рукой, Амелия погнала гостей к столу, где уже была разложена еда.

Все толпились вокруг стола, накладывая на тарелки филе копченого лосося и ветчину. Амелия превзошла себя. Помимо бутербродов с икрой, на столе стояли блюда с печеной фасолью и томатным салатом, а еще шикарное рагу со свиными ножками и кучей разных приправ.

От тарелок поднимались соблазнительные ароматы, Джейс и Мэдди вернулись к своему одеялу, чтобы поесть.

— С Даниелем все будет в порядке? — спросила она, откусывая бутерброд.

— Я попозже заеду проведать его, — сказал Джейс. — У него сотрясение мозга, но раз не было головокружения и рвоты, все с ним будет в порядке, — он поднял взгляд. — Благодаря тебе.

Мэдди чуть не подавилась оливкой.

— Лед помог снять опухоль, — его глаза искрились весельем. — Жаль, что тебе пришлось испортить перчатку, чтобы принести его.

— Не говоря уже о том, что я разлила целую бутылку лимонада, — поддержала она его тон.

— Если серьезно, Мэдди, ты умеешь сохранять трезвый рассудок во время всяких неожиданностей. Из тебя выйдет отличная медсестра.

Она взглянула на повозку, спускающуюся с холма вдалеке. Настроение Мэдди потускнело под облаками сомнений. Она не могла просто так забыть выражение лица своего бывшего жениха.

— Не многие согласились бы.

— Глупые дураки, — и он ободряюще сжал ее плечо.

Чувство вины мучило Мэдди. Джейс всегда так отчаянно защищал ее. Она попыталась успокоиться.

— Даниель злится из-за ревности, — сказал Джейс. — А еще ему стыдно из-за того, что он отвлекся на тебя в момент удара.

Мэдди беспокойно пошевелилась на одеяле.

— О, я не думаю, что он...

— Поверь мне, Мэдди, — сказал Джейс. — Ты была его невестой.

— Но он не захотел на мне жениться.

— Это не значит, что он хочет, чтобы ты была женой кого-то другого.

Мэдди подумала об этом, понимая, что Джейс может быть прав. Она боялась напрасно? Возможно, именно ревность, а не подозрение стала причиной странного поведения Даниеля. Мужчины, как правило, ревностно охраняли свою территорию, и Даниель провел большую часть дня, поглядывая на нее из-за спины своей невесты. Но разве Мэдди, в своем эгоизме, не питала тех же собственнических чувств к Джейсу?

Они вернулись к еде, пробуя одно вкусное блюдо за другим. После мяса были поданы тартинки со смородиновым джемом и яблочный пирог. Кларет и пиво лились рекой.

Подошедший Филипп и подал Мэдди тарелку чипсов Саратога ^[5].

— Я помню, это были твои любимые.

Мэдди уставилась на чипсы, ошеломленная давним воспоминанием. На сердце от доброты Филиппа потеплело.

— Так и есть, — она приняла предложенную тарелку с искренней улыбкой. — Спасибо, Филипп.

— Мне в радость, — и, кивнув Джейсу, он ушел.

— Он влюблен в тебя, — сказал Джейс, глядя Филиппу вслед.

— Не будь наивен, — сказала она. — Джентльмены всегда угождают дамам во время пикников.

Она подавила ухмылку.

— К тому же, он уже давно не влюблен в меня. Это было, когда мы были совсем подростками.

Лоб Джейса в удивлении наморщился.

— Так ты признаешь, что он был влюблен в тебя?

Она не смогла устоять.

— Я признаю, что многие ребята были мной увлечены.

— Не сомневаюсь, — пробормотал он.

С дразнящей ухмылкой Мэдди толкнула его локтем.

— Если бы я не знала вас лучше, доктор Меррик, я бы подумала, что вы ревнуете.

— Если бы я не знал вас лучше, мисс Саттер, я бы подумал, что вам это нравится.

Она рассмеялась, и он покачал головой, изогнув губы в улыбке.

— Эй, поднимаемся! — позвала Кэролайн. — Охота начинается. Дамы, хватайте свои корзины и своих кавалеров. Мы встретимся здесь через час, чтобы определить победившую команду!

Джейс и Мэдди присоединились к другим на одной из многочисленных троп, ведущих в лес. Воздух в тени деревьев был прохладнее и наполнен ароматом сосны и живицы. Они шли по тропинке, усыпанной иголками и шишками, и голоса остальных постепенно растворялись вдали.

Джейс развернул список из двадцати предметов.

Сам факт, что они были одни, вызвал у Мэдди волнение. Джейс наклонился, чтобы сорвать гриб, растущий на стволе срубленного дерева, и Мэдди наклонила голову, чтобы лучше рассмотреть его привлекательный профиль. Джейс положил гриб в корзину.

— Осталось только три предмета, — сказал он. Но ей было все равно.

В поиске оставшихся в списке предметов, они шли по пустынной тропе, пока не выбрались на небольшую поляну. У Мэдди болела нога, и она почувствовала облегчение, когда Джейс предложил немного посидеть.

Расправив юбки, она уселась на пышном одеяле мха.

— Тебя она сильно беспокоит? — спросил Джейс, сидя рядом с ней. — Нога?

Мэдди взглянула на колено, только сейчас осознав, что потирает его.

— Только во время длительных прогулок, — сказала она.

— Я могу выписать что-нибудь от боли.

Она покачала головой.

— Нет, Спасибо.

— Ты предпочитаешь смотреть правде в глаза, — он улыбнулся, и его голубые глаза вспыхнули.

— Поверь мне, я уже приняла свою дозу обезболивающих.

Его улыбка исчезла.

— Расскажи мне о травме.

Мэдди предпочла бы полностью избежать темы своего выздоровления, но она не могла вечно уклоняться от его вопросов. Разговор о болезни Мэдди был частью их сделки, и она должна была помнить об этом. После всего, что Джейс сделал для нее сегодня, она задолжала ему.

— Доктор Филмор сказал, что у меня сильно сломана нога. Он сделал все, что мог, но предупредил меня, что я буду ходить с помощью трости до конца жизни. Я должна была остаться хромой. В худшем случае, я окажусь прикована к инвалидной коляске.

— Ты просто должна была доказать, что он неправ, ведь так?

— Ты начинаешь говорить, как бабушка, — сказала она с улыбкой.

— Я начинаю узнавать тебя лучше.

Она рассмеялась, наслаждаясь его игривым и легким настроением.

Джейс небрежно уперся локтем в согнутое колено, вытянув другую ногу вперед.

— Как ты приняла это?

— Сначала я постоянно пила таблетки от боли. Но через месяц или около того я решила, что таблеток хватит, — Мэдди тщательно подбирала слова. — Я применяла горячие обертывания, чтобы бороться с болью. А потом массировала ногу в течение нескольких часов. С каждым днем боль уменьшалась.

Она взволнованно смотрела на Джейса, ожидая его реакции.

— Тепло и массаж могут быть эффективны. Они помогают крови прилить к мышцам.

— Они были эффективны, — подтвердила она, кивнув. — Я каждый день пыталась встать с кровати, и наконец, однажды даже смогла сделать шаг и не упасть. Большое достижение. Меня к тому времени очень утомили частые встречи лица с половицами, — она улыбнулась. — Но мне удалось сделать первый шаг. Это дало мне веру.

— Вера, — пробормотал Джейс. Видно было, что он скептичен.

— Ты не веришь в силу убеждения?

— Духовные убеждения моих пациентов меня не касаются, — он говорил очень резко.

— Но должны.

Он нахмурился.

— Я ведь доктор. Я лечу тела, а не души.

— И почему в лечении нет места вере?

— Я доверяю науке.

Мэдди знала, что мировоззрение Джейса было прямым результатом его разочарования отцом. Она не могла винить его за это, но ей было очень жаль. Можно найти большое утешение в мысли о том, что есть вещи, которые мы не можем объяснить — что есть другие

сущности, земные или божественные, которые могут дать нам надежду. Джейс позволил своей профессии ограничить его. Лишить его надежды. Мэдди стало грустно.

— Наука поддерживает тебя?

— Должна, — резко ответил он. Его профиль был напряжен. Скрестив ноги, Джейс уставился на деревья. — Раньше так и было.

Он казался таким уязвимым в своем признании, и это пронзило Мэдди до самого сердца. Она могла только представить, какие ужасы он пережил в больнице Питтсбурга. Какое отчаяние. Потребность утешить его, как он утешил ее, была так же естественна, как следующий вздох.

— Должно быть, было трудно работать в отделении неотложной помощи.

Джейс уставился на свои сапоги, как будто взвешивая ответ.

— Однажды привезли человека, которого раздавило коляской.

Мэдди постаралась не поморщиться.

— Я видел много смертельных ран в первые месяцы моей ординатуры, но ничего подобного. — Он покачал головой. — Его туловище и ноги были раздроблены, но он был жив. Я двигался как в тумане, пытаюсь сделать хоть что-то, и все это время я хотел, чтобы он умер. Хотел, чтобы прекратились его страдания и пришла смерть, — его голос был полон раскаяния. — Это был первый раз, когда я хотел отказаться от пациента.

— Ты никогда не отказываешься от своих пациентов?

— Никогда. Во-первых, я делаю все возможное с медицинской точки зрения, чтобы спасти их. И если я не могу этого сделать, то я делаю все, что в моих силах, чтобы облегчить их боль, пока все не закончится.

Ее мысли обратились к доктору Филмору. Как же легко он отказался от нее. Даже после того, как понял свою ошибку, объявив ее мертвой. Она так восхищалась Джейсом.

— Ты замечательный врач.

— Я думаю, что могу быть таким, если мне дать возможность. В больнице все происходит так быстро. Мы обучены лечить и отпускать пациентов как можно быстрее. Одних мы больше не видим, других видим снова и снова. Умирующие наркоманы, голодающие и избитые дети.

— Это звучит ужасно.

— Это была моя работа. И я делал ее хорошо, — он отвел взгляд. — Или так я думал до Кэти Фицсиммонс.

Он повернулся к Мэдди, отвечая, прежде чем она спросила:

— Кэти — так звали молодую женщину, которую протащил за собой дилижанс^[6]. Ее юбку защемило дверью.

Мэдди сжалась, представляя себе ужас, который пережила бедная женщина.

— Ее жениха переехало насмерть, когда он попытался ее спасти, но Кэти выжила. В течение недель в больнице она жаловалась на чувство вины и ужасный страх. Поскольку я больше беспокоился о ее костях, я настаивал, чтобы она постаралась забыть о том случае, говорил, что ей повезло остаться в живых. Через месяц после выписки ее привезли обратно. Она перерезала запястья.

— О, Джейс.

— Она умоляла меня позволить ей истечь кровью, просто отпустить ее, — он покачал головой. — Я зашил ее и отправил домой с родителями. И предложил найти ей какое-нибудь занятие, чтобы отвлечься.

Джейс провел рукой по волосам.

— Три дня спустя ее тело вытащили из реки Аллегани, — он отвел глаза. — Она не смогла преодолеть чувство вины после случившегося. Она была физически здорова, и все же убил ее именно тот самый несчастный случай.

Мэдди тяжело сглотнула.

— Теперь я понимаю, почему интересна тебе.

— Частично, да, — сказал он. — По крайней мере, сначала было так.

Ее сердце сжалось.

— И тогда ты решил оставить больницу?

— Потеря Кэти... мне нужно было понять, почему.

— У нее не было надежды, — прошептала Мэдди.

— У нее не было доктора, который знал, как ее спасти, — он попытался скрыть очевидное разочарование. — Это профессия, которую я выбрал, но недостаток знаний преследует меня.

Джейс опустил глаза.

— Я сын моего отца.

— Но ты не твой отец, — мука на лице Джейса рвала ее на куски. — Ты всего лишь человек, Джейс, — продолжала она.

— Я — доктор.

— Ты — человек, — Мэдди потянулась к его щеке, погладила пальцами напряженную линию его челюсти. — Хороший человек.

Он разомкнул губы и испустил долгий вздох. Джейс был как камень, в его груди теснилось напряжение, которое он не мог ослабить. Все, чего она хотела — это чтобы он отпустил себя.

Мэдди смотрела ему в глаза, зачарованная тем, что видела там, всем, чем он был. Потом наклонила его голову, легко коснувшись губ Джейса своими.

Джейс замер, его губы были неподвижны. Его нерешительность наполнила ее страхом. Мэдди чуть отстранилась, набираясь смелости, и снова, игнорируя неуверенность в его беспокойных голубых глазах, обхватила его лицо руками и поцеловала, не намеренная больше отступать.

И Джейс застонал, сдаваясь, и его напряженные губы, наконец, смягчились. Мэдди приникла к его губам, целуя его со всем пылом сердца.

И к ее полному восторгу и удивлению, он не оттолкнул ее.

Язык Джейса коснулся языка Мэдди, скользнул в ее теплый рот. Мэдди приветствовала это вторжение легким вздохом, прижимаясь к Джейсу сильнее.

Его пульс пустился вскачь.

Джейс обнял Мэдди за талию, притягивая ее к себе, и ощущение ее мягкой груди, прижимающейся к его, заставило Джейса возбудиться так сильно, что это было почти больно. Его язык поглаживал ее, скользил, ласкал.

С тех пор, как он впервые увидел ее, каждое мгновение, когда она была рядом, он боролся с этим безжалостным влечением. Но сегодня, когда он смотрел на нее во время игры в подковы, решимость его пала. Звук ее смеха, очарование улыбки, то, как она выглядела в этом платье...

Страстно целуя Мэдди, Джейс обхватил рукой упругую округлость ее зада и, подняв, усадил девушку к себе на колени. Она задрала юбки, оседлала его, и он на мгновение испугался, что прольется уже сейчас. Он прижал ее к своей возбужденной твердости. Ее касание, пылающий жар между ее ног заставил его дыхание замереть.

Мэдди выгнулась в его руках. Она разорвала поцелуй и, задыхаясь, откинула голову назад. Ее приоткрытые губы влажно блестели, глаза под бахромой ресниц сияли. Солнечный свет лился сквозь верхушки деревьев, танцуя на ее лице. Золотые лучи обрамляли черты Мэдди, создавая сказочный образ женского очарования.

Она была прекрасна. Ее грудь трепетала, приглашая его, желая прикосновений.

Обхватив ее за талию руками, он провел ладонями выше, прослеживая очертания тела. Дрожащие пальцы Джейса коснулись ее груди. Они были совершенны. Мэдди застонала, выгибая спину, когда он чуть сжал мягкую плоть. Кровь в венах Джейса закипела.

Реакция ее тела сводила его с ума. Опустив голову, Джейс коснулся губами ее груди через ткань. Она провела одной рукой по его волосам, другой сжимая его плечо. Раздвинув ноги, Мэдди прижалась к нему вплотную.

— Джейс, — пробормотала она.

Его имя в ее устах звучало так, как он себе представлял в мечтах.

Милая Мэдди.

Джейса укололо чувство вины, но он легко отбросил его прочь. Как и говорила Мэдди, она была взрослой женщиной. Женщиной с мужеством и силой духа, готовой бороться, чтобы получить то, чего она хотела.

Ему чертовски повезло, что она хотела его.

Он потянул ее к себе и снова поцеловал. Сладкий вкус кларета, вкус самой Мэдди, заполонил его чувства. Разум Джейса смешался. Ощущение ее бедер, обнимающих его талию, и тела, прижатого к его твердой, очень твердой, выпуклости сводило с ума.

Издали донесся приближающийся смех. Так не вовремя.

Мэдди замерла, отстранилась, широко раскрыла глаза.

— Они идут сюда.

Джейс выплюнул проклятие. Мэдди быстро сползла с него и плюхнулась рядом на мох, юбки запутались вокруг ее бедер. Расправив их, она быстро привела в порядок лиф платья и поднялась.

Джейс остался сидеть, извергая проклятия и пытаясь сориентироваться. Он все еще был

возбужден и сбит с толку.

— Нам не стоит слишком долго прохлаждаться, иначе люди начнут сплетничать, — сказала она, выравнивая дыхание.

Джейс расхохотался.

— Кажется, ты не совсем правильно понимаешь смысл слова «прохлаждаться», если считаешь, что это то, чем мы только что занимались, — сказал он с нахальной ухмылкой, поднимаясь на ноги.

Мэдди игриво толкнула его локтем.

— Как я выгляжу? — спросила она, поправляя шляпку.

С удивительной быстротой Мэдди привела себя в порядок. Джейс был впечатлен и одновременно насторожился. Часто попадала в такие положения? Ее щеки все еще румянились от желания, губы были влажными от поцелуя. Вздохнув, Джейс попытался побороть желание уложить ее обратно на мох и закончить то, что они начали.

— Ты прекрасна, — ответил он честно.

Поднявшись на цыпочки, она быстро поцеловала его в щеку.

Мэдди подхватила свою корзину, и они направились к остальным. Все уже вернулись в рощу, где Джим и Эбигейл принимали поздравления как победители охоты. После отдыха на одеялах гости снова насладились кларетом с дыней и клубникой.

Джейс не мог думать о еде. Он не мог думать ни о чем, кроме желания, горящего внутри. Каждый взгляд в сторону Мэдди усиливал его возбуждение и лишал здравомыслия.

Он пришел в восторг, наблюдая за тем, как она ест клубнику. Зажав большую ягоду губами, она укусила, медленно высосала сок, прежде чем, наконец, положить мякоть в рот. Он не мог оторвать от нее глаз.

Мэдди взглянула на него и с улыбкой облизала губы. К тому времени, когда подали чай, Джейс едва мог думать. Это было безумие. Он должен был овладеть ей. Он подождал, пока она закончит пить чай, а потом сказал:

— Раз уж мне нужно проверить Даниэля, нам лучше вернуться.

— Мы можем остановиться в твоём офисе перед тем, как ты отвезешь меня домой? Кажется, я оставила там шаль.

Мэдди опустила глаза к тарелке.

— Дедушка не будет ждать меня до темноты, — сказала она тихо и улыбнулась греховной улыбкой, которая заставила его страсть вспыхнуть подобно лесному пожару. — Мы можем немного прохладиться в городе.

Джейс глупо улыбнулся. Он поднялся, протягивая ей руку, и когда она приняла ее, практически потащил ее за собой. Спеша к Амелии, он слышал, как Мэдди хихикает в кулак.

Мучительно длинное прощание с Амелией и Лестером, с Кэролайн, Дэвидом и несчастным Филиппом, наконец, закончилось, и они смогли сесть в багги и отправиться по дороге к Мисти Лейк.

Поездка казалась Джейсу бесконечной. Багги катился в ровном темпе, но прошло минут тридцать, прежде чем они добрались до офиса.

Заходящее солнце светило на горизонте, задрапировывая горы розовым покрывалом. Солнце клонилось к закату, а чувства Джейса пылали все ярче.

— Было бы лучше, если бы я отвез тебя домой, — сказал он только потому, что чувствовал, что должен.

Она отнеслась к его словам скептически.

— Лучше для кого?

Джейс нахмурился в ответ на завуалированный вызов.

— Мэдди, подумай...

— Я подумала, — сказала она, ерзая на своем месте. — И я устала просто думать об этом.

Она положила руку ему на колено.

— А ты нет?

Он уставился на ее пальцы, ласкающие его бедро, и признал поражение.

— И мне не стоит больше говорить об этом?

Ее карие глаза блестели решимостью. Желанием.

— Говори, но мне все равно.

Он улыбнулся вопреки желанию оставаться серьезным. Она была дерзка в своей честности. И ее прикосновение к его бедру было пьянящим. Черт с ними, с рыцарством, этикой и всем остальным. Он сдается.

Когда они добрались до офиса, Джейс загнал багги в сарайчик, не став оставлять у дверей, чтобы не заметили соседи.

— Заходи через заднюю дверь, пока я покормлю лошадь, — сказал он.

Кивнув, Мэдди исчезла внутри.

Джейс быстро дал лошади сена, а затем поспешил в дом. Половицы скрипели, пока он шел по коридору сквозь лунный свет и тени.

Мэдди сидела в гостиной, завернутая в одеяло. Ее платье лежало на диване рядом. Она сделала все, чтобы он не передумал.

Трепет ожидания парализовал его. Джейс тяжело сглотнул, когда она поднялась на ноги.

— Ты уверена? — прошептал он с тоской в голосе.

Не сказав ни слова, она отпустила одеяло, и оно медленно сползло на пол. Мэдди стояла в лунном свете, одетая только в сорочку и чулки. Он резко вздохнул. Ее горячий взгляд не отпускал его. Мэдди переступила через ткань у своих ног, и у Джейса был его ответ.

* * *

Одним быстрым движением Джейс подхватил ее на руки и понес через дом. Мэдди тонула в его объятиях, пока он нес ее к кровати.

Ее сердце колотилось. Мысли метались в голове, перед Мэдди мелькало прошлое до катастрофы и настоящее, какое оно было сейчас. Ни вина, ни сомнения не омрачили момент, потому что она не могла позволить ничему помешать ее блаженству. Она хотела жить полной жизнью. У нее была эта ночь и этот мужчина — мужчина, который мог заставить ее позабыть о безнадежности и одиночестве

Джейс аккуратно положил ее на подушки, не отводя взгляда. Ее грудь вздымалась от волнения. Он снял пальто и отбросил его в сторону.

Матрас прогнулся под его весом, когда он улегся рядом. Мэдди потянулась к нему с желанием, которое испугало ее саму. Казалось, что она ждала этого всю жизнь — ждала его. Она не смогла бы остановить себя сейчас, если бы захотела; но она не хотела. Возможно, у

нее больше никогда не будет такого шанса.

Его губы нашли ее в полумраке комнаты. Внутри Мэдди вспыхнул пожар. Джейс потянул ее на себя, и жесткая выпуклость под ее бедром заставила ее замереть. Поведя бедрами, Мэдди устроила ее у себя между ног

Застонав, он углубил поцелуй. Его язык скользнул в рот Мэдди, возбуждая. Стон его хриплого желания заполнил ее, когда Джейс перевернул ее на спину и накрыл тело Мэдди своим.

Мэдди извивалась под его тяжестью, сердце колотилось. Она почувствовала руку Джейса на своем дрожащем колене, его пальцы скользили под ее сорочкой. Прохладный воздух целовал ее кожу, а пальцы Джейса обжигали огнем. Она закрыла глаза, изнывая от его прикосновения, от желания.

Его рука поднялась выше, потягивая ткань за собой. Джейс приподнялся, заставив Мэдди сесть. Он приподнял ее сорочку, и она подняла руки, когда он стянул ткань с ее тела, а затем отбросил в сторону.

Джейс устался на нее, и Мэдди замерла. Она едва могла дышать от желания, заставляющего сердце сжиматься. Что-то происходило между ними, что-то, чего она никогда раньше не чувствовала и не могла описать — что-то роковое и более интимное, чем просто физическая близость. Она закрыла глаза, чтобы сморгнуть чувство, сморгнуть слезы.

Она почувствовала его руки на груди и откинула голову, осознавая, что тонет в наслаждении.

— Джейс, — прошептала она во тьму.

Его горячий рот накрыл ее грудь, и Мэдди почти закричала. Кусая губы, она запустила руки в его волосы, выгибая спину, пока его язык кружил вокруг и дразнил сосок.

Отстранившись, Джейс поднялся, чтобы снять рубашку. Она тоже поднялась, помогая ему, стараясь быстрее расстегнуть пуговицы. Мэдди выпростала рубашку из его брюк, и он отбросил ее в сторону.

Она не могла отвести взгляда от его груди. Руки сами потянулись к нему, и он вздохнул. Каждое движение ее рук по его теплой плоти, по завиткам волос у сосков, разжигало ее пыл. Ее прикосновение мучило и его. Мэдди ощутила напряжение в его позе, увидела желание на красивом лице.

Опустив глаза, она расстегнула ему брюки. Через несколько мгновений Джейс был обнажен и снова опрокинул ее на спину. Ее плоть горела, прикосновение его тела опаляло жаром. Он осыпал горячими поцелуями ее шею и подбородок. Внутри Мэдди все сжалось в тугую узел. Голова ее моталась из стороны в сторону, ей хотелось чего-то большего — она не знала, чего, но ждала. Жар между бедер усилился, и она раздвинула ноги.

Джейс сдвинулся между ее бедер, разводя их сильнее. Его твердость давила на нее, возбуждая ощущения, которые были слишком хороши, чтобы быть реальными. Она подалась навстречу, бедра дернулись. Джейс толкнулся внутрь, и Мэдди ахнула, испуганная болью.

Выругавшись, он отстранился. Сделал вдох, словно борясь за контроль. Тепло его дыхания коснулось щеки Мэдди, когда быстро поцеловал ее в висок. Нежный жест, бережное касание губ помогли ослабить напряжение, и боль начала утихать. Она провела руками по его спине, по твердым ягодицам, убеждая идти до конца.

Кусая губу, она ждала, зная, что будет больно. Джейс снова двинулся вперед. Медленно. Так медленно, что дискомфорт был почти неощутим. Двигаясь мягко, он все глубже и глубже погружался в ее лоно, пока боль не исчезла, и удовольствие не вернулось обратно.

Мэдди крепко обхватила Джейса ногами. Он замер, глядя ей в глаза. Его напряженное выражение лица смягчилось, взгляд наполнился облегчением. Он поцеловал ее: глубокий, долгий поцелуй, прогнавший последние сомнения и лишивший ее остатков благоразумия.

Его бедра задвигались. Мэдди застонала, выгибаясь навстречу каждому толчку, стремясь ослабить невыносимое напряжение. Ее тело растворилось в чудесном хаосе. Его мягкие губы на шее, его горячее дыхание у уха, жесткая плоть, скользящая в нее и из нее. Он приподнял ее бедра, толкаясь глубже, и Мэдди накрыла волна удовольствия, подхватила и понесла за собой. Сжимая его плечи, она дрожала, задыхаясь, пока ощущения накатывали на нее снова и снова.

Со стоном, Джейс вышел из нее, его тело содрогнулось от его собственного экстаза. Лихорадочно целуя ее лицо, он тяжело дышал. Тепло его освобождения на ее бедре напомнило ей о риске, который она едва не упустила из виду. Мэдди знала достаточно о таких вещах, чтобы знать, что это необходимо, чтобы избежать беременности. Ее мимолетные сомнения угасли. Джейс был предусмотрителен.

Прошло несколько долгих мгновений. Они лежали на постели, их обнаженные тела переплетались. Прижимаясь щекой к шее Джейса, Мэдди закрыла затуманенные удовольствием глаза, вдыхая его запах. Ощущая этот момент.

А потом она услышала. Поднимаясь сквозь дымку блаженства, перекрывая стучащий в ушах пульс, ее посетила четкая и простая мысль...

Она любила его.

* * *

Джейс прижал Мэдди к груди. Поглаживая ее шелковистые волосы, он смотрел в потолок, его сердце стучало, мысли вихрем носились в голове. Несмотря на эйфорию, он чувствовал, что воспользовался ситуацией. Воспользовался Мэдди.

— Не сожалей, Джейс, — сказала она, словно читая его мысли. Сдвинувшись в сторону, Мэдди приподнялась на локте. Ее пальцы прошли по волосам на его груди, и его дыхание сбилось. — Я не смогу этого вынести.

Ее честность не переставала удивлять его. Она не переставала удивлять его. Он убрал волосы с ее красивого лица.

— Ты не сделал ничего неэтичного. Мы не доктор и пациент.

Хотя это было правдой, у него были проблемы с определением того, чем именно они были друг для друга. Он лишил ее девственности, Святой Боже. Лишил того, что должно было достаться другому. Почему он чувствует удовлетворение? Несмотря на смятение, Джейс был уверен в одном.

— Я ни о чем не жалею, — тихо сказал он. — Но вот ты...

— Ты не взял ничего, что я не хотела бы дать. Я все равно никогда не выйду замуж.

— Ты не знаешь этого наверняка. Однажды...

— Нет, — она решительно покачала головой. — Повторю то, что ты сказал утром. Брак не для меня.

Мэдди коснулась его лица, проследив пальцем линию челюсти.

— Успокойся, Джейс, пожалуйста. Я не жду от тебя ничего, кроме того, что ты обещал

сделать. Помочь этим людям снова принять меня, — она улыбнулась. — Спасибо за сегодня, кстати, — сказала она, игриво подталкивая его плечом.

Он тоже улыбнулся.

— Спасибо за сегодняшний вечер.

Мэдди рассмеялась, когда он поцеловал ее в висок.

— Ты — хороший друг, — сказала она. — И я хочу, чтобы ты знал, что независимо от того, что случится на свадьбе Амелии, независимо от исхода нашей уловки, успеха или неудачи, я буду помнить твою доброту — и эту ночь — всю жизнь.

Слова коснулись тайного места глубоко в его сердце, и оно откликнулось словами, которые он не смог произнести вслух.

И я тоже.

Джейс отвез Мэдди домой, а сам поехал обратно в город. Лунный свет обеспечивал отличную видимость на дороге, но Джейс слишком отвлекался на другие мысли, чтобы это оценить.

Уже было больше десяти вечера, и Джейс надеялся, что Мэдди была права насчет намерения ее бабушки уйти спать пораньше. Мысль о том, что Мэдди придется столкнуться с бравым стариком, заставила Джейса ощутить вину.

Но даже мыслей о нежелательной встрече мистера Саттера с внучкой было недостаточно, чтобы оторвать Джейса от воспоминаний о случившемся. Чем больше он пытался сосредоточиться на дороге, тем чаще его мысли возвращались к ощущению ее шелковистой кожи под пальцами, тяжести ее бедер, обнимающих его за талию, теплу ее влажного лона...

Он никогда не проводил такой ночи с женщиной — никогда не чувствовал ни с кем такой связи. Физически он желал ее, но интеллект и честность Мэдди притягивали его сильнее. Именно это последнее открытие удивило его больше всего.

Каждый момент с ней пробивал еще одну брешь в его броне, изменял его, превращая в того, кем он не был. Он уже не так боялся, что станет подобием отца, и ему хотелось познать жизнь за пределами рабочего офиса.

Джейс доверился ей сегодня, рассказал ей то, что никогда и никому не говорил. Вещи, которые он едва признавал даже сам перед собой. Она вызвала в нем эмоции, которые он уже давно похоронил в своем прошлом и в своей работе. Эмоции, которые он не позволял себе чувствовать, не говоря уже о том, чтобы высказать вслух. И как ни странно, говоря об этом, он почувствовал настоящее облегчение. Освобождение.

Пытаясь принять это тревожное осознание, Джейс переключился на цель своей поездки. Он ехал к Хоглам, чтобы проверить самочувствие Даниэля. Джейс все еще был возмущен воспоминанием о вспышке Даниэля на пикнике, но спрятал свой гнев, сосредоточившись на врачебном долге.

Багги остановилось у дома Хоглов. Огни на крыльце светились, дом был хорошо освещен. На мгновение Джейс испугался, что Даниэлю стало хуже.

Он постучал в дверь. Не говоря ни слова, Гертруда провела его через тихий холл в гостиную, где Даниэль сидел на диване рядом со своим дядей-пастором. Долли сидела напротив них. Мрачные выражения лиц сказали Джейсу, что он прервал серьезное обсуждение.

Из соседней комнаты появился Мэттью Вебстер, остановившись при виде Джейса, но потом, продолжив движение к Долли, которой он принес плед.

— Уже поздно, так что я проверю состояние Даниэля и поеду, — сказал Джейс.

Даниэль молчал во время краткого осмотра, только кивая и качая головой, чтобы ответить на вопросы. Под взглядами всей семьи Джейс закончил обследование. Он был доволен. У Даниэля не было никаких последствий, даже головной боли.

— Ты хорошо восстанавливаешься, — сказал Джейс. — Завтра я приду снова. Сообщите мне, если что-то изменится, — Джейс кивнул остальным. — Спокойной ночи.

Он закрыл медицинскую сумку и повернулся к двери.

— Одну минуту, пожалуйста, доктор, — позвал пастор Хогл.

Джейс остановился, чувствуя, как леденеет от предчувствия кровь.

Пастор поднялся, сложив руки на груди.

— Незадолго до вашего прибытия мы обсуждали несчастный случай с моим племянником.

— Ему повезло. Сотрясение могло быть и хуже.

— Даниэль сказал нам, что пока эта женщина — ваша невеста — стояла на коленях рядом с ним, он испытал что-то странное.

— Странное? — Джейс взглянул на Даниэля, и тот трусливо отвел глаза.

— Она что-то с ним сделала, — заявила Гертруда, наклоняясь вперед.

— Я этого не говорил, Герт, — рыкнул Даниэль.

Гертруда опустила на диван рядом с Долли.

— А что именно ты сказал, Даниэль? — Джейс нахмурился, переступив с ноги на ногу. — Что ты сказал о женщине, которая поспешила тебе на помощь? О женщине, которая держала лед у твоей головы, что значительно уменьшило отек, и, следовательно, тяжесть травмы?

— Она стояла на коленях, применяя лед, — начал объяснять пастор Хогл. — И она использовала свою перчатку, не так ли?

Он подошел ближе.

— Я слышал истории о самопровозглашенных якобы целителях и практиках колдовства и о том, как они используют личные вещи, чтобы...

Джейс недоверчиво моргнул.

— Вы предполагаете, что мисс Саттер наложила на него проклятие? — он засмеялся бы, если бы не был так зол. Пульс, стучащий в висках, грозил вспышкой ярости. — Что она сделала хуже, когда на деле ее быстрая реакция, возможно, спасла ему жизнь?

Пастор Хогл поджал губы, обдумывая ответ.

— Я предлагаю вам воздержаться от того, чтобы позволить этой женщине быть медсестрой для ваших пациентов. Мой племянник очень расстроен.

— Я в порядке, — сказал Даниэль. — Я просто упомянул, что почувствовал что-то странное.

— Ты и почувствовал что-то странное, Даниэль, — резко сказал Джейс. — Это была подкова, которая ударила тебя по голове. — Он ткнул в него пальцем. — Тебе стоит благодарить за свое спасение счастливую звезду, вместо того, чтобы пытаться дискредитировать мисс Саттер нелепыми обвинениями.

Джейс оглядел взглядом, полным отвращения, остальных Хоглов. Наткнувшись на триумфальное выражение на лице Мэттью, он почувствовал, как желудок скрутило.

— Как и всем вам.

Он повернулся и вышел из дома.

Дверь за ним хлопнула, но Джейсу было все равно. Он почти побежал в сторону багги. Сжимая поводья, Джейс пустил лошадей вскачь. Неужели эти люди никогда не оставят Мэдди в покое? Невежественные дураки, они боятся и презирают ее.

Мэдди была доброй и жизнерадостной девушкой, но, возможно, было глупо надеяться, что однажды она сможет превратить иррациональную ненависть Мисти Лейк к ней во что-то более приемлемое.

Она заслуживала гораздо большего.

Наблюдая сегодня за Мэдди в компании Кэролайн и братьев Стропов, Джейс осознал,

как легко будет ей в другом городе, вдали от прошлого и ядовитых разговоров, вдали от тех, кто сделал ее несчастной.

Джейс не мог не задаться вопросом, а не причинил ли он сам боль Мэдди, овладев ей. Несмотря на слова о том, что она никогда не выйдет замуж, она, конечно, могла бы сделать это, если бы захотела. Она может покинуть Мисти Лейк, и начать новую жизнь. Люди часто так делают. Мужчины бы слетались к ней, как мухи к меду.

Резкая боль в груди подтвердила то, что Джейс уже знал. Он не хотел, чтобы она уезжала. Теперь он был не только ревнивцем, но и собственником. Это открытие не наполнило его гордостью, и он сжал зубы, сосредоточившись на дороге.

Разум Мэдди гудел от воспоминаний о прошлой ночи, а тело все еще ныло от ласк. В то утро она пришла в офис с надеждой на повторение вчерашнего, но в течение дня у нее и Джейса не нашлось даже минутки, чтобы побыть наедине. Постоянный поток пациентов сдерживал их желания весь день, и Джейс только недавно простился с последним. Он уединился в своем кабинете, заполняя истории болезни, пока Мэдди занималась своими обязанностями — убирала и готовила все на завтра в смотровой.

Она приступила к работе почти с радостью, надеясь, что сможет отвлечься. Присутствие Джейса наполняло ее желаниями, которые она едва могла сдерживать.

Как же ей хотелось снова его коснуться...

Ее самые смелые мечты о том, как могла бы быть прекрасна физическая близость с Джейсом, меркли перед реальностью. Даже когда она исцеляла, когда вливала свое сердце и душу в другое живое существо, она не испытывала ничего столь прекрасного.

Неудивительно, что она полюбила его. Мэдди покачала головой. Глупо. Она выбрала не того человека, чтобы влюбиться. Даже сейчас вид Джейса, склонившегося над своими заметками, наполнил ее желанием. Более того, кажется, целый день рядом с ним сделал это желание еще сильнее.

Сделав глубокий вдох, Мэдди переключилась на свои дела и стала раскладывать инструменты на столе в смотровой. Джейс был сторонником порядка, когда дело доходило до места, где он выполнял свою самую важную работу. Все должно было быть организовано так, чтобы в случае чего, до нужного было легко добраться, и Мэдди позаботилась о том, чтобы так и было. Она займет себя работой, а потом Джейс отвезет ее домой.

Она уложила в шкаф свежее белье и снова взялась подметать пол. Ее работу прервал крик о помощи.

— Мне нужен доктор!

Мэдди не видела Эвана Йейтса с тех пор, как он переехал в Чикаго два года назад, но даже с густыми усами, которые он сейчас носил, она сразу узнала его.

Джейс выбежал из кабинета, почти столкнувшись с Мэдди.

— Я — Доктор Меррик. Что случилось?

— Моя жена. Ребенок не должен родиться до конца следующего месяца, но, кажется, что-то не так. Поторопитесь, пожалуйста, — взмолился мужчина.

Джейс сжал плечо Эвана, ободряя.

— Я только возьму свою сумку, — он повернулся к Мэдди. — Ты сможешь вернуться домой сама?

— Да, конечно, — она махнула Джейсу в сторону двери.

— Нет, — сказал Эван. Он повернулся к Мэдди. — Ты тоже должна поехать.

Она удивленно моргнула. Сестра Эвана, Фиби, погибла в той катастрофе. Мэдди выжила. С тех пор никто в этой семье не говорил ей ни слова. До этого момента.

— Пожалуйста, Мэдэлайн, — сказал он. — Лоре нужна женщина, которая побудет рядом с ней. Она безумно боится родильной горячки, а моя мать поехала в Саратогу. Ее не будет еще несколько часов.

То, что Эван хотел помощи Мэдди, показало, насколько он действительно был напуган. Она не могла отказать.

— Ладно, — она взглянула на Джейса.

— Пойдем, — сказал он.

Она схватила свою шаль и последовала за мужчинами, когда они вышли на улицу. Джейс убежал, чтобы вывести из сарайчика багги, пока Мэдди пыталась успокоить Эвана разговорами.

— Так вы с женой приехали сюда в гости?

Качая головой, Эван смотрел туда, куда убежал Джейс. Он был явно напуган.

— Мы живем с моей матерью, пока строим дом на соседнем участке. Лора всю неделю помогала мне с уборкой. Наверное, из-за этого у нее начались роды.

— Не волнуйся, Эван. Доктор Меррик позаботится о Лоре и ребенке, — сказала она, глядя в сторону сарайчика и отчаянно желая, чтобы Джейс поторопился.

Через несколько минут Джейс вывел багги и приготовился к отъезду. Мэдди поспешила к багги, а Эван запрыгнул в свою повозку и понесся вперед. Джейс — за ним, и Мэдди пришлось крепко держаться, чтобы не вылететь из багги.

Дом Йейтсов был расположен на более пустынной стороне Мисти Лейк, в нескольких милях от города. Мысль о бедной жене Эвана, дрожащей от боли, испуганной и одинокой, заставила желудок Мэдди сжаться. Женщины иногда умирали во время родов. Дети тоже.

Она взглянула на Джейса. Он выглядел решительно, его красивое лицо было целеустремленным. Как всегда, его уверенность помогла ей успокоиться. Мэдди была уверена, что Джейс поможет справиться с родами и матери, и ребенку.

Они добрались до дома. Эван взбежал на крыльцо, перепрыгивая через ступеньки.

— Я уже иду, Лора! — Он распахнул хлипкую дверь, едва не выдернув ее из ржавых петель. — Я привел доктора.

Сердце Мэдди стучало, когда они с Джейсом поспешили внутрь и проследовали за Эваном вверх, в спальню в конце коридора.

Лора лежала в кровати. Пот катился по ее лбу, она тяжело дышала, по щекам текли слезы. Пальцами она сжимала простыни, корчась и хныча от боли.

Джейс положил свою сумку в изножье кровати, раскрыл и стал доставать флаконы и инструменты, включая зловещего вида щипцы.

— Ты можешь подождать в холле, Эван, — сказал он, заменив, что муж Лоры словно окаменел.

Эван наклонился к Лоре и поцеловал ее в щеку. Нежное беспокойство в глазах мужа, смотревшего на свою жену, заставило сердце Мэдди сжаться. О, кто бы любил ее так нежно...

— Я буду снаружи, — прошептал Эван на ухо Лоре.

Она быстро закивала, преодолевая боль.

— Хорошо, Лора, давай посмотрим, как у тебя дела, — сказал Джейс. После недолгого осмотра живота он поднял взгляд. — Ребенок лежит правильно.

Он подошел к изножью кровати и поднял простыню, чтобы осмотреть женщину.

— Ты прекрасно справляешься. Роды не займут много времени.

Испуганно хныча, Лора кивнула.

Мэдди отвлеклась от собственного страха, решив наполнить таз водой. Она намочила тряпку, пальцы ее дрожали, когда она отжала лишнюю воду.

— Меня зовут Мэдэлайн, Лора, — сказала она, прикладывая прохладный компресс на вспотевший лоб женщины.

Та сжала ее руку в знак благодарности. Мягкое пожатие усилилось, когда Лору накрыла очередная волна страдания, и Мэдди поморщилась от боли и от пронзительного крика, который возвестил конец схватки.

Сердце ее болело за девушку, но она не решилась вмешаться. Сегодня действовать будет Джейс. Он проводит ребенка в этот мир, и все будет хорошо. Мэдди наблюдала, как Джейс готовится к родам. Огромная ответственность, которую он нес каждый день — по осознанному выбору, а не в силу обстоятельств — наполняла ее трепетом.

Дверь открылась, и в комнату ворвалась мать Эвана.

— Что здесь происходит?

Эван следовал за ней по пятам.

— Вы собираетесь стать бабушкой, миссис Йейтс, — сказал Джейс.

Женщина бросилась к кровати.

— Будь сильной, дорогая, — сказала она, похлопывая Лору по колену.

Миссис Йейтс успела пробормотать еще несколько успокаивающих слов, прежде чем заметила, что рядом стоит Мэдди.

— Что она здесь делает? — спросила она, обращаясь к Эвану.

— Я был в отчаянии, мама. Лоре нужна была женщина.

— Лора была напугана, — сказал Джейс. — Мэдэлайн помогает ей сохранять спокойствие.

— Для этого применяют хлороформ, — резко ответила миссис Йейтс. — Кроме того, я уже здесь, и нам не нужна... ее помощь.

Роженица уставилась на миссис Йейтс широко раскрытыми глазами, испуганная ее враждебностью. Смятение на ее бледном лице обернулось тревогой.

Отдав компресс матери Эвана, Мэдди сделала шаг назад. Она не станет расстраивать Лору, не станет ставить под угрозу благополучие матери и ребенка.

— Я подожду внизу, — предложила она.

— Миссис Йейтс, нет необходимости...

— Это мой дом, доктор Меррик. Моя семья. Я не позволю, чтобы мой внук родился там, где находится Мэдэлайн Саттер.

— Я буду внизу, — сказала Мэдди Джейсу по дороге к двери.

Она вышла из комнаты и остановилась в холле, чтобы восстановить самообладание. Слезы жгли глаза. Замерев от звука открывающейся за ней двери, Мэдди повернулась, ожидая увидеть Эвана. Но эта была миссис Йейтс.

— Извини, Мэдэлайн, но я не могу позволить тебе находиться поблизости, пока Лора рождает.

Ее голос не излучал злости, только боль. Мэдэлайн Саттер была болезненным напоминанием о дочери, которую она потеряла слишком рано.

Мэдди опустила глаза, вспоминая милое личико Фиби. Ей было стыдно за то, что своим присутствием она омрачила то, что должно было стать радостным событием.

— Я буду ждать на крыльце.

Миссис Йейтс покачала головой.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Мне нужно, чтобы ты покинула поместье. — Ее голос звучал как шепот. — Пожалуйста, уходи.

Спускаясь по лестнице, Мэдди едва сдерживала слезы. Спеша уйти, она зацепилась рукавом платья за гвоздь сломанной внутренней двери. Она выдернула ткань, разрывая и ее,

и кожу, но ей было все равно. Она чувствовала себя совершенно несчастной, когда спустилась с крыльца в ослепительную темноту.

* * *

Джейс держал ребенка, снова удивляясь жизни, которая только что пришла в этот мир. Для него было честью первым коснуться новорожденного малыша. В Питтсбурге у него не было времени отдохнуть между потоком родов, не было времени подумать о том, как это прекрасно. Его внезапно поразило, что, поселившись здесь, в Мисти Лейк, он получит возможность наблюдать, как растет этот ребенок. Лечить его простуды и лихорадки, шишки и синяки, и все детские хворобы.

Джейс вспомнил свою последнюю встречу с доктором Филмором. Он начинал понимать тоску старика, которого назвал трусом. Тяжело было терять пациентов. Доктор Филмор потерял в той катастрофе не просто трех жительниц Мисти Лейк. Он потерял детей, которых держал на руках в первые мгновения их жизни на земле, до того, как к ним смогли прикоснуться их матери.

Он лечил болезни маленьких девочек и наблюдал за взрослыми девушками. Дочери, племянницы и дети друзей на всю жизнь. И хоть это и не могло оправдать то, что он сделал с Мэдди, Джейс теперь понимал, как эмоции Филмора повлияли на его суждения.

Он положил ребенка на руки Лоры, видя на лицах присутствующих радость. Эван, Лора и миссис Йейтс склонились над новым членом своей семьи, и грудь Джейса сжалась от гордости и чего-то еще, что он не мог определить.

Мэдди бы понравилась эта сцена, и он был бы рад разделить с ней свои чувства. Джейс попытался справиться с гневом, который ощутил, когда миссис Йейтс попросила ее уйти — и это притом, что Мэдди пришла только чтобы помочь.

— Я пойду, — сказал он, собирая сумку. — Я зайду завтра, чтобы осмотреть Лору и ребенка.

— Спасибо, доктор Меррик, — сказала Лора. — И, пожалуйста, поблагодарите за меня Мэдэлайн.

— Ты можешь поблагодарить ее сама, — сказал он. — Она здесь, внизу.

Он взглянул на миссис Йейтс.

— Можно позвать ее?

Миссис Йейтс ответила, не поднимая глаз:

— Ее здесь нет.

— Что вы имеете в виду? Куда она делась?

Миссис Йейтс уставилась на ребенка, избегая глаз Джейса.

Он в ужасе застыл.

— Вы заставили ее уйти из поместья? В одиночку? В темноте?

Несколько долгих мгновений — и женщина подняла полный решимости взгляд.

— Я сделала то, что должна была сделать. А теперь, если вы меня извините, я должна позаботиться о Лоре, — она повернулась к своей невестке. — Я принесу тебе чашечку прохладного черного чая, дорогая.

Джейс вышел из дома, ругаясь, на чем свет стоит. Смятая шаль Мэдди лежала на

сиденье в багги, и он снова выругался, в ярости от того, что ее вынудили выйти на холод. Он пустил лошадь бегом, глядя в темноту. Роды окончились довольно быстро, а до дома Мэдди было далеко.

В тусклом свете фонарей багги он увидел движение на обочине дороги впереди. Это была Мэдди. Он погнал лошадь быстрее, и остановился рядом с ней. Помогая Мэдди забраться в багги, он заметил на платье большую дыру.

— Что случилось? С тобой все в порядке? — Джейс не смог скрыть своего волнения.

— Ничего страшного. Я просто зацепилась за гвоздь, когда выходила.

Он вздохнул с облегчением, но ярость никуда не делась. Что-то ужасное могло случиться с Мэдди. Она была одна, в темноте. Он наклонился, чтобы осмотреть разорванную ткань на рукаве платья.

— У тебя кровь, — сказал он, хотя кровотечение не было сильным. — Мы остановимся в офисе, я перевяжу тебя.

Джейс запахнул шаль на дрожащих плечах Мэдди. Кивнув, она поежилась и закуталась в теплую ткань.

— Спасибо, — она говорила легко, словно вовсе не ушла, униженная, из дома Йейтсов в глухую ночь. — Все прошло хорошо?

— Мать и ребенок в порядке.

Мэдди улыбнулась.

— Мальчик или девочка?

— Мальчик, — сказал Джейс. Он коснулся ее руки. — Я думал, ты ждешь на крыльце.

Она пожала плечами.

— Ее дочь ехала со мной в коляске.

— Подруга, которую ты потеряла?

Мэдди смотрела прямо вперед.

— Это не оправдание.

Ее молчание сказало ему, что она не согласна. Неужели она действительно верила, что заслуживает такого обращения?

Мэдди подвинулась ближе на сиденье, чтобы им обоим стало теплее. Что бы она ни чувствовала после сегодняшнего, она, очевидно, не хотела обсуждать это. Джейс не стал настаивать. Багги мчался вперед в тишине.

Они слезли у офиса, и Джейс проводил Мэдди внутрь.

— Давай обрабатываем порез, — он повел ее в смотровую комнату, к столу. — Садись.

Она запрыгнула на стол и уселась, болтая ногами. Ее настроение, казалось, значительно улучшилось, и он был рад, что она не огорчена. Ее стойкость снова поразила и восхитила его. А еще он хотел ее. Безумно

В крошечной смотровой ее сиреневый запах был сильнее. Заманчивее. Собравшись с мыслями, Джейс заглянул в дыру на рукаве и осмотрел рану Мэдди.

— Неплохо, — пробормотал он.

Джейс расстегнул пуговицы на манжете. Его концентрация очень мешала близости, поднимающейся и опадающей при дыхании груди Мэдди.

Тяжело вздохнув, он приготовил повязку и инструменты для обработки раны и повернулся, чтобы полить антисептиком руки.

— Это не займет много времени, — сказал он через плечо.

— Это хорошие новости, доктор Меррик, — это был тот томный голос, который он знал

и который ему так нравился. — Значит, у нас останется немного времени для других вещей.

Джейс зажмурился и ухмыльнулся в предвкушении.

— Чем скорее ты перестанешь отвлекать меня, тем скорее я закончу, — сказал он, повернувшись.

Мэдди улыбнулась, и Джейс улыбнулся в ответ.

Она напевала, пока он готовил повязку. Джейс закатал рукав платья Мэдди, пальцами глядя ее мягкую кожу. Сделав глубокий вдох, он обработал рану и наложил повязку, завязав концы бинта узлом. Мэдди положила свою руку поверх его руки, и Джейс замер, поймав ее взгляд.

Наклонив голову, Мэдди провела их руками по рукаву и к своей груди. Она вздохнула, ее глаза вспыхнули. Джейс резко выдохнул, глядя на нее. Его пульс от возбуждения зачастил. Она так же хотела этого, как и он. Джейс рукой обхватил одну ее грудь, вторая его рука уже тянулась к другой. Откинув голову, Мэдди выгнула спину и издала мягкий стон. Звук ее удовольствия наполнил маленькую комнату, и в штанах у Джейса стало тесно.

Она наклонилась вперед, запустив руки в его волосы.

— Я ждала этого весь день, — прошептала она ему на ухо.

Память о прошлой ночи вспыхнула в нем снова. Джейс обхватил ее лицо руками и жадно поцеловал. Их языки переплелись, и он понял, что не сможет долго выдержать.

Он тонул в ее запахе, целуя шею Мэдди, подбородок, волосы. Его пальцы торопливо расстегивали платье Мэдди, и она обхватила его руками за шею. Задрав юбки, он раздвинул ноги Мэдди, подтягивая ее к краю стола.

Она откинулась назад, упираясь в стол руками. Схватив Мэдди за бедра, Джейс подтянул ее к себе. Она обхватила его руками за шею, а ногами — за талию, сводя с ума своей близостью.

Он сказал себе, что отыграется за свое безумие. Позже, когда ее теплое тело не будет оказывать на него такого воздействия, обязательно отыграется. Но не сейчас.

Задыхаясь, Джейс отступил, чтобы справиться с ее нижним бельем. Они буквально срывали в себя одежду. Он оказался по щиколотку в сброшенных юбках и брюках.

— Ты меня сводишь с ума, — он не мог насытиться ее обликом — идеальная грудь, идеальное лицо.

Она открыла рот, и выражение лица стало таким мрачным, что, казалось, Мэдди едва не плачет.

— Ты жалеешь меня, Джейс?

Он моргнул, отступив. С таким же успехом Мэдди могла вылить ведро ледяной воды ему на колени.

— А ты себя жалеешь? — Джейс с недоверием покачал головой. — Я не жалею, Мэдди. Мне жаль их.

— Почему?

— Потому что они не видят того, что вижу я.

Она наклонила голову, темные глаза блестели от волнения.

— Что ты видишь?

— Я вижу тебя, — он подошел ближе. — Ты особенная.

Мэдди опустила глаза.

— Ты имеешь в виду — искалеченная.

Он нахмурился.

— Я имею в виду — особенная, — его резкий тон смягчился, когда он поднял лицо Мэдди за подбородок. В тот момент он сказал бы все, что угодно, чтобы снова оказаться внутри нее, но сейчас Джейс говорил только правду и только ее. — Ты и понятия не имеешь, что делаешь со мной.

— Так скажи мне, — потребовала она.

— Я собираюсь заняться с тобой любовью на смотровом столе, Мэдди, — он коснулся ее лба. — Думаю, это говорит обо всем.

Мэдди не смогла найти возражений и просто улыбнулась в ответ на слова Джейса. И это миг возродило огонь между ними. Она снова обвила его руками и ногами. Джейс вонзился в нее, и глаза Мэдди закрылись от восторга. Она воспарила на крыльях сплошного удовольствия.

Джейс поднял ее со стола и вошел в нее — еще сильнее, еще глубже. Она выкрикнула его имя, застонала и захныкала, не в силах удержаться. От этих звуков в другое время Мэдди сгорела бы со стыда, но теперь, здесь и сейчас, ей было все равно. Она прижалась к Джейсу и снова застонала, и еще, и еще. Звук ее удовольствия эхом отдавался от стен, потолка, пола.

Джейс двигался все быстрее, заставляя ее желать большего, заставляя испытывать все более сильное наслаждение. Толкаясь, он пробуждал в ней дикие ощущения, и вскоре Мэдди не могла себя контролировать. Желание отдавалось в руках, ногах, пальцах рук и ног. Каждый дюйм умолял об освобождении. И она взмолилась, едва дыша:

— Пожалуйста, Джейс, пожалуйста.

Мэдди ухватила за влажную плоть его плеч. Он застонал в ответ, двигаясь быстрее. Напряжение пронзило ее естество, становясь все сильнее. Воздух застрял в горле. Дальше взлетать было некуда, она оказалась на высшей точке спирали. Мэдди откинула голову и затрепетала от удовольствия, когда ее накрыла первая волна.

Тело Джейса напряглось. Сжимая бедра Мэдди, он застонал, приподнял ее и быстро покинул ее тело. Тяжело выдыхая ей в плечо и содрогаясь, он кончил.

Отстранившись, Джейс потянулся за полотенцем. Ее ноги дрожали, пока он нежно вытирал свое семя с ее живота и бедер. Мэдди закрыла глаза, когда он поцеловал ее нежным и сладким поцелуем. Она плыла на волнах удовольствия и спокойствия.

Ничего за пределами маленькой комнаты не имело для Мэдди значения, ничего, кроме того, что она чувствовала сейчас. Независимо от того, что ждало впереди ее, их, она была, впервые за многие годы, по-настоящему, неопишимо счастлива.

* * *

Когда Амелия заскочила в офис несколько дней спустя, Джейс настоял на том, чтобы Мэдди с подругой прогулялись. До свадьбы оставалось меньше недели, и, по словам Амелии, предстояло еще многое сделать. Они с Мэдди решили обсудить детали за обедом, и вскоре уже сидели за столиком у окна в одном милом ресторанчике. Разговор шел о списке свадебных приготовлений. Амелия говорила о цветочных композициях, о том, как оформить карточки для гостей, и о самом главном — для Амелии, конечно же — о выборе торта.

— Моя мама такая старомодная, — Амелия закатила глаза. — Она настаивает, чтобы в торты невесты и жениха были запечены всякие безделушки, но я не позволю подружкам невесты пачкать перчатки в поисках подарков.

Мэдди улыбнулась. Да, она тоже когда-то не одобряла такое развлечение, но однажды опустив ладони в кровавую рану умирающего оленя, она перестала бояться испачкать перчатки.

Они закончили обед вкусным чаем и приятными воспоминаниями. Звук смеха Амелии вернул Мэдди в то время, когда ее жизнь была такой простой. В то время, где они коротали дни, планируя завтрашний день и строя догадки по поводу того, что может случиться на следующем балу или котильоне^[7], не обращая внимания на скоротечность жизни и хрупкость бытия. Они считали, что так будет всегда.

— О, Мэдс, помнишь тот день на озере, когда ты притворялась, что вывихнула лодыжку, чтобы заставить Филиппа отнести тебя в дом?

Мэдди кивнула.

— Трюк, которому я научилась у тебя, смею добавить.

Амелия рассмеялась, чуть не выплюнув чай.

— И я узнала от Фиби, а она узнала от Сьюзен, — она вытерла губы салфеткой, все еще смеясь. — У Прекрасной Пятерки не было недостатка в хитростях, когда дело касалось мальчиков.

Амелия покачала головой, улыбаясь.

— Итак, как у вас с доктором Мерриком дела? — спросила она, отвлекая Мэдди от мыслей о друзьях, по которым она так скучала.

Мэдди проглотила последний кусочек черничного пирога.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе нравится работать в его офисе?

Она кивнула.

— Да, нравится.

Амелия потягивала чай, глядя в чашку.

— А доктор Меррик? Он тоже нравится?

Мэдди пожала плечами.

— Он хороший человек.

На какое-то мгновение Мэдди испугалась, что Амелия почувствует их близость. На миг оказалась так близко к тому, чтобы довериться своей подруге. Ей безумно хотелось рассказать Амелии о том, что она и Джейс... И Мэдди знала Амелию достаточно хорошо, чтобы предполагать, что она и Лестер наверняка уже занимались *этим*.

Но Амелия и Лестер вскоре должны были пожениться, что, конечно, было совсем другой историей. И Мэдди не была уверена, что ее подруга одобрит такой риск. Она хотела наслаждаться отношениями с Джейсом, не вызывая неодобрения Амелии.

— Он прекрасный врач, — сказала она. — Мне нравится работать с ним, к тому же, я так занимаю свое время.

— Я рада за тебя, Мэдс. Правда. Я только хочу... — Амелия вытерла уголки рта салфеткой. — Боюсь, эта ваша фиктивная помолвка принесет больше вреда, чем пользы.

Она наклонилась вперед.

— Ты отказываешься от других вариантов.

Мэдди фыркнула.

— У меня нет других вариантов.

— Может, не в Мисти Лейк, но...

— Амелия... — Мэдди покачала головой.

— Филипп с ума по тебе сходит.

Мэдди замерла с открытым ртом в ответ на такую откровенность.

— Я в этом абсолютно уверена. Я вижу это.

Со своей стороны, Мэдди не могла сказать, что она ничего такого не видит. Она почувствовала интерес Филиппа.

— Мне нравится Филипп, но...

— Но что?

Мэдди изо всех сил пыталась что-то придумать.

— Он не обращает внимания на то, что думают другие, Мэдс. Несмотря на все эти разговоры, он видит в тебе ту же подружку детских игр. Того же самого человека.

И в этом была проблема. Мэдди больше не была тем же самым человеком. Она больше не была девушкой, самая большая забота которой состояла в том, чтобы выбрать шляпку для вечеринки или способ пофлиртовать с кавалером на балу. Решения Мэдди теперь имели реальные последствия. Настоящие. Жизнь и смерть зависели от ее выбора и использования ее дара. Хрупкие плечи Мэдди несли на себе груз ответственности. И огромный, изменивший ее жизнь секрет.

Филипп и понятия не имел, кто такая Мэдди на самом деле. И — что еще печальнее, — и Джейс тоже.

— Мы больше не девочки, Амелия.

— Я знаю, — Амелия опустила глаза, потянувшись за чаем. — Итак, какие у тебя планы?

— Планы?

— Ты не думаешь о своем будущем?

Мэдди пожала плечами, не зная, что сказать.

— Я...

— Ради всего святого, Мэдэлайн, ты никогда не думала покинуть Мисти Лейк?

Мэдди нахмурилась, услышав резкий тон подруги.

— Ты знаешь, что я не могу оставить дедушку, — так же резко ответила она.

Амелия наклонилась вперед, изучая ее взглядом.

— Ты уверена, что не используешь дедушку в качестве оправдания?

Мэдди поглядела ей в глаза, качая головой.

— Он — все, что у меня есть, Амелия. Ты ведь понимаешь.

Амелия наклонила голову, выражение ее глаз смягчилось при виде расстроенного лица Мэдди.

— Мне очень жаль. Я не хочу тебя расстраивать. Ни за что.

— Я совсем не расстроена. Я...устала.

Глаза Амелии расширились, когда она взглянула через плечо Мэдди, в окно позади нее.

— О, смотри, там Долли и Гертруда, — сказала она. Покрутила головой. — И где-то рядом мы увидим... Да, вот он. Я знала.

Мэдди проследила за взглядом Амелии. Мэттью Вебстер стоял на углу улицы, провожая взглядом девушек, входящих в лавку.

— Как обычно, — Амелия покачала головой. — И теперь не отвяжется.

— Что ты имеешь в виду?

— Лестер сказал мне, что его дядя дал Мэттью разрешение жениться на Долли в следующем году.

Мэдди застыла.

— Не может быть.

— Да, — сказала Амелия с кивком. — Помолвка еще не объявлена, но Мэттью наверняка сделает все возможное, чтобы убедиться, что других кандидатов нет. И мне не хотелось бы это говорить, но я не думаю, что у него будет конкуренция. Молодые люди не обращают внимания на Долли, — добавила Амелия. — Вот почему поначалу Мэттью не показался таким милым. Его готовность принимать внешность Долли казалась похвальной чертой.

— А теперь?

— Я знаю, это звучит странно, но теперь я чувствую, что дело тут в другом. Как будто он не видит в ней ничего, кроме этого родимого пятна. Как будто он хочет ее из-за этого, а не вопреки этому. Как будто это пятно гарантирует, что она всегда будет принадлежать ему.

Мэдди задумалась над тревожными словами Амелии.

— А как сама Долли к нему относится?

Амелия пожала плечами.

— Не думаю, что кто-то спрашивал ее.

Мэдди нахмурилась.

— Мэттью почти не разговаривает с ней. Я ни разу не видела, чтобы они по-настоящему говорили. Но он прицепился к ней и с тех пор не отстает, — она покачала головой. — Я не знаю, как бедняжка это терпит. Он следует за ней по пятам, как голодный щенок.

Мэдди подумалось, что тут больше подходит слово «волк», но она придержала эту мысль и, молча отвернулась от окна.

— Он не обижал тебя? — спросила Амелия.

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

Амелия опустила глаза и распушила юбки.

— Просто так.

Учитывая связь Мэттью с пастором и его неодобрительные взгляды в ее сторону, Мэдди легко могла и сама догадаться о причине. Она могла только представить себе, что два этих так называемых человека веры говорили о ней за закрытыми дверями.

Амелия отбросила свои рыжие кудри со лба и глубоко вздохнула.

— Давай больше не будем обсуждать Мэттью Вебстера. Давай поговорим обо мне.

Она улыбнулась.

Мэдди тоже улыбнулась.

— Потому что мы так редко это делаем.

Амелия хмыкнула и продолжила:

— Чуть не забыла тебе сказать. Мы решили провести медовый месяц на Ниагарском водопаде.

— Это очень романтично. Я слышала, водопады просто великолепные.

Амелия покачала головой.

— Меня вовсе не интересуют достопримечательности, — ее голубые глаза мерцали озорством, снова напоминая Мэдди о днях юности. — Лестер арендовал нам номер в самой маленькой гостинице.

Она приложила руку ко рту, больше для драматизма, чем для того, чтобы в действительности приглушить сказанное.

— Мы вряд ли покинем его хоть раз.

Амелия поиграла бровями, и Мэдди захохотала.

Амелию и Лестера ждала замечательная жизнь мужа и жены. Прекрасное будущее.

Несмотря на то, что она была очень счастлива за подругу, Мэдди еще никогда так никому не завидовала.

* * *

На следующий вечер после работы Джейс повез Мэдди домой. Внезапно вернулась жара, и температура воздуха продолжала подниматься. Даже легкий ветерок, обдувающий лицо во время поездки в багги, не мог прогнать духоту.

Мэдди посмотрела на полную луну и звезды — эти безграничные чудеса света — и почувствовала себя такой потерянной. Были ли в мире другие такие же, как она? Другие с такими же способностями? Конечно, она не могла быть единственным человеком во всем свете, который мог исцелять. Пропасть между ней и остальным миром стала больше от мысли о том, что она вряд ли это узнает.

Остался только один день до свадьбы, и Мэдди была на грани. Она ненавидела мысль о том, что придется провести все выходные в присутствии людей, которые ненавидели ее. В то же время люди вроде миссис Йейтс не ненавидели ее так сильно, но ощущали в ее присутствии страх.

Ей хотелось остановить, задержать этот момент с Джейсом, и одновременно Мэдди хотела поскорее пройти через это испытание. Свадьба Амелии должна быть радостным событием, но для Мэдди это будет скорее горько, чем сладко. Выходные кончатся — и кончится ее фиктивная помолвка.

Прогоняя из головы угнетающие мысли, она сосредоточилась на здесь и сейчас. Джейс сидел рядом с ней, и она была полна решимости максимально использовать их оставшееся время.

Пока она придумывала соблазнительную реплику, чтобы шептать ему на ухо, что-то под ними громко щелкнуло, и багги резко покосился в одну сторону.

Страх лишил ее дыхания.

Мэдди закрыла глаза и упала в бездну темных воспоминаний.

Ухватившись за Джейса, она крепко вцепилась в него.

— Ох! — Джейс натянул поводья, чтобы лошадь не тащила багги дальше. — С тобой все в порядке?

Мэдди открыла глаза, дрожа. Разжав хватку, она кивнула, пытаясь успокоиться.

— Видимо, колесо сломалось, — сказал Джейс. Он стоял, балансируя на наклонившемся полу багги.

— Спускайся, — сказал он, помогая ей сойти. — Ты уверена, что с тобой все в порядке?

— Все нормально, — сказала она, чувствуя себя глупо. Это ведь просто сломанное колесо. — Я просто от неожиданности испугалась, вот и все.

Джейс кивнул. Переключив внимание на багги, он встал на четвереньки, чтобы проверить колеса и оценить повреждения. Пульс Мэдди участился, она наслаждалась видом его ягодиц. Память о его обнаженном теле, прижимающемся к ее телу, заставила кровь прилить к ее лицу.

— Нам придется добираться до твоего дома на лошади, — сказал он через плечо.

Мэдди моргнула, приходя в себя.

— Договорюсь о ремонте багги завтра. Я сейчас заведу его в лес, вряд ли до завтра на него кто-то наткнется.

Мэдди услышала вдали приближающийся звук.

— Кто-то едет.

Джейс выбрался из-под багги и взглянул на дорогу. Из-за поворота показалась коляска.

— Отлично, — сказал он, вытирая пыль с колен.

Коляска замедлила ход и почти остановилась. Обрадовано махнув вознице, Джейс направился к коляске.

Мэттью Вебстер хмуро уставился на него в ответ.

Мэдди была встревожена мыслью о том, что их спасение придется доверить Мэттью, но страх того, что придется сесть в его коляску, был намного хуже. Сердце бухало в ушах. Она смотрела на высокий кузов коляски, на просторные двойные сиденья и колеса со спицами. Тяжело сглатывая, она пыталась отрешиться от видений катастрофы, таких ярких, словно все случилось прямо сейчас.

Просто нужно было успокоиться.

К ее полнейшему удивлению, Мэттью дернул поводья, и коляска рванула вперед. Джейсу пришлось отскочить, чтобы избежать столкновения. Мэттью проскочил мимо по дороге, оставив Джейса и Мэдди в пыли.

— Какого черта?..

Глубоко дыша, чтобы сохранять спокойствие, она сказала:

— О, не обращай на него внимания. Ночь так хороша. Мы обойдемся без его помощи.

Джейс кивнул, наблюдая, как коляска исчезает в пыли.

— Я позабочусь о багги, а потом приготовлю лошадь.

Мэдди подождала. Ее паника была сильнее, чем злость на Мэттью. Она поглядела на Джейса, который уже занимался лошадью.

— Готова? — спросил он.

Он приподнял ее, и Мэдди уселась и расправила свою легкую юбку. Джейс запрыгнул на лошадь позади нее. Тепло его тела ощущалось так близко, и она помимо воли сжала бедра. Расположившись поудобнее, Джейс придвинулся к ней, его бедра плотно прижались к бедрам Мэдди. Ударом пятки он пустил лошадь шагом.

Они ехали под лунным светом, под звуки щебетания сверчков. Лошадь по пустынной дороге шла ровным шагом. Сидя на лошади без седла, с Джейсом позади, Мэдди осознала, что эта поездка может быть очень возбуждающей.

Она наклонилась к Джейсу, совсем чуть-чуть. Он выдохнул, и теплое дыхание послало по ее шее мурашки. Джейс тут же выпрямился, и она улыбнулась, зная, что и он тоже что-то почувствовал.

Одной рукой Джейс держал повод, а другая лежал у него на колене. Она положила руку на его и направила ее по своему бедру. Мягкое давление его прикосновения было восхитительным, пальцы Джейса сжимались и гладили ее.

Их тела двигались вместе с лошадью, и это было словно чувственное танго, распалюющее желание. Губы Джейса коснулись ее шеи. Мэдди издала длинный вздох и выгнулась. Подняв руку, обняла его за шею, и пальцы сжали его волосы, притягивая голову ближе.

Обхватив рукой грудь Мэдди, Джейс коснулся губами ее уха и спустился поцелуями по шее. Его рука опустилась к ее колену, а затем поднялась по бедру, ухватив с собой юбку.

Проскользнув под ткань, он погладил ее голое бедро, Мэдди застонала и дернулась.

Пальцами Джейс забрался в ее панталоны, и Мэдди задрожала. Он коснулся ее там, и она вздрогнула, боясь, что может упасть.

— Ты в безопасности со мной, Мэдди, — прошептал Джейс. Нежность в его голосе, тепло дыхания успокоили ее. — Просто расслабься и наслаждайся. Я не позволю тебе упасть.

Он ласкал ее мягко, нежно.

— Ты такая мокрая. Чертовски мокрая, — он кружил пальцем над ее пылающей плотью, и Мэдди откинулась ему на грудь, тяжело дыша и двигая бедрами. Он сжал пальцы внутри нее, и она застонала от сладкой муки.

Раздвинув ноги, Мэдди открылась магии его руки, трению лошади под ней, пальцам Джейса, скользящим в ней. Мэдди извивалась у него на груди, она не могла дышать. Он прижал свой горячий рот к ее уху.

— Кончи для меня, Мэдди.

Эти четыре слова подтолкнули ее к краю, и она кончила, громко дыша в ночной тишине.

Джейс прижал ее к себе, его твердость была очевидна. Мысль о том, чтобы доставить ему удовольствие, снова пробудила ее желание. К тому времени, как они добрались до дома, Мэдди горела.

— Веди лошадь к загону, там можно напоить ее перед обратной дорогой, — сказала она.

Джейс спрыгнул с лошади и помог ей соскочить. Она скользнула в его объятия — и в поцелуй, который заставил ее колени задрожать. Джейс повел лошадь к бочке с водой, пока Мэдди отпирала загон.

Пока он поил лошадь, она вошла внутрь. В потоке лунного света Мэдди огляделась и улыбнулась, заметив тюки сена в углу. Она работала быстро. Разложила тюки, накрыла их попоной, взятой со стула, и уселась, дожидаясь Джейса.

Он вошел внутрь и замер, увидев ее на импровизированной кровати.

— Дедушка спит уже несколько часов, — сказала она. — Он мудро поступает.

Джейс подошел к ней, сняв пальто. Поставив Мэдди на ноги, он прижал ее к себе и поцеловал. Глубоко. Жестко. Она обхватила его за шею руками, и поцелуй смягчился. Его язык обвел ее губы, прежде чем медленно погрузиться в ее рот, чтобы свести с ума.

Они упали на сено, и он накрыл ее своим телом. Аромат Джейса — кожа и волосы — все еще были новым для нее, но запах сена напоминал о доме. Сочетание нового и знакомого было волнующим. Возбуждающим.

На этот раз Джейс занимался с ней любовью медленно. С каждым обжигающим прикосновением, с каждым долгим поцелуем, она растворялась в нем. Каждый ответ наслаждения на его лице, каждый безудержный стон приближали ее собственный экстаз. Тело Мэдди больше ей не принадлежало.

Они были одним целым с двумя сердцами. Их губы слились, руки и ноги переплелись. Они были как птицы, летящие к одной цели. К одному прекрасному моменту их общей честности.

Мэдди содрогнулась от этой мысли, поднимаясь на пик экстаза. Застонав, она обняла Джейса за шею. Ее удовольствие приблизило и его оргазм, и с последним толчком он вышел из нее, чтобы излиться.

Двор казался мертвенно тихим, пока они лежали там, на кровати из сена. Сердце Джейса стучало рядом с ее сердцем. Потом он поднялся. Усевшись, Джейс потянулся за брюками и начал одеваться.

— Я не помню, чтобы когда-то так радовался приглашению на свадьбу.

Он усмехнулся, его глаза наполнились греховным весельем. Мэдди улыбнулась в ответ с таким же предвкушением и начала собирать свою одежду. Он почувствовала, что Джейс наблюдает за ее движениями, и, бросив взгляд через плечо, заметила его остекленевший взгляд. Мэдди снова улыбнулась, на этот раз себе, и намеренно стала одеваться медленнее, чтобы Джейс мог насладиться зрелищем.

Не спеша Мэдди одевалась в лунном свете. Ей нравилось, что он наблюдает за ней. Она чувствовала себя смелой и прекрасной под горящим взглядом Джейса. Прошло еще несколько мгновений, прежде чем Мэдди поправила юбку и пригладила волосы.

Сложив одеяло, она вернула его на стул за дедушкиной повозкой. Мэдди замерла, уставившись на коляску, и Джейс подошел к ней сзади и обнял ее за талию.

— Ты и это преодолешь, — пробормотал он ей в волосы. — Я в этом абсолютно уверен.

Во пылу любви, в пылу страсти, он шептал нежности, но она не принимала их близко к сердцу. Но сейчас он обнял ее — и это не был порыв страсти. Чем это было на самом деле, она не была уверена, но наслаждалась мгновением.

Он упомянул о ее страхе, и Мэдди поняла, насколько плохо ей удалось скрыть свою панику на дороге.

— Когда-нибудь, возможно, — она вздохнула. — Если бы я только могла понять... — и замерла, чтобы не сказать лишнего.

Мэдди повернулась в объятьях Джейса и посмотрела ему в лицо. Тепло его глаз растопило ее сердце. Ее решимость.

О, как она хотела рассказать ему свой секрет. Она доверила ему свое тело, открылась ему. Обнаженная и ранимая, она открылась и подарила ему все свое физическое «я». Не могла ли она открыть свою душу и раскрыть свою суть?

— Ты веришь в чудеса? — внимательно глядя на него, спросила она.

— Тебе повезло, Мэдди. Ты выжила по воле обстоятельств, по случайности, которая тебе помогла.

Она застыла, готовая во всем признаться. Но открыв рот, не смогла сказать и слова. Мэдди попробовала другую тактику.

— И ты не согласен, что есть вещи, которые мы не можем объяснить?

— Нет, — мягко ответил Джейс. — Всему есть логическое объяснение.

Его уверенность охладила ее, и Мэдди словно протрезвела. Лица ее мучителей: Мэттью, пастора Хогла и остальных словно проявились сейчас в красивом лице ее возлюбленного. Она опустила глаза, погружаясь в болото разочарования.

Погладив ее волосы, он бросил ей спасательный круг.

— Ну разве что невозможно объяснить, что мое тело никак не может насытиться твоим.

И снова магия Джейса подняла ее на поверхность и не позволила утонуть.

Мэдди напевала и кружилась по комнате, пакуя свои чемоданы. Свадебная вечеринка должна была состояться в доме на Крукид Лейк завтра, но она проснулась сегодня утром, полная мыслей о том, что у них с Джейсом осталась одна ночь, и решила использовать свою энергию.

Она чувствовала себя такой живой, такой обновленной.

И это одновременно и радовало, и причиняло боль. Мэдди бросила платье, которое держала в руках, на кровать, а затем упала рядом с ним.

Она любила Джейса.

Слова звенели в голове, и она вскочила на ноги, чтобы не слушать их. Шагая по комнате, она пыталась рассеять панику, которая текла по венам. Она просто не могла любить Джейса. Это было нереально, и Мэдди, как никто, знала свои пределы. Она прижала руки к груди, пытаясь найти другое объяснение тому, что чувствует.

Джейс был к ней добр, сострадателен, он защищал ее. Если добавить все это к блаженству, которое она испытывала в его объятиях в последние недели, неудивительно, что Мэдди решила, что это любовь. Это имело смысл. Они с Джейсом были просто друзьями.

Близкий друг. Очень близкий друг...

Мэдди зажмурилась, убеждая себя в этом. Этому чувству не было места в ее планах. Она прекрасно знала, что после свадьбы ее «помолвка» с Джейсом закончится.

Конечно, это не означало, что она не должна наслаждаться временем, которое у них осталось.

Джейс применил кое-какую хитрость, когда обговаривал их обустройство в отеле, и они в полной мере могли бы воспользоваться этой возможностью. Амелия и ее гости будут так вовлечены в предсвадебные торжества, что вряд ли заметят, если Мэдди и Джейс ускользнут.

Мэдди воспрянула духом при этой мысли. С новыми силами она вернулась к чемоданам. Но вскоре ее прервал стук в дверь.

— У тебя гость, Мэдди.

— Кто там, Ретта? — крикнула она.

— Долли Хогл, — сказала Ретта. — Она ждет в гостиной.

Долли Хогл? Что-то случилось с Даниэлем? Что еще может привести сюда Долли? Пульс Мэдди ускорился, пока она пошла за Реттой вниз.

— Доброе утро, Долли, — сказала Мэдди.

Долли, сидя в кресле, приветствовала ее робкой полуулыбкой.

— Надеюсь, ты не против, что я заглянула без приглашения.

Отсутствие тревоги в голосе Долли умерило беспокойство Мэдди.

— Совсем нет, — она уселась в другое кресло напротив девушки. — Ретта принесет нам чаю.

Долли кивнула, выглядя немного более спокойной.

— Как себя чувствует Даниэль? — спросила Мэдди.

— Очень хорошо, — Долли подняла подбородок. — Доктор Меррик сказал, что именно твоя быстрая реакция помогла ему выздороветь, — она опустила глаза, теребя складки юбок. — Конечно, дядя отказывается в это верить. — Она взглянула на Мэдди. — Он предпочитает верить, что ты пыталась наложить на Даниэля какое-то проклятие. — Мэдди

ахнула от неожиданной откровенности девушки. — Ты ведь не пыталась?

— Ты умная девушка, Долли. Что ты думаешь?

Долли пожала плечами.

— Я думаю, это нелепо, — сказала она. — Хотя я бы не стала винить тебя, если бы ты захотела причинить ему боль после того, как он так бессердечно разорвал вашу помолвку, — она вздохнула. — Вот мое мнение. Не то, чтобы кто-то хотел это услышать.

Долли подняла подбородок.

— В своем доме я должна держать свои мысли при себе.

В голосе несчастной девушки звучал гнев.

— Мне кажется, трудно иметь такого строгого опекуна, — сказала Мэдди, думая о бедной Элизабет.

— Особенно, когда ты такая уродина, что никто на тебя не смотрит.

Слова Долли заставили Мэдди потерять дар речи. Как и зерно истины в них. Дс катастрофы Мэдди сама пыталась избегать зрительного контакта с девушкой. Она обращалась с Долли так же, как сейчас обращались с ней.

Но по какой-то причине, когда она снова увидела Долли на примерке, Мэдди поняла, что внешность девушки ее не смущает. И она не понимала, почему теперь относится к Доли не так, как раньше.

— Ты — одна из немногих, кто не боится смотреть мне в глаза, — сказала Долли.

— Люди склонны бояться тех, кто отличается, — грустно ответила Мэдди.

— Я научилась принимать свою внешность и то, как люди реагируют на мою родинку.

У меня только одна жизнь, и я намерена прожить ее, как хочу.

— Это действительно похвально, Долли.

— Я не готова выйти замуж за Мэттью Вебстера.

Мэдди не могла винить Долли, но она снова спросила себя, почему девушка рассказывает все это ей.

— Амелия рассказала мне о договоренности, — начала Мэдди осторожно.

— Дядя все спланировал, — Долли покачала головой. — Герт говорит, мне повезло, что Мэттью согласился. Что он мой единственный вариант, так как никто другой не захочет на мне жениться.

— Гертруда просто дура.

Губы девушки растянулись в улыбке.

— Конечно, так и есть. А я ее многострадальная сестра.

Долли говорила то, что думала. Кто бы мог подумать, что за некрасивым лицом скрывается остроумная и прямолинейная молодая женщина?

Ретта принесла чай. Мэдди разлила его по чашкам, слушая Долли.

— Если отбросить ерунду Герт, я не хочу выходить замуж за человека, которого не выношу. Мэттью Вебстер — ужасный человек. Он любит контролировать других, особенно меня. Он считает, что его природное умение запугивать поможет ему стать пастором в нашей церкви. У него может получиться, но если я захочу присоединиться к другой конгрегации, он не сможет меня контролировать. Он такой самодовольный. Всегда наблюдает и осуждает.

Мэдди не могла не согласиться. Когда Мэттью смотрел на нее, по телу бежали мурашки.

— Он хуже, чем дядя, клянусь, — Долли покачала головой. — И дядя пообещал помочь ему стать пастором, как только мы поженимся.

— Понятно.

— Я сначала приняла эту судьбу, но теперь у меня появилась надежда. Может, где-то есть человек, который сможет полюбить меня, — она смотрела на поднимающийся пар из чашки. — Ты дала мне эту надежду.

— Я?

Долли посмотрела на нее.

— Если такой человек, как доктор Меррик, может любить тебя, то есть надежда и для меня.

Несмотря на укол боли из-за непреднамеренного оскорбления, Мэдди снова восхитилась честностью девушки. В ее словах было больше отчаяния, чем гнева, но надежда, которую таила Долли, питалась ложью.

— Ты, конечно, права, и я желаю тебе этого счастья, — сказала Мэдди, чувствуя себя виноватой. — Но сейчас ты должна сказать мне, почему ты здесь.

Долли вздохнула.

— Мой дядя сильно тебя ненавидит, Мэдэлайн.

Хоть это и не было новостью для Мэдди, слышать это ей было тяжело. Она вздохнула, пытаясь восстановить самообладание.

— Прости, что говорю так откровенно, но ты должна понимать. Слова дяди проникли в сердца многих из прихожан его церкви, и они верят, что ты — проклятие этого города. Что в тебе есть что-то... ненормальное. Он осуждает тебя. Мэттью только подливает масла в огонь. Настолько, что настаивает на том, чтобы дядя принял меры.

Она подвинулась на край стула.

— Я слышала, как Мэттью и дядя вчера вечером спорили о плане Мэттью отделиться от церкви, чтобы сформировать свою собственную ветвь, — Долли наклонила голову. — Хотя отчуждение между Мэттью и моим дядей было бы ответом на мои молитвы, для тебя это было бы ужасно. Мэттью хочет выгнать тебя из города... или того хуже.

Долли, конечно, преувеличивала. Человек, желающий стать оплотом местной церкви — даже такой вспыльчивый — не был бы настолько глуп, чтобы прибегнуть к насилию. Тем не менее, Мэдди была счастлива иметь союзника в семье Хогл. По крайней мере, на свадьбе все может быть проще.

— Спасибо за предупреждение, Долли. Но я ничего не могу сделать, чтобы изменить мнение людей о себе, — она улыбнулась грустной улыбкой. — Конечно, я продолжаю пытаться.

— Твой симпатичный доктор точно пытается.

— О?

— Когда он пришел навестить Даниэля после пикника, он его отчитал, — Мэдди увидела робкую улыбку, но Долли тут же опустила голову, пряча лицо под волосами. — Должна признать, мне понравилось.

— Что именно они говорили?

— Как я и сказала. Что ты хотела навредить Даниэлю.

— Смешно, — выдавила Мэдди.

— Так им и сказал доктор Меррик. И именно поэтому я хотела встретиться с тобой сегодня. Дядя был в ярости после ухода доктора Меррика. О, он просто обезумел, — она отпила свой чай. — Гертруда запрещает мне говорить с тобой публично, так что я говорю с тобой сейчас. Я не разделяю их мнения.

Долли отставила чашку.

— Если такой умный и красивый мужчина, как доктор Меррик, собирается жениться на тебе, ты наверняка не можешь быть так плоха, как они говорят.

Мэдди моргнула, и Долли ахнула от собственной бестактности.

— Я только хотела... — Долли запнулась.

— Ничего страшного, Долли, — заверила Мэдди. И как ни странно, так и было.

Мэдди нравилась эта девушка. Долли жила в тени Гертруды, и это было нелегко. Придя одна в поместье Саттер, она сделала огромный шаг вперед. Долли была храброй, несмотря на то, что семья пыталась подмять ее.

— Я так рада, что ты пришла, — сказала Мэдди с неподдельной теплотой. — Ты не должна говорить им, что была здесь.

Долли опустила глаза.

— Они, наверное, даже не замечают моего отсутствия. За исключением Мэттью, никто и не заметит.

— Я много знаю о том, как быть невидимкой, — Мэдди кивнула. — Наверняка свадьба будет для меня сплошным испытанием.

— Я тоже не могу сказать, что с нетерпением ее жду, — призналась девушка, вдохновленная словами Мэдди. — Я никогда не была своей на больших праздниках.

Мэдди предложила ей тарелку печенья.

— Мне нравилось посещать большие праздники, — сказала она, вспоминая счастливые времена. — На самом деле, я жила для них. Танцы, волнение, внимание. — Мэдди вздохнула. — Конечно, это было очень давно.

— Я бы все отдала, чтобы поменяться с тобой местами.

Мэдди поморщилась.

— И почему же?

— Несмотря ни на что, ты все еще прекрасна.

Ох, Долли. Разум Мэдди переместился в дни, когда она была одной из Пятерки. Тогда имели значение только мода и прически, танцы на вечеринках и флирт. Пустые амбиции, которые сейчас казались такими глупыми. Прекрасная Пятерка никогда бы не приняла в свой круг девушку, подобную Долли. И в те времена все в Мисти Лейк любили Мэдди. Все обожали мисс Мэдэлайн Саттер. Мэдди стало стыдно. Несчастный случай сделал ее изгоем, и все же, как ни странно, она чувствовала, что стала... лучше.

— Внешность — это еще не все, Долли. Больше всего на свете я хочу, чтобы люди видели мою душу.

Долли откусила кусочек миндального печенья.

— О, я знаю, тщеславие — это грех, но я не могу не хотеть быть чуточку красивее, — выдохнула она. — Особенно, если это значит, что я могу окрутить мужчину вроде доктора Меррика.

Мэдди поерзала на месте. Если бы только Долли знала правду о том, как она «окрутила» Джейса.

— Дядя говорит, что мое пятно — наказание моей матери.

— Наказание? За что?

Долли пожала плечами.

— За какую-то безнравственность, которую она совершила до моего рождения, но теперь отказывается назвать. — Мэдди нахмурилась. — Мама настаивает, что она просто ела

слишком много клубники, пока была беременна. И вот результат.

Она постучала по щеке.

— Ты не веришь ничему из этого, не так ли?

Долли покачала головой, и Мэдди обрадовалась ее здравомыслию, не позволяющему поддаваться всяким глупым суевериям.

— Я не могу, — сказала Долли. — Если бы я винила свою мать, я бы не смогла любить ее так, как люблю, — она покачала головой. — Я не могу так жить.

Мэдди кивнула в знак понимания.

— Подозреваю, дядя обвиняет тебя в смерти Элизабет по той же причине.

— Что ты имеешь в виду?

— Он не может винить Бога, Мэдэлайн. Легче винить тебя.

Мэдди подумала об этом, и ей показалось, что Долли может быть права. Девушка оказалась мудрой не по годам и намного жестче, чем на первый взгляд.

— Долли, ты когда-нибудь пыталась вылечить это родимое пятно?

— Боже упаси, — сказала девушка. — Да моя семья никогда бы этого не позволила.

Предупреждение Джейса снова зазвучало в голове Мэдди. Она знала, что играет с огнем, вмешиваясь, но ей очень хотелось помочь этой замечательной молодой женщине.

— Я не предлагаю идти наперекор воле твоей семье, но у меня есть рецепт припарки, которая может помочь избавиться от пятна. Я применяла ее, когда лечила шрамы на ноге после аварии.

Долли выпрямилась на своем месте.

— Это помогло?

— Очень даже, — Мэдди наклонила голову. — Хочешь попробовать?

Долли настороженно посмотрела на нее.

— Что в ней такого?

— Простая смесь змеиного яда и крысиных хвостов. И, кажется, хорошая щепотка глаз тритона.

Долли открыла рот.

Мэдди рассмеялась. Долли тоже хихикнула. Это был первый раз, когда Мэдди слышала, как Долли смеялась над чем-либо, и чудесный звук заставил ее сердце растаять. Все сомнения исчезли.

— Пойдем со мной на кухню.

Мэдди привела Долли в комнату, достала из шкафа небольшую миску и поставила на стол, думая, как ей повернуть дело так, чтобы не вызвать подозрений.

Она пошла в кладовку и вернулась оттуда с банкой хрена. Выложила половину содержимого банки в миску, затем добавила немного кислого молока. Долли подошла ближе.

— Она ужасно пахнет.

— К счастью, тебе не придется это есть, — сказала Мэдди, сосредоточенно помешивая смесь. — Я могу помочь наложить ее, если хочешь. Я не уверена, что это поможет, но навредить точно не сможет.

— Это точно, — Долли сияла. — Точно не навредит.

Ее глаза были переполнены волнением. Надеждой.

Мэдди наклонила голову.

— Долли, это простая припарка из хрена и кислого молока. Помогает выводить

веснушки и шрамы. Мы можем применить ее, но ты не должна позволять результату — каким бы он ни был — мешать тебе жить. Красота внутри, помни это.

— Да. Да, — нетерпеливо сказала Долли. — Я тоже во все это верю, но все равно хочу попробовать.

— Тогда все в порядке, — Мэдди встала. — Я должна разогреть смесь, прежде чем мы ее нанесем.

Она взглянула на девушку уголком глаза, чтобы оценить ее реакцию.

— Делай, что нужно, — ответила Долли.

Она последовала за Мэдди по пятам, и они подошли к плите. Долли с волнением ждала, пока Мэдди выложит смесь в кастрюлю и зажжет горелку.

Единственным способом скрыть тепло ее рук было согреть припарку перед применением. Надеясь, что смесь не свернется, Мэдди позволила ей нагреться, а затем поставила кастрюлю на стол, чтобы дать немного остыть.

— Присаживайся, Долли.

Долли скользнула в кресло за маленьким столиком, сняла капот. Она сидела неподвижно.

Мэдди опустила пальцы в миску и наложила смесь на щеку Долли, а затем нежно помассировала, закрыв глаза. Жар исходил от ее пальцев, кончики покалывало. Долли ерзала, но не жаловалась. Бедная девушка так отчаянно хотела избавиться от отметины, что, вероятно, вытерпела бы что угодно.

Мысль усилила желание Мэдди помочь. Она закрыла глаза, прижав обе руки к лицу Долли.

Следовало быть осторожной. Она надеялась лишь сгладить метку, а не стереть ее полностью. Через несколько минут Мэдди убрала руки и вернулась к массажу.

— С тобой все в порядке?

— Да, — ответила Долли. — Она гораздо теплее, чем я ожидала.

— Ты не обожглась?

— Нет. Было... это тепло как будто проникло внутрь.

— Хорошо, — Мэдди улыбнулась. — Это именно то, что нам нужно.

Она позволила смеси впитаться.

— Пока этого достаточно, — сказала она. — Ты можешь взять припарку с собой. Сегодня ее нужно наложить еще дважды, а завтра — три раза. Справишься?

Долли улыбнулась.

— Я справлюсь, — сказала она. — И кто знает, возможно, в следующий раз, когда ты меня увидишь, я буду такой же красивой, как ты.

Наконец, упаковав сумки, Мэдди направилась вниз, чтобы сказать бабушке, что она уедет, как только приедет багги Джейса.

Дед сидел снаружи на веранде, уставившись на воду и потягивая свой портвейн.

— Я скоро уезжаю, бабушка, — она села в плетеное кресло рядом с ним.

Он сделал долгий глоток, а затем поставил стакан на стол между стульями.

— Ты уверена насчет всего этого? — нежный тон бабушки был так не похож на обычную резкость, и это сказало ей много о его настроении.

Беспокойство наполняло его усталые глаза, и он был таким бледным. Бабушка проводил последние годы своей жизни, беспокоясь за нее, и иногда Мэдди задавалась вопросом, не будет ли лучше, если ее не будет рядом. Но как она могла оставить его в одиночестве? Сколько бы времени на этой земле ему ни осталось, они проведут его вместе. Она пренебрегала им последние недели, работая в городе, но после свадьбы она загладит вину.

— Я уверена, что должна выполнить обещание, данное Амелии, — сказала Мэдди честно.

Его костлявая рука обхватила ее запястье.

— Тогда я тоже уверен.

Она улыбнулась, глядя на мерцающее озеро.

— Погода чудесная.

Бабушка поднял лицо к солнцу, закрыв глаза.

— Я могу сидеть здесь вечно, — он улыбнулся.

— К сожалению, у тебя тогда бы случился страшный солнечный ожог, — сказала она, поправляя плед на его коленях.

— Прекрати суесться, моя Мэдэлайн. Эта старая кожа такая же жесткая на ощупь, как и на вид.

Мэдди повернулась на голос Ретты.

— Доктор Меррик только что завернул на подъездную дорожку, Мэдди.

Мэдди тяжело вздохнула.

— Пожалуйста, проводи его, Ретта, — она повернулась к бабушке. — Мне лучше одеться.

* * *

Джейс последовал за Реттой на веранду, где мистер Саттер сидел, грея на солнце старые кости. Бутылка портвейна стояла рядом с ним.

— Добрый день, сэр, — сказал он, стараясь изо всех сил не выдавать своей неловкости.

Мэдди объяснила своему бабушке обстоятельства их фиктивной помолвки, и Джейс думал, что старый джентльмен вряд ли доволен их шарадой.

Но притворная помолвка казалась ничем по сравнению с тем, чего мистер Саттер не знал. Джейс занимался любовью с Мэдди в его собственном каретном сарае, прямо здесь, на территории поместья. Он едва мог смотреть деду Мэдди в глаза.

Джейс переступил с ноги на ногу и посмотрел на озеро.

— Присматривайте за ней, — сказал мистер Саттер.

— Конечно.

— Посещение этого приема важно для Мэдди, — дед Мэдди прищурился, глядя на Джейса. Он выглядел не очень хорошо. Цвет лица был пепельным, а глаза — пожелтевшими и тусклыми. — Она прибегла к этой фиктивной помолвке из-за этих гиен.... Но она бы никогда не поступила так в других обстоятельствах, вы понимаете, — он отвел взгляд. — Она полна решимости встретиться с ними лицом к лицу.

Джейс не знал, что сказать.

— Я буду присматривать за ней. Я обещаю.

— Хотел бы я сказать, что мне от этого легче, доктор Меррик. Я верю, что вы сделаете все возможное, чтобы защитить ее, но я знаю пастора Хогла и остальных.

— Я буду защищать ее, даю слово.

— Верните мне внучку в целости и сохранности. Это все, чего я хочу, — старик закашлялся. Тяжело. Ужасный приступ сотрясал тело старого человека несколько долгих минут.

Джейс наблюдал за мужчиной, пока тот, наконец, не отдышался.

— Ваш кашель становится хуже.

— Мне не нужно, чтобы ты мне это говорил.

Джейс нахмурился.

— Может...

— А, вот и она.

Звук открывающейся двери сказал о приближении Мэдди, и тревога исчезла с морщинистого лица старика.

Мэдди вылетела на лужайку и остановилась рядом с дедушкой. Сияющая улыбка озарила лицо мужчины, когда он увидел ее. Одета в платье глубокого вишневого цвета, она выглядела сногсшибательно. Джейс едва мог оторвать от нее взгляд.

— С тобой все в порядке, дедушка? — Мэдди присела на корточки и схватила деда за руку. — Я слышала, как ты кашлял.

— Я в порядке, девочка, хватит суетиться.

Мэдди пристально всмотрелась в его лицо.

— Не хочу оставлять тебя одного на все выходные.

— Ретта здесь. Она обо мне хорошо позаботится, — старик ласково похлопал по бутылке портвейна. — И бутылка тоже.

— Гил приедет за мной, если понадобится, ведь правда?

— Да, обязательно, — дед махнул рукой. — Все, хватит прощаться. Иди, отлично проведи время и передай Амелии привет.

— Я передам, — сказала Мэдди. Она поцеловала дедушку в щеку, а затем крепко обняла его. — Пожелай мне удачи, — сказала она с улыбкой.

— Все будет хорошо.

Но что-то в улыбке мужчины заставило Джейса забеспокоиться.

— Я люблю тебя, девочка, — тихо произнес старик, когда его внучка понеслась прочь.

В отеле на Крукид Лейк кипела работа. Экипажи выстроились в ряд, гости прибывали на свадебный уикенд. Сумки Мэдди были выгружены, и ее провели в назначенную ей комнату на верхнем этаже, по соседству с другими подружками невесты. Джейс остановился на этаже внизу, и Мэдди уже планировала маршрут в его комнату.

Она быстро распаковала вещи, а затем поспешила вниз по коридору в номер Амелии, чтобы помочь ей подготовиться к обеду.

Кэролайн поприветствовала ее у двери.

— Тут здорово, тебе не кажется?

Мэдди оглянулась, улыбаясь. Амелии выделили просторный номер: светлый, с большими окнами, с большим зеркалом, идеально подходящим для наведения свадебного марафета. Деревянный пол под кроватью с балдахином был застелен мягким ковром, а стеклянные двери на балкон с видом на озеро обрамляли цветочные драпировки.

Амелия, Кэролайн и Мэдди наслаждались чаем в ожидании Гертруды и Долли, которые опаздывали почти на час. Кровь Мэдди кипела в венах, ей так хотелось увидеть Долли и результат ее лечения. Как замечательно было бы обнаружить, что пятно стало настолько незаметным, что можно будет скрыть его пудрой. Гадкий утенок превратится в лебедя...

Дверь в номер распахнулась, и Гертруда ворвалась внутрь, таща за собой Долли.

— Посмотри, что она наделала, Амелия!

Амелия моргнула.

— Кто наделал?

Гертруда указала тонким пальцем на Мэдди, грудь ее вздымалась.

— Она!

— Успокойся, Герт...

— Я не собираюсь успокаиваться. Она — ведьма. И ты дура, Амелия, раз не видишь, какая она на самом деле.

Амелия поднялась на ноги, и Гертруда толкнула Долли вперед.

— Посмотри, что она сделала с лицом Долли! — Гертруда придержала волосы сестры, обнажая лицо. — Смотри!

Мэдди ахнула. Амелия и Кэролайн тоже. Опухшее лицо Долли было покрыто волдырями. Неприятными, красными волдырями, которые выглядели просто ужасно.

Мэдди задохнулась от ужаса. Ее вина. Родимое пятно не только не пропало, наоборот, стало еще более заметным.

Взгляд Амелии метнулся к Мэдди.

— Это не ее вина, — вскричала Долли.

— Это определенно ее вина, Долли, так что перестань защищать ее и помалкивай, — Гертруда сделала шаг вперед. — Она смешала какую-то смесь и втерла ее в лицо Долли, пообещав, что ее отметина исчезнет.

— Я не обещала ничего подобного, — сказала Мэдди.

— Разве не ты это сделала?

— Да, но...

— Мэдс! — Амелия повернулась к ней, и Мэдди увидела на ее лице злость, которой не видела никогда. — О чем ты только думала?

Порицание на лице подруги наполнило ее стыдом.

— Я...

— Посмотри на бедняжку, — Амелия поморщилась, поправляя кудри Долли, чтобы покрыть неприглядные пятна. — Она выглядит ужасно.

В горле Мэдди застыли рыдания.

— Мне так жаль, Долли, — выдавила она сквозь слезы.

— Этого недостаточно! — Гертруда топнула ногой. — Моему дяде будет, что сказать по этому поводу, обещаю. Как ты заставила эту глупую девчонку участвовать в твоём обмане, я не знаю, так как она продолжает защищать тебя. Но я знаю, что ты сделала Долли что-то плохое, и что ты пыталась навредить Даниэлю на пикнике!

Тишина повисла над ними, и в этой тишине Мэдди услышала, о чем думали присутствующие. Гертруда была права. Мэдди была проклятием. Глядя на Долли, Мэдди не могла их винить.

Что она натворила?

Долли доверяла ей.

Попытки исцеления Мэдди не всегда были успешными, но они никогда не давали таких результатов. Она двинулась к Долли, чтобы осмотреть ее, но Гертруда оттащила сестру прочь.

— Пойдем со мной, Долли, — Гертруда буквально выволокла Долли за дверь.

Теперь все будут знать, что она натворила. Мэдди упала на стул, опустив голову. Мысли ее метались.

Долли нужна была медицинская помощь. Эти волдыри на ее лице наверняка причиняют боль. Джейс может прописать что-нибудь, чтобы помочь.

Джейс...

Мэдди съежилась, представляя его реакцию. Он предупреждал ее. Конечно, он боялся, что Мэдди пообещает Долли то, чего не сможет выполнить. Но он точно не ожидает, что Мэдди сделает все еще хуже.

— Черт, — сказала Мэдди.

Она взглянула на Амелию и Кэролайн, которые тоже были явно злы на нее.

— Я просто пыталась помочь. — Слова звучали жалко даже для ее ушей, и она ненавидела свою жалость к себе.

— Я уверена, что так и есть, Мэдс, — сказала Амелия. — Но в свете того, как Хоглы к тебе относятся, может, стоит в будущем держаться от них подальше?

— Согласна, — сказала Кэролайн. — Зачем тебе еще больше ухудшать отношения с ними?

Мэдди вздохнула. Значит, Кэролайн все-таки рассказали о ее прошлом. Она повернулась к Амелии, которая опустила глаза. Свадебный уикенд начался очень плохо, и Мэдди начала сожалеть о том, что приехала вообще. Она боялась, что Амелия питает такое же сожаление.

— Амелия, возможно, мне стоит уехать...

— Нет! — Амелия сделала глубокий вдох. — Пожалуйста, Мэдс, ты нужна мне здесь.

Мэдди кивнула. Она не была уверена, почему Амелия все еще хотела ее видеть, но была обязана выполнить просьбу.

— Давай забудем об этом, хорошо? — сказала Амелия.

Но Мэдди не могла забыть. Долли нужен был доктор.

— Я собираюсь найти Джейса, — сказала она. — Возможно, он сможет помочь Долли.

— Хорошая идея, — сказала Амелия. — Все будет в порядке.

Ее обнадеживающая улыбка была одновременно умоляющей. *Пожалуйста, не сделай ничего, что могло бы испортить мою свадьбу.*

Мэдди пошла искать Джейса. Она спустилась по широкой лестнице в вестибюль отеля, всматриваясь в толпу. Она в страхе почти спряталась за папоротником, когда увидела группу людей, направляющихся прямо к ней. Подняв подбородок, Мэдди пронеслась мимо них и продолжила поиски.

Джейс сидел в дальнем зале с несколькими другими мужчинами. Его брови приподнялись, когда он увидел ее в дверях. Она помахала ему. Он огляделся, а потом погасил сигару. Кивнув людям, сидящим вокруг, Джейс поднялся и направился к ней.

— Что случилось? — спросил он. — Почему ты не готовишься к обеду с остальными?

— Кое-что случилось.

Его глаза расширились.

— Что именно?

С тех пор, как они прибыли, он ожидал неприятностей от пастора Хогла. Обычно ей нравилось, когда Джейс защищал ее. Сейчас это разрывало ее сердце на куски. Мэдди признала свою вину:

— Вчера я нанесла припарку на лицо Долли.

Джейс замер. Он сузил глаза, нетерпеливо выдохнув:

— Продолжай.

— Ну, теперь ее лицо покрыто волдырями.

Джейс снова вздохнул. Теперь глубже.

— Что ты использовала?

— Только хрен и кислое молоко.

Джейс обдумал сказанное.

— У нее, должно быть, аллергия на хрен. Это довольно распространенная аллергия, — Джейс оглянулся. — Где она сейчас?

— В своей комнате с Гертрудой. Которая, кстати, злится на меня.

Джейс посмотрел на Мэдди взглядом, который говорил, что он не осуждает Гертруду за ее злость.

— Ладно. Пойду, посмотрю, что можно сделать.

— Мне пойти с тобой?

Джейс посмотрел на нее, качая головой. На челюсти играли желваки.

— Ты уже достаточно сделала, — отчеканил он. — Мы поговорим позже.

Он пошел прочь.

— Джейс!

Он повернулся к ней лицом.

— Пожалуйста, скажи Долли, что мне жаль.

— Я скажу ей, — выражение лица Джейса смягчилось. — Надеюсь, ей станет легче.

Мэдди опустила глаза, Джейс легко сжал ее плечо и тут же отпустил.

— А теперь иди наверх и постарайся держаться подальше от неприятностей.

Мэдди расхаживала по комнате, проклиная свое высокомерие. Она рискнула, пытаясь скрыть родимое пятно Долли, и бедная девочка пострадала из-за ее неосмотрительности. Мэдди упала в кресло, переполненная разочарованием. Ее дар позволял ей лечить смертельные травмы, но не смог справиться с чем-то таким простым, как родимое пятно.

Она подумала о дедушке, и о том, как она не смогла вылечить его болезнь. Было очень несправедливо иметь настолько непредсказуемый дар. Несмотря на все ее усилия, некоторые из ее пациентов будут жить, а некоторые все равно умрут. А некоторые будут вынуждены жить, прячась за завесой кудрей и осознанием своего несовершенства.

В дверь постучали, и Мэдди вскочила на ноги. С глубоким вздохом она пересекла комнату и отперла замок. На пороге стоял Джейс.

— Она в порядке, — сразу сказал он.

Мэдди с облегчением выдохнула.

— Я дал ей мазь от аллергии. Волдыри уже начинают пропадать.

Из глаз Мэдди полились слезы. По крайней мере, это не она навредила Долли. По крайней мере, физически.

— Она не сердится на тебя, Мэдди. Она заставила меня пообещать, что я скажу это тебе. Гертруда вытянула из нее правду, когда у нее начало распухать лицо.

Мэдди опустила глаза, вытирая слезы.

Джейс поднял ее лицо за подбородок, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Она в порядке, — он решительно кивнул, затем отпустил ее. — Мы опаздываем. Я пойду и оденусь к обеду, а потом встретимся внизу.

Она кивнула.

— Долли обещала мне танец сегодня вечером. Я надеюсь, ты не возражаешь, — добавил он, уже собираясь уходить.

Мэдди не могла не улыбнуться. Он уже успел очаровать Долли своим красивым лицом. А его душевность наверняка растопила ее сердце. Ну, конечно. Джейс как доктор сострадал сирым и убогим. Но Мэдди ценила эту неожиданную доброту — еще одно качество, которое ее восхищало. Что бы ни случилось, что бы она ни натворила, он всегда протягивал ей руку помощи.

— Джейс, — позвала она.

Он остановился и повернулся к ней лицом.

— Спасибо.

Он подмигнул.

— Увидимся внизу.

Мэдди поспешила освежить туалет, чувствуя себя намного лучше. Она надела свое новое малиновое платье и соответствующую образу шляпку, и посмотрела в зеркало. К ее удивлению, она увидела в зеркале ту Мэдди, которой когда-то была. Свежая и милая молодая женщина, к ногам которой готов был упасть целый мир.

Моргнув, она вернулась из прошлого и спустилась вниз в вестибюль, где ждал Джейс. Он был таким красивым. И таким уверенным в себе. Восхищаясь уверенностью Джейса Мэдди тоже расправила плечи, решив последовать его примеру. Она имела такое же право быть здесь, как и другие. Амелия настаивала на этом, несмотря на фиаско с Долли.

Они уселись за столом во внутреннем дворике, на берегу озера. Солнце сияло на сверкающей воде, но в тени яркого тента было прохладно. Запах свежесрезанной травы смешивался с ароматом жареного мяса, доносящимся из большой ямы неподалеку. Все ели и пили шампанское, и приветствовали опаздывающих, которые продолжали входить во внутренний дворик из широких стеклянных дверей.

Мэдди и Джейс сидели за столом на внешнем его углу. Люди шептались и пилились на нее, больше, чем обычно. Мэдди чувствовала каждый укол их острых взглядов. Слухи об инциденте с Долли, очевидно, уже дошли до всех и каждого. Самодовольная улыбка Гертруды подтвердила это. Как всегда, пастор Хогл держался подальше от Мэдди, стараясь изо всех сил не сталкиваться с ней напрямую. Но сейчас она даже была признательна ему за его неприязнь. А еще была рада, что на празднике нет Мэттью Вебстера.

Оглядываясь на неприветливые лица, Мэдди решила, что больше не может обманывать себя. У нее нет шанса вернуться в закрытое общество Мисти Лейк. Очень немногие из ее бывших друзей были счастливы видеть ее здесь, и она тайно жаждала вернуться в убежище дома.

Еще один день. И потом она начнет строить новый план своей жизни. План, где успехи будут более реальными.

Она подняла подбородок и сосредоточилась на том, чтобы пережить этот день. Гости будут наслаждаться послеобеденными прогулками, а потом разойдутся по своим комнатам, чтобы переодеться для ужина и танцев в бальном зале. Завтра, после церемонии бракосочетания, их ждет еще один праздничный стол, после которого Амелия и Лестер отправятся в свадебный тур на Ниагарский водопад. Тогда, слава богу, все будет кончено.

Мэдди взглянула на Амелию, и вспышка стыда заставила щеки запылать. Через мгновение она уже искренне улыбалась, наблюдая, как ее подруга порхает от стола к столу, общаясь со своими гостями. Амелия светилась счастьем. Она была приятным собеседником, уравновешенной и дружелюбной девушкой, идеальным сочетанием всего, что ищет любой мужчина в жене.

Всего, чем когда-то была Мэдэлайн Саттер.

Вздыхнув, Мэдди стряхнула зависть и повернулась к Джейсу.

— Три месяца назад я и представить не могла, что буду здесь.

— Это большой шаг, — нежно сказал он. — Я горжусь тобой, Мэдди.

Искренность в его словах окутала ее, словно объятия. Осознание того, что он понимает, утешило ее, как ничто другое не смогло бы утешить. Она смотрела в его теплые глаза, борясь с желанием обнять и поцеловать его в губы прямо тут. Словно чувствуя ее желание, он потянулся к ее руке и взял кисть Мэдди в свою.

Мэдди сжала его пальцы.

— Еще раз спасибо, Джейс. За то, что ты делаешь это.

Он склонил голову, губы его изогнулись.

— Сделка — это сделка. И ты — безжалостный переговорщик, моя дорогая, — он наклонился вперед. — К тому же, твоя история многому меня научила. Я знаю, что могу использовать эти знания, чтобы помочь другим пострадавшим в подобных случаях.

Мэдди понимала, что ей должно быть приятно, что она помогла, но что-то в его торжественном выражении заставило ее почувствовать совершенно противоположное.

— Другим — таким, как Кэти Фитцсиммонс? — спросила она.

Джейс отвел глаза.

— Да.

Тень разочарования легла на ее сердце. Мэдди могла терпеть молчание своих соседей, пока верила в то, что Джейс хочет ее в первую очередь как женщину, а не как пациентку с интересной историей. Она хотела услышать, что значит для него больше. Не навсегда, потому что она знала, что это глупая девичья фантазия. Но, по крайней мере, на сегодня.

— Я тоже многому у тебя научилась, — лаская его руку, она взяла его ладонь в свою. — И эти знания я надеюсь использовать на тебе позже.

Его глаза расширились, и она могла поклясться, что он покраснел.

— Я подумаю, но ты должна пообещать, что будешь нежной, — прошептал Джейс, ухмыляясь. — Если мне понадобится медицинская помощь после того, как ты продемонстрируешь свои навыки, кто ее сможет мне оказать?

Прежде чем Мэдди смогла придумать дерзкий ответ, к ним подошла, таща за собой Дэвида, Кэролайн.

— Мы собираемся покататься на лодке, — сказала она. — Хочешь присоединиться к нам?

Джейс взглянул на Мэдди.

— Я думаю, мы останемся здесь и насладимся шампанским.

Несколько гостей направилось к озеру, где ожидала группа гребных лодок. Пастор Хогл и его семья прошли мимо их стола по пути к берегу. Мэдди застыла под их неодобрительными глазами, когда они провели Долли мимо них с Джейсом. До сих пор пастор Хогл избегал смотреть на нее, но вдруг он пронзил ее взглядом, давая ей знать, что ее присутствие он осознает.

— Дураки, — произнес Джейс.

Помимо воли Мэдди улыбнулась.

— Именно. А ты знаешь, что пастор Хогл организовал брак между Долли и своим защитником — Мэттью Вебстером? — спросила она. — Долли рассказала мне об этом вчера.

Брови Джейса приподнялась от удивления.

— Да, а ведь она очень молода, не так ли? И она совсем не довольна этим решением. На самом деле, Долли очень злится на своего дядю.

Мэдди думала рассказать Джейсу о предупреждении Долли, но теперь ее слова о том, что Мэттью представляет угрозу, показались немного мелодраматичными. Долли была в том возрасте, когда верх берут эмоции. По всей вероятности, она непреднамеренно преувеличила. Мэдди прикусила губу, размышляя, что ей делать. Ее мысли вскоре прервал крик из дверного проема.

— Доктор Меррик!

Карл Белден махал Джейсу через всю комнату. Небольшая толпа тут же собралась вокруг лысеющего мужчины, когда стало ясно, что зовет он доктора не просто так.

Что-то случилось.

— Извини меня, — сказал Джейс и поспешил к мистеру Белдену.

Тот начал что-то ему рассказывать, беспрестанно всплескивая руками. Джейс внимательно слушал. Кивнув, он похлопал мужчину по плечу, после чего вернулся к столу.

— Я скоро вернусь, — сказал он. — Лошадь мистера Белдена ранена, и он хочет, чтобы я взглянул.

— Конечно.

Джейс направился к толпе, а затем скрылся в отеле вместе с Белденом. По мрачным лицам Мэдди поняла, что ситуация серьезная. Она взмолилась, чтобы Джейс счел травму незначительной, и все было бы хорошо. Последнее, что хочется услышать на свадьбе, это выстрел из пистолета, избавляющий раненое животное от страданий.

Как бы Мэдди ни хотела облегчить боль лошади, она сопротивлялась желанию следовать за Джейсом. Ей удавалось исцелять животных, это правда. Но после того, что случилось с Долли, она не могла решиться.

— Наслаждаетесь обедом, мисс Саттер?

Филипп появился из ниоткуда. Щегольской синий костюм, зачесанные назад волосы. Он улыбнулся, прежде чем занять место рядом с ней.

— Ну, да, — сказала она, возвращая улыбку. — Тут у воды очень мило.

— Моя кузина, похоже, тоже наслаждается происходящим.

Амелия весело порхала по патио, вокруг то и дело раздавался звук ее смеха. Она светилась от счастья и внимания. Ее вид напомнил Мэдди о тех днях, когда Прекрасная Пятерка мечтала о своих свадьбах. Они часами представляли и планировали свое будущее. Она постаралась не думать об этом. Сегодня не стоит поддаваться горю.

— Вы оставите мне один танец, хорошо? — спросил Филипп. — Клянусь, мои навыки улучшились с тех пор, как мы вальсировали в последний раз.

Мэдди рассмеялась, вспомнив, каким неуклюжим был Филипп в детстве. Высокий и худощавый, неловкий подросток, который часто наступал ей на пятки. Глядя на него сейчас, было трудно увидеть того неуклюжего мальчика.

— Я была бы рада потанцевать с тобой, — честно ответила она.

Филипп откинулся на спинку стула и уставился на воду.

— Я буду скучать по красоте провинции. — Он повернулся к ней, глаза были грустны. — Я буду скучать по этому больше, чем думал.

Мэдди почувствовала, что он говорит не только о природе. Она поерзала под его душераздирающим взглядом, от души желая, чтобы Джейс поспешил обратно.

— Когда ты вернешься в Бостон?

— Завтра днем. — Он шумно выдохнул. — Я только что купил дом в городе и у меня просто куча дел.

— Это замечательно, Филипп, — сказала она. — Амелия сказала мне, что ты очень хорошо справляешься в банке.

Улыбка Филиппа потускнела.

— Прости меня, Мэдди, но я должен сказать тебе, что встреча с тобой снова была самым ярким моментом моего визита в Мисти Лейк. — Мэдди опустила взгляд в бокал шампанского. — Я не стану тебе докучать, — сказал он. — Я просто не мог уехать из города, не сказав этого. И я надеюсь, что вы с доктором Мерриком будете очень счастливы.

Мэдди встретила его взгляд. Потерянное выражение Филиппа заставило ее сердце болеть.

— Спасибо, Филипп.

— Ты заслуживаешь счастья после того, через что ты прошла. Неважно, что болтают городские сплетники. Пожалуйста, запомни это.

— Запомню, — заверила его Мэдди. Ее рука слегка дрожала, когда она потянулась за шампанским.

Мэдди заглянула через плечо, чтобы увидеть идущего к ним Джейса. Она сидела прямо

и глядела вперед, когда он подошел к столу.

— Доктор Меррик.

Джейс кивнул Филиппу.

— Все в порядке? — спросила Мэдди.

— У лошади растяжение связок.

— О, нет, — сказала она.

— Плохие новости, — цокнул языком Филипп, поднимаясь.

— Да, — ответил мрачно Джейс. — Посмотрим, что будет с опухолью, но, скорее всего,

животное придется пристрелить.

Мэдди проглотила ком в горле.

— Прошу меня извинить, — сказал Филипп и отошел прочь. Джейс занял его место.

— Почему меня не удивило, что здесь сидит Филипп?

Мэдди не могла не насладиться ревностью Джейса.

— К твоему сведению, он хотел пожелать нам удачи. В нашей будущей семейной жизни, — добавила она, хотя не была уверена, зачем.

Джейс нахмурился, обернувшись, чтобы посмотреть, как Филипп шагает по патио. Он повернулся к Мэдди.

— Я пропустил что-нибудь еще?

Она покачала головой.

— Никто не беспокоил меня, если ты об этом.

— Хорошо, — сказал он, притворяясь, что ему нравится то, что другие гости оскорбительно обделяют их вниманием. — Больше времени для нас двоих.

Она улыбнулась, ей стало легче. Когда он смотрел на нее так, как смотрел сейчас, весь мир вокруг переставал существовать. Окутанная теплом его взгляда, Мэдди чувствовала себя в безопасности, защищенной от враждебности вокруг.

Амелия объявила, что ужин будет подан в семь часов. Оркестр выступал в большом бальном зале, который открывался на веранду для танцев под звездами. Все это звучало так замечательно и романтично.

— Как насчет прогулки вдоль берега перед тем, как пойдем переодеваться? — спросил Джейс.

Мэдди огляделась вокруг. Гости начали расходиться, некоторые направлялись к озеру, другие шли в отель. Пастор Хогл и его семья катались в лодке на воде.

— Я была бы рада, — сказала она. Джейс отодвинул ее стул, и она ухватила его сильную руку.

Они прогуливались по краю воды, легкий ветерок обдувал спины.

— Здесь красиво, — сказала Мэдди, нарушая тишину.

— Да.

— Ты скучаешь по городу?

— Я не скучаю по работе с потоком пациентов, — решительно сказал он. — Здесь у меня каждый пациент на счету, это другой уровень.

— Итак, ты рад, что решил открыть практику здесь?

— Я чувствую, что меняю жизнь людей к лучшему.

— Это важно для тебя.

— Больше, чем я хочу признать.

Простое утверждение сказало многое о том, кто такой Джейс Меррик. О его

приоритетах. Его отец провел свою жизнь, исцеляя больных, вот только запомнятся всему миру лишь зловещие обстоятельства его смерти.

— Приятно помогать другим, — пробормотала она, желая сказать больше. Желание признаться Джейсу в своем секрете было так же сильно, как и необходимость его скрыть.

— Я потерял это чувство, пока работал в городе. Здесь я могу изучать случай и историю болезни каждого пациента и наблюдать за ходом лечения так, как надо. Я даже начинаю понимать, что постановка правильного диагноза — это только начало моей работы. Я должен заслужить доверие моего пациента состраданием — и должен услышать то, что они не решаются мне сказать. Только так я смогу вылечить их.

Мэдди удивленно моргнула и рассмеялась.

— Я в долгу перед тобой, — сказал он, его улыбка угасла.

Мэдди смотрела ему в лицо, сглатывая тяжелый ком в горле. Она оценила его благодарность. Но это была не любовь.

— Самое главное, я учусь принимать свои ограничения.

— У тебя нет ограничений, — сказала она.

Джейс фыркнул.

— Во время лечения пациентов в Питтсбурге я делал все необходимое с медицинской точки зрения. Каждую процедуру — по стандарту. Только вот строгое соблюдение стандартов для пациента не всегда является самым лучшим, — он покачал головой. — Умиравший ребенок должен провести последние дни дома, в объятиях своей матери, а не в больнице. Независимо от того, что рекомендуют врачи. — Он улыбнулся грустной улыбкой. — Независимо от того, что рекомендовал я. Я надеюсь разработать индивидуальные методы лечения для моих пациентов и думаю даже о курсах по профилактике и лечению заболеваний. Маленький Джоуи Клири, например, очень быстро идет на поправку.

— Это просто замечательно, — Мэдди опустила глаза. — Я боялась, что твоя связь со мной может помешать успеху практики.

Он покачал головой.

— А я боялся, что меня всегда будут сравнивать с доктором Филмором. Несмотря на его отношение к тебе, репутация этого человека была безупречна. Люди почитали его.

— Да, так и было.

— Я хотел бы свернуть ему шею за то, что он сделал с тобой, Мэдди.

В его глазах горел огонь, желание защитить ее. Сердце Мэдди таяло. Она так долго была в одиночестве.

Его лицо смягчилось улыбкой, и сердце Мэдди наполнилось любовью. Настоящей любовью. Это был не флирт, не девичья игра, не жажда внимания. Ее отражение сияло в его глазах, и Мэдди с удивительной ясностью увидела женщину, которой она стала.

Глупая красавица, которой она когда-то была, осталась где-то прошлым, и Мэдди не могла не задаться вопросом, а кто она теперь.

Предсвадебный ужин был не таким уж и трудным испытанием. Мэдди сделала успокаивающий вдох и попыталась насладиться им. Покрытые льном столы, расположенные в форме подковы, обступали стол Амелии и Лестера, сидящих в центре. На стенах горели свечи в подсвечниках. За жульеном и запеченным лососем следовали фаршированные перепелки и куропатки, филе говядины и картофельные крокеты. В честь молодых говорились тосты, разодетые гости опустошали одну бутылку вина за другой.

Семьи Прекрасной Пятерки сидели на безопасном расстоянии от Мэдди и Джейса. До сих пор никто из них не подходил к ней. Она и не ожидала другого, и она не могла их винить. Она знала, как им должно быть больно видеть ее — напоминание о том, что она дожила до этого счастливого дня, а девушки, которых они любили, лежат мертвые в земле.

Мэдди сидела в своем новом красивом платье, и разум ее метался от сожаления. Ей хотелось сбежать. Сбежать отсюда и от себя самой. Желание это усилилось, когда пастор Хогл поднялся за столом, чтобы вознести молитву.

Держа в руке бокал, он начал с тоста, который превратился в проповедь. Что-то о том, чтобы платить за свои грехи, о добре и зле, и о том, чтобы не поддаваться искушению зла и не позволять себя обманывать. Мэдди сжала атласные юбки, когда глаза пастора устремились прямо на нее. Джейс пожал ее руку успокаивающим жестом, и из-за этого легкого прикосновения она любила его еще больше.

Если бы только он мог полюбить ее в ответ. Мэдди упрекнула себя — снова думает о том, чего не может быть. Джейс не хотел испытывать эти чувства. Он верил, что любовь помешает достижению профессиональных целей. И даже если бы он был убежден в обратном, у них не было бы реального будущего. Не с ее тайной.

Музыка наполнила большой бальный зал, и начались танцы. Как и было обещано, Джейс танцевал с Долли. Счастливая улыбка на лице девушки растопила сердце Мэдди. Из-за плеча Долли Джейс подмигнул Мэдди, и она улыбнулась ему в ответ, сияя от гордости.

К удивлению Мэдди, когда музыка закончилась, Долли подошла к ней.

— Мэдэлайн, я хочу тебе кое-что сказать.

Мэдди огляделась: не заметил ли кто-нибудь из Хоглов смелого поступка девушки?

— Если ты беспокоишься о Мэттью, будь уверена, его здесь нет.

— Он не здесь?

Долли покачала головой.

— Дядя отправил его в Альтамонт под предлогом важного поручения.

— Что ты имеешь в виду?

Долли улыбнулась.

— Я сделала это, Мэдэлайн. Я открылась перед дядей сегодня днем. Я сказала ему, что если он заставит меня выйти за Мэттью, я буду ненавидеть его вечно.

Мэдди в изумлении уставилась на нее.

— Я сначала не поверила в его ответ. Это было... так неожиданно, — слезы хлынули из глаз Долли. — Он сказал мне, что потеряв дочь, он не готов потерять еще и племянницу.

Мэдди тяжело восприняла слова пастора. Элизабет была его единственным ребенком. Только открытая ненависть к Мэдди позволяла ему переживать горе потери.

— Он сообщит Мэттью новости по возвращении из Альтамонта, — с улыбкой сказала

Долли.

— Я так счастлива за тебя, Долли, — Мэдди увидела, что пастор Хогл вытянул шею и смотрит в их сторону. — Тебе лучше вернуться к своим, — сказала она, похлопав девушку по руке.

Долли вернулась к своей семье, и Мэдди не могла не заметить, что она почти летит через зал на крыльях радости.

— Потанцуешь со мной? — Джейс возник рядом с Мэдди из ниоткуда и протянул руку. Мэдди приняла ее, и Джейс провел ее через переполненную комнату на пустынную веранду для следующего танца.

Он прижал ее к себе, и тело Мэдди отреагировало на его прикосновения так же, как и всегда. Это была магия. Ее пульс стал быстрее, а чувства вспыхнули огнем. Он был таким теплым — приятный контраст с мягким холодком ветерка на ее коже. Они танцевали под звездами, и их тела двигались как одно целое.

Это был идеальный танец, и Мэдди будет помнить его всегда. Если у нее не останется ничего другого, воспоминания об этих последних, настолько чудесных, прекрасных неделях, смогут радовать ее до конца ее дней. Все это закончится завтра, но она не готова была думать об этом сейчас. Джейс пока принадлежал ей. Она прижалась к его плечу. Его чудесный запах ласкал ее ноздри, и она закрыла глаза, вдыхая его. Мэдди смаковала присутствие Джейса, чтобы никогда не забыть, чтобы всегда помнить о нем.

* * *

Джейс ощущал рядом с собой тепло Мэдди, его мысли кружились в такт музыке. Ощущение ее стройного тела в руках сводило его с ума, ему приходилось бороться за контроль.

Но агония возбуждения ему даже нравилась. Ледяной прием, который оказали на вечере Мэдди, тяжелым грузом лежал на его сердце. Даже когда люди открыто избегали ее, она оставалась невозмутимой. Мэдди была замечательной женщиной, и ее прошлое не должно было иметь значения. Она была яркой и сострадательной, обладала силой и стойкостью, которые поражали его. Он не знал никого похожего на нее.

Мысль о том, что Мэдди скоро вернется к своей изолированной жизни, грызла Джейса. Он представлял ее, день за днем, сидящую в своей комнате, вырезая эти деревянные ящички. По крайней мере, пока они были якобы помолвлены, она выходила из дома. Заставлять себя встречаться с людьми каждый день было нелегко, он знал, но ей это пошло на пользу.

Ее благополучие беспокоило его не так, как это могло бы быть с пациентом, а как мужчину, который заботился о женщине. Как бы ему ни хотелось, чтобы это было не так, он не мог этого отрицать. Неудача с Кэти вызвала его интерес к Мэдди. Но теперь это было нечто большее.

Он будет скучать по ней каждый день. Джейс привык к ее присутствию в офисе, и он будет скучать даже по послеобеденному кофе, который они часто пили вместе. Он вдруг понял, как тихо будет в доме без нее. Как ему будет одиноко без нее.

— Я подумал, Мэдди, что ты могла бы остаться в офисе, — сказал он.

Она посмотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Правда?

Он кивнул так сухо, как только мог.

— Ты наилучшим образом организовала мои записи, и к тому же, умеешь сохранять спокойствие во время чрезвычайных ситуаций. Я о том и говорил, когда сказал, что из тебя выйдет хорошая медсестра. Мне не всегда нравится твоя властность и самоуправство, но мне будет очень не хватать твоей помощи.

Она улыбнулась.

— Честно?

Дразнил ее голос, дразнила ее рука, откинувшая волосы с плеча. Мэдди Саттер была настоящей хитрой лисичкой. Лунный свет сиял на ее кремовых плечах и шее. Ее пьянящий запах веял вокруг него, как невидимые руки, притягивая его к себе. Джейс хотел ее больше всего на свете.

— Чего еще конкретно тебе будет не хватать? — спросила она.

Ее губы дрожали от наглой усмешки.

— Вашего прекрасного почерка, — поддразнил Джейс.

— И все?

— Если хочешь больше комплиментов, то лучше я прыгну в озеро.

Он мотнул головой в сторону воды.

Она улыбнулась от уха до уха.

— О, доктор, вы просто душа, когда выходите из образа, — она наклонилась ближе. — Тебе нравится, что я рядом, Джейс Меррик, признайся.

Он покачал головой, и она засмеялась.

— Ты вымогатель, — зарычал он.

— Возможно, — она пожалала плечами. — Но я тебе все равно нравлюсь.

Он закружил ее, их тела плотно прижимались друг к другу. Музыка лилась из открытых дверей. Запах озера и свежий ночной воздух наполняли его чувства, и он чувствовал себя таким живым. Пробудившимся.

На мгновение Джейс позавидовал Лестеру и Амелии. Желание жениться на женщине было чем-то, что Джейс считал для себя странным. Ничто не могло удержать его интерес так надолго, как медицина. Он был в этом уверен. Однако сегодня вечером, когда Мэдди была в его объятиях и играла музыка, Джейс внезапно задался вопросом, возможно ли, что такой мужчина, как он, когда-либо сможет сделать женщину счастливой.

Джейс думал о своих родителях и об их несчастливом браке. Его мать страдала от молчаливого невнимания мужа и его непоколебимой приверженности своей профессии. И Джейс был так же предан делу. Он не знал другого пути. Он не мог себе представить, что подвергнет яркую женщину, которую держал в объятиях, той же боли, которую испытала его любимая мать.

Мэдди заслужила мужчину, который мог бы заботиться о ней. Человека, который мог быть с ней не в перерывах между капельницами и таблетками, а навсегда.

Он должен прервать танец сейчас же, отпустить Мэдди и жить дальше без нее.

Мэдди взглянула на него, и страсть затмила Джейсу разум. Ее глаза блестели при лунном свете. Она была такой красивой. Не в силах устоять, он наклонился к ее волосам, вдыхая аромат цветов и дождя. В венах Джейса билось так много чувств. У него была еще одна ночь, еще один шанс насладиться тем, что они чувствовали друг к другу. Что бы это ни было. И, да поможет ему небо, он возьмет ее сегодня.

Джейс остановился, взял ее за руку. Игнорируя удивленное выражение лица Мэдди, он завел ее за угол веранды, а затем — в тень. И поцеловал. Страстно.

Мягкий стон подстегнул его желание. Джейс провел руками по талии Мэдди, по ее бедрам. Она прижалась к нему своим телом, притягивая ближе.

— Джейс?

— М-м-м?

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

Лаская ее ягодицы, Джейс сжимал их и гладил. Разговор был последним, о чем он думал, притягивая Мэдди к своей твердости. Его время утекало с каждым мгновением, и единственное, от чего он сейчас себя с трудом удерживал — это от того, чтобы задрать ее юбки и взять ее, жестко и быстро, прямо тут, у стены.

— Позже, — он куснул ее ухо. — Давай поговорим позже.

Мэдди кивнула, выгибаясь навстречу поцелуям, которыми Джейс покрывал ее шею. Ее кожа была такой вкусной. Он впился в ее губы, желая большего. Погружаясь в теплые глубины ее рта, он целовал Мэдди, теряя остатки разума.

Звук смеха донесся до них из-за угла. Джейс прервал поцелуй и прижал губы к уху Мэдди.

Его попытка говорить шепотом провалилась. Джейс почти рычал:

— Встретимся в моей комнате в полночь.

— Полночь, — вздохнула она, пытаясь выровнять дыхание.

Джейс неохотно отпустил ее и повел обратно в зал. Губы Мэдди горели от его поцелуя, когда они входили в освещенный зал. А Джейс совершенно ослабел от желания.

* * *

У Мэдди было меньше часа до того, как она должна была встретиться с Джейсом. После обсуждения некоторых последних свадебных приготовлений с Амелией, она выскользнула из бокового выхода отеля, сжимая украденное из одной из чаш с фруктами яблоко.

Несмотря на все доводы разума, Мэдди не смогла отговорить себя от помощи раненой лошади мистера Белдена. Неудача с Долли была еще свежа в ее мыслях, и Мэдди не могла ее игнорировать. Но спасение лошади стоило риска. Эта способность появилась у Мэдди не просто так, и если был шанс, что она может спасти бедное животное, она должна была попробовать.

Надеясь, что никто не заметит, Мэдди на глаз прикинула расстояние до большого амбара, где находилась конюшня. Она оглянулась, сосчитала до трех, а потом поспешила через освещенный лунным светом газон. На озере скрипели сверчки. У берега квакали лягушки. Ускорив темп, она добежала до амбара незамеченной.

Мэдди распахнула тяжелую дверь и нырнула внутрь. Когда глаза привыкли к полумраку помещения, она скользнула вглубь в лучах лунного света, струящегося из маленьких окон наверху. Резкий запах навоза стал сильнее, когда она подошла к длинному ряду занятых лошадьми денников.

Мэдди заметила раненого коня. Правое переднее копыто его было перевязано белой повязкой. Не в силах стоять на травмированной ноге, лошадь стояла на трех ногах, чуть

оторвав раненое копыто от земли.

Мэдди грустно склонила голову.

— Ты симпатичный парень, не так ли? — промурлыкала она. Подойдя к двери денника, она протянула яблоко, поморщившись, когда конь захромал к ней. Фыркнув, лошадь выхватила лакомство из ее руки. — Бедный мальчик.

Пока конь жевал, Мэдди гладила его мягкую шею.

Лошадь в соседнем деннике всхрапнула, и Мэдди обмерла от страха. Глубоко дыша — вдыхая крепкий запах навоза, — она попыталась прийти в себя.

— Я еще большая трусиха, чем ты, — пробормотала она, глядя мокрый нос раненой лошади.

Страх снова всколыхнул раздумья. Неудачная попытка помочь Долли только усиливала этот страх. Мэдди могла уйти сейчас — оставить это бедное создание на произвол судьбы — и вернуться, в целости и сохранности, в свою комнату. Собираясь с силами, она сделала еще один глубокий вдох.

— Обещаешь не рассказывать?

Как будто в ответ, конь поднял свою большую голову. Его темные глаза встретились с ее, и Мэдди поняла, что знает, что делать. Она сняла перчатки и отперла дверь денника.

* * *

Прошел мучительно длинный час после их танца, а Мэдди все еще не пришла в комнату Джейса. Конечно, манеры важны, но что ее может задерживать? Он пожал плечами, накинул пиджак и направился к лестнице в комнату Мэдди. Его тело ныло от предвкушения. Целуя ее, касаясь ее, он только распалил желание, и оно становилось все сильнее.

Отмахнувшись от опасений по поводу возможного риска, Джейс поспешил через холл. Мэдди хотела этого так же сильно, как и он. И он не хотел ничего другого, кроме как дать ей то, чего она хочет. Что плохого в том, чтобы насладиться их романом? Они оба не хотели вступать в брак, так что все было вполне разумно. В любом случае, на выходные они могут себе это позволить.

Он поднялся по лестнице, обошел угол и столкнулся лицом к лицу с Амелией.

— Джейс, — выдохнула она.

Он почувствовал себя нашкодившим ребенком, попавшимся с поличным. Джейс искал слова, горло его сжалось.

— Я...

— Не надо мне объяснять, — махнув рукой, сказала она. — Но я хотела поговорить с тобой, если не возражаешь.

— Совсем нет, — сказал он, хотя на беседу был явно не настроен.

— Я знаю Мэдди уже давно, — начала Амелия. — И она объяснила мне обстоятельства вашей помолвки. — Амелия внимательно смотрела на него. — Вернее, вашей притворной помолвки. А еще я заметила, как она смотрит на тебя. Мэдди через многое прошла, и я не хочу, чтобы она страдала.

— Я тоже.

— Я рада это слышать, — кивнула она. — Итак, прежде чем ты войдешь в ее комнату, я

надеюсь, ты подумаешь о том, что лучше для нее?

Джейс сузил глаза.

— И что же для нее лучше?

— Мэдди должна покинуть Мисти Лейк, Джейс. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Ради бога, ты видел сегодня все. Только так она сможет обрести будущее, которого заслуживает.

— Разве это не должно быть ее решение?

— Да, — она кивнула, рыжие кудри плясали вокруг серьезного лица. — Но она не станет думать об этом, если влюбится в тебя.

Джейс застыл.

— Она не влюблена в меня.

Амелия наклонила голову.

— Ты уверен насчет этого?

Джейс молча смотрел на нее, не зная, что сказать. Конечно, Мэдди им увлеклась. Она была одинока, и он был первым человеком, который проявил к ней хоть какое-то внимание за три долгих года. Но любовь?

— Я знаю, это не мое дело, но Мэдди моя подруга. Если ты не готов связать с ней свое будущее, возможно, тебе не стоит позволять ее чувствам расти. Поскольку уже далеко за полночь, и ты стоишь на пороге ее комнаты, я могу только предположить, что произойдет, если ты его переступишь. Ты заботаешься о ней. Это всем видно. Но ты должен сделать то, что лучше для нее.

— Она не бросит своего дедушку. И даже если она согласится, куда ты предлагаешь ей поехать?

— Бостон.

Джейс моргнул — ответ, казалось, был готов.

Амелия подняла подбородок.

— Филипп любит ее. Я думаю, что он всегда ее любил. Мой кузен признался мне, что если бы ему дали такую возможность, он бы хотел забрать Мэдди в Бостон и сделать ее своей женой.

Джейс сжал кулаки так сильно, что ногти вонзились в кожу

— Неужели?

— Именно так. Я говорю тебе это только сейчас, потому что я спрашиваю себя, не будет ли такой выход идеальным для Мэдди. Уехать из этого города и от людей, которые мучают ее, — лицо Амелии погрузнело. — Я начинаю бояться за ее безопасность. Долли говорила кое о чем, о какой-то угрозе, — она коснулась руки Джейса. — Возможно, если бы ты убедил ее...

Джейс не знал, что сказать. Угроза или нет, Амелия была права. Он знал, что Мэдди должна уехать из города, но не хотел ее отпускать. Но даже если он сделает ее своей, она никогда не будет здесь счастлива. Эти дураки этого не допустят.

Он представил Мэдди и Филиппа вместе, и его грудь сжалась — как и кулаки. Он не сомневался, что Филипп влюблен в Мэдди и сделает все возможное, чтобы сделать ее счастливой. Эта мысль должна была немного утешить Джейса, но вместо этого ему стало только хуже.

— Подумай об этом. Пожалуйста, — Амелия мягко сжала его руку. — Ты хороший человек, Джейс Меррик. Ты сделаешь так, как нужно, я знаю.

Она спустилась по лестнице, а Джейс застыл, словно примерзнув к земле. Он хотел окликнуть Амелию, запротестовать, сказать, что она неправа. Здравый смысл удержал его ноги на месте и рот — на замке. Он покачал головой, ненавидя себя за чувства, которые испытывал. Он должен был знать лучше, ему не стоило заходить с Мэдди так далеко, но было слишком поздно для сожалений.

Чувство вины при этой мысли было ошеломляющим. Потому что глубоко в душе, утопая в омуте своих противоречивых эмоций, он ни о чем не жалел.

Мэдди закрыла за собой дверь денника и натянула на руки перчатки. Она выбежала из сарая почти бегом, подобрав юбки. Мэдди не была уверена, что ей удалось исцелить лошадь, но животное определенно выглядело более резвым. Настолько, что решив проверить повязку на ноге, она едва не получила по голове копытом.

Мэдди поспешила пересечь влажную от росы лужайку. Остановившись возле боковой двери отеля, она перевела дыхание, а затем бесшумно скользнула внутрь.

— Мисс Саттер?

Мэдди замерла.

— Филипп, — сказала она. — Ты напугал меня.

Он подошел к ней, обдав сильным запахом коньяка.

— Я просто хотела подышать свежим воздухом, — сказала она, обхватывая себя за плечи.

Он взглянул в сторону двери.

— Одна?

Она кивнула.

— Если бы ты была моей, я бы никогда не отпускал тебя, — простые слова обезоруживали. Как и искренность в его глазах.

— Филипп...

— Прости меня, — он улыбнулся, покачав головой. — Я слишком много выпил.

Он поцеловал ее руку в перчатке.

— Спокойной ночи.

Филипп ушел, без сомнения, смущенный своей прямоотой. Мэдди почувствовала себя виноватой, хотя не была уверена, почему. Она не сделала ничего, чтобы поощрить намерения Филиппа. Это была не ее вина. Он надеялся на большее, но большего она ему дать не могла. И хотя ей было жаль этого милого молодого человека, она не могла растрачивать драгоценное время, думая о нем. Джейс ждал.

Было уже за полночь, и Мэдди опаздывала. Ее тело гудело от возбуждения, предвкушая скорую встречу. Но сначала ей нужно было сменить грязные туфли.

Как же она ненавидела врать Джейсу. Она так хотела рассказать ему свой секрет, и сегодня была близка к этому, как никогда. В его объятиях — в волшебстве того момента — казалось таким правильным поделиться с ним тем, чем она не могла поделиться больше ни с кем. Она почти убедила себя, что он поймет. Что он сохранит ее тайну, и, возможно, поможет ей разобраться в этом даре. Он ведь так хорошо разбирался в самых разных вещах.

Но он не мог помочь ей. И он будет презирать ее за ее дар. Что бы он ни чувствовал сейчас, это чувство умрет верной и страшной смертью после откровения.

Когда Мэдди добралась до своей комнаты, Джейс стоял прямо за дверью.

— Где тебя носило? Я ждал здесь двадцать минут.

Его сердитый тон огорошил ее.

— Меня задержал Филипп внизу.

Джейс нахмурился.

— Скорее. Заходи, пока нас никто не увидел.

Он почти заставил ее войти в комнату.

— Что-то случилось?

— Надо поговорить, — сказал Джейс, тихо закрывая за ними дверь.

Комната в сравнении с холлом казалась темной. Лунный свет лужей разлился на полу. На кровати.

— Поговорить? — бросив шаль на стул, Мэдди медленно приблизилась. Она не собиралась тратить время на разговоры. — Я надеялась на большее, чем просто поговорить.

Она улыбнулась, обняв его за шею. В мгновение ока напряженные плечи Джейса расслабились, и его реакция только усилила ее возбуждение. Тени и лунный свет танцевали на его красивом лице.

— Вообще-то, я предпочитаю, чтобы мы вообще не разговаривали.

— Мэдди...

— Джейс, — она почти мурлыкала, глядя его по мягким волосам.

Джейс потянулся к ее ладоням и убрал их, заставив Мэдди опустить руки по бокам.

— Мы должны поговорить.

Она вздохнула, сдавшись.

— Что такое?

Он поджал губы, потом открыл рот, но ничего не сказал. Она закатила глаза, с нетерпением ожидая, пока он подберет слова.

— Джейс?

— Думаю, тебе стоит покинуть Мисти Лейк.

Она моргнула, сомневаясь, что услышала все правильно.

— Ты заслуживаешь гораздо большего, чем... — он махнул рукой между ними. — Это.

Ее сердце упало.

— Ты заслуживаешь того, с кем сможешь начать новую жизнь. Кого-то, кто в состоянии забрать тебя отсюда.

Она сузила глаза, покачав головой.

— Что ты хочешь сказать?

— Филипп.

Мэдди замерла, не в силах сказать и слова. Не в силах дышать. Прошли мгновения, прежде чем она смогла заговорить:

— Ты предлагаешь мне округить Филиппа? — ее собственный голос звучал странно. Мэдди отвернулась, сжав руки, чтобы они не дрожали.

— Просто послушай, что я хочу сказать.

Она закрыла глаза. Пульс яростно стучал в висках.

— Филипп может забрать тебя из Мисти Лейк. Подумай об этом, Мэдди. Целая новая жизнь в Бостоне, где люди не отравлены всей этой ерундой и слухами, которые преследуют тебя здесь.

— Филипп? — повторила Мэдди, обернувшись к нему. — Ты говоришь мне выйти замуж за Филиппа?

— Он любит тебя. Это видно.

Она смотрела на него, едва удерживаясь на ногах. Обжигающие слезы огнем жгли горло. Мэдди тяжело проглотила их, чуть не задохнувшись. Ей и так было тяжело думать о том, что их с Джейсом время заканчивается, но это — его холодные слова о том, что ей следует просто найти себе другого мужчину, были намного хуже, чем все, что она представляла. Ей хотелось умереть на месте.

— А что насчет тебя?

Его плечи упали.

— Ты мне нравишься. Надеюсь, ты это знаешь. То, что произошло между нами, было по моей вине, и я не могу вернуть это обратно. Но я хочу только лучшего для тебя.

Мэдди подавила горький смех. Она была душой, когда решила, что чувства Джейса к ней могут однажды стать чем-то большим, чем странное сочетание похоти и жалости.

Она подняла дрожащий подбородок, ее грудь болела от рыданий, которые она была полна решимости сдержать.

— Ты забываешь о дедушке.

— Тебе не стоит волноваться. Я буду присматривать за ним. Я обещаю тебе. Он будет рад узнать, что о тебе хорошо заботятся в Бостоне. И ты бы знала, что здесь о нем тоже хорошо заботятся.

— Как обычно, ты для всего придумал разумное решение.

— Мэдди...

— Я ценю твои планы относительно моего будущего, но я сама решу, что лучше для меня, — она ударила себя кулаком в грудь. — Я буду решать. Не ты. — Мэдди сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Я не одна из твоих пациентов, доктор Меррик. Ты ничего не знаешь о том, что лучше для меня. Ты не знаешь даже, что лучше для тебя самого.

— И что это значит?

— Это значит, что ты трус, — она выпрямила спину, ненавидя Джейса всей душой. — Возможно, когда-нибудь ты найдешь в себе смелость выйти из-за щита здравого смысла, за которым прячешься. Пока ты не поймешь, что логика и наука не определяют все на свете, ты не сможешь жить по-настоящему. — Она с отвращением покачала головой. — Спокойной ночи.

Джейс ошеломленно смотрел на нее.

— Спокойной ночи, — повторила Мэдди.

Он повернулся и вышел за дверь.

* * *

На следующее утро Мэдди проснулась с головной болью. Она плакала до утра, пока бесконечная ночь не ушла в рассвет, и теперь хотела только натянуть на голову одеяло и исчезнуть.

Джейс не хотел ее видеть. Она закрыла глаза, но не могла заставить себя забыть его лицо.

Глубоко вдохнув, Мэдди открыла глаза и уставилась на потолок прекрасного гостиничного номера. Потом взглянула в большое окно, на яркий веселый день.

Потерев виски, сосчитала до десяти, и это упражнение успокоило ее и помогло очистить голову. Выходные почти закончились, и она переживет это. Она переживет свое разбитое сердце. Она пережила кое-что гораздо хуже.

Отшвырнув одеяло в сторону, Мэдди вскочила. Она переживет этот чертов день, а потом больше никогда не посмотрит на Джейса Меррика.

Несмотря на ярость, сердце ее сжималось. Она уже по нему скучала.

От мучительного осознания собственной вины было не легче. Она уцепилась за Джейса с самого начала. Она соблазнила его. Он пытался предупредить ее, что не хотел, чтобы Мэдди сделала то, что, как он знал, было бы ужасной ошибкой.

Мэдди выхватила свое платье подружки невесты из высокого шкафа и бросила на кровать, ненавидя сам его вид. Умываясь, причесываясь и одеваясь, она немного отвлеклась от мыслей от Джейсе.

Мэдди поспешила по коридору в комнату Амелии. На время, отмахнувшись от мыслей о Джейсе, она сумела даже улыбаться, помогая подружке одеться.

Амелия прекрасно выглядела в своем шелковом платье. Ее рыжие волосы были красиво уложены под флердоранжем ^[8].

Церемония прошла как в тумане. Амелия выглядела сияющей невестой, Лестер выглядел счастливым женихом, а Джейс не произнес ни слова. Мэдди плакала вместе со всеми, хотя большинство ее слез были слезами сожаления о самой себе. Пара отправлялась в медовый месяц к Ниагарскому водопаду сразу после церемонии, и Мэдди не могла дожждаться момента, когда поедет домой.

Она была на свадьбе и выполнила то, что обещала Амелии. Больше она ничего не была никому должна. Она скучала по бабушке. Она хотела укрыться в безопасности своего дома — своей комнаты. Вдали от Джейса. Вдали от мужчины, которого она любила.

Мэдди взглянула на него краем глаза, затем вытерла слезы и стала снова махать молодоженам. Ликующая пара только что села в коляску, которая унесет их в новую жизнь, где они будут жить долго и счастливо.

Несмотря на то, что она не сказала это вслух, эти три слова заставили ее рыдать сильнее. Стоя среди толпы, Мэдди чувствовала себя такой одинокой. Экипаж выкатился на дорогу, все выкрикивали пожелания, поздравления, желали счастливого пути. Коляска исчезла за углом, и успокоившаяся толпа начала расходиться.

Филипп заметил Мэдди и кивнул ей. Мэдди улыбнулась, быстро отводя взгляд. У нее сейчас не было сил разбираться с Филиппом. Она застыла, заметив, что пастор Хогл и Даниэль стоят поодаль, рядом с лошадью, которую мистер Белден вывел из конюшни. Они вдруг обратили свое внимание на Мэдди, и дрожь надвигающейся гибели поползла по ее позвоночнику.

Враждебный взгляд пастора Хогла пронзил ее. Он указал пальцем на Мэдди.

— Вот!

Она вздрогнула, сердце заколотилось.

Толпа разошлась, когда пастор Хогл направился к ней. Гравий хрустел под каждым гневным шагом.

— Посмотрите, что она наделала!

Джейс сделал шаг вперед.

— Что происходит?

Пастор Хогл указал на лошадь.

— Она исцелила это животное!

— Я видела ее! — завопила Гертруда. — Я видела, как она тайком выходила из конюшни прошлой ночью. Люсинда и Долли тоже видели ее!

— Мы видели. Мы видели ее! — рыдала Люсинда.

Грудь пастора вздымалась, пока девушки оглашали свои обвинения.

— Вы сами сказали, доктор, что лошадь придется усыпить. Что вы можете сказать

сейчас?

Джейс покачал головой.

— Что это нападение на мою невесту совершенно нелепо.

Пастор Хогл повернулся к собравшимся, обращаясь к ним, словно к прихожанам со своей кафедры. Огонь ярости горел в его голосе.

— Мы все знаем, что она сделала с моей племянницей, — он указал на Долли, которая опустила глаза. — Она наложила на нее руки, и мы все увидели результат.

Мэдди покачала головой.

— Это был несчастный случай!

Пастор Хогл повернулся к ней лицом.

— Еще один несчастный случай, вызванный вами!

Мэдди замерла, когда толпа надвинулась на нее.

— Это полная чушь! — Джейс подошел к пастору, сжав кулаки. — И это клевета. Она не приближалась к лошади.

— О, да, она приближалась к лошади! — крикнула Гертруда. — Только посмотрите на эти туфли! — Гертруда подняла пару испачканных ботинок, которые она, должно быть, стащила из комнаты Мэдди. — Они наверняка были в конюшне.

Мэдди ослабела, она не могла сдвинуться с места.

— Вы забрали ее туфли? — Джейс недоверчиво уставился на Гертруду. — Боже правый, это зашло достаточно далеко.

Он повернулся к Мэдди.

— Давай, пойдем отсюда.

— Выйди и признайся в своих поступках! — закричал пастор Хогл Мэдди. — Признайся в своих злодеяниях!

Страх сжал ее сердце. Она не могла пошевелиться. Ее взгляд метался над десятками потрясенных и ожидающих лиц.

— Мэдди, пойдем, — Джейс обнял ее, как будто это могло помочь. Но его защита была бесполезна. Ничто не могло ее защитить.

Мэдди покачала головой, паника лишила ее способности мыслить.

— Я...

— Мисс Саттер!

Все повернулись к несущемуся по дорожке всаднику. Пыль и гравий взметнулись из-под копыт, когда всадник остановил лошадь.

— Мисс Саттер!

Мэдди вытянула шею, прислушиваясь к знакомому голосу. Гил спрыгнул с коня и двинулся к ней через толпу.

Напряженная тишина растянулась до бесконечности. Сердце Мэдди лихорадочно билось — теперь уже от страха.

— Отойдите в сторону, — рыжеволосый запыхавшийся Гил отпихнул пастора Хогла.

Мрачное выражение на лице Гиля превратило кровь Мэдди в лед. Джейс ухватил ее за руку, помогая устоять на ногах, и она сжала его пальцы, нуждаясь в поддержке.

— Что случилось, Гил? — прохрипела она. — Что случилось?

Гил глубоко вздохнул, боль исказила его лицо.

— Идемте же скорее, мисс Саттер, — сказал он. — Ваш дедушка.

Мэдди понеслась через весь дом в комнату своего деда, и Джейс последовал за ней по пятам. Мистер Саттер лежал в большой кровати, его пустые глаза были устремлены к потолку. Она держала дедушку за руку, пока Джейс быстро осмотрел его. Он посмотрел в глаза старику, но уже знал, что увидит.

— Он не реагирует, Мэдди.

Она тяжело сглотнула.

— Что это значит?

— Он умирает.

Ее губы задрожали, но она не ответила. Покачав головой, Мэдди повернулась к кровати и присела на колени, положив голову на грудь дедушки. Ее стройные плечи затряслись от тихих рыданий.

— Мы должны обеспечить ему покой. Больше мы ничего не сможем сделать, — Джейс выпрямил раздутые ноги старого мужчины, положил подушку под его колени.

— Я не должна была оставлять тебя, дедушка, — произнесла Мэдди. — Прости меня.

Джейс коснулся ее спины, но она отшатнулась.

— Оставь нас в покое! — Мэдди покачала головой. — Просто оставь нас в покое.

Она прижала хрупкую руку дедушки к щеке и, тихо бормоча, убрала волосы от его лица.

Джейсу оставалось только смотреть. Он ощущал себя таким беспомощным. Из всех эмоций, которые он испытывал как врач, это чувство было худшим. В отличие от своего отца, Джейс мог принять обескураживающие и разочаровывающие ограничения медицины. Но от этого не становилось легче.

Он приложил все усилия, чтобы пациенту — Адаму Саттеру — было комфортно, пока он уходил из этого мира. Этот хороший человек, которого Джейс полюбил и которым восхищался, был первым пациентом, которого он потеряет здесь, в Мисти Лейк.

Он ушел, потому что Мэдди попросила, но он не оставит их одних. Адам скоро умрет, и ему не нужен был Джейс. Мэдди была ему нужнее. А потом Мэдди будет нужен он, чтобы помочь пережить горе потери. И Джейс будет рядом, когда она будет в нем нуждаться.

* * *

Часы шли медленно, расстояние между тяжелыми вдохами и выдохами дедушки все увеличивалось. Каждый следующий звук был слабее. Мэдди очень хорошо знала, что не может помочь. Зачем ей была дана эта способность исцелять, если она не могла помочь единственному в мире человеку, которого любила?

Воспоминания о жизни дедушки наполнили тишину, плывущую, словно тени, перед ее затуманенными от слез глазами. Смекалистый бизнесмен, сильный мужчина, носивший свою внучку на гордых плечах, красавец, заставлявший женщин падать в обморок.

Мэдди взглянула на снимок бабушки и родителей, стоящий на камине. Как и она, дедушка многое потерял. И все же, год за годом, теряя здоровье, он никогда не жаловался.

Джейс сидел в углу комнаты позади нее. Она настаивала, чтобы он ушел, но Джейс

остался в доме. Пока она плавала в тумане своего горя, он вернулся в комнату, и у нее не было сил приказать ему выйти. Мэдди сказала себе, что дедушке может понадобится доктор, хотя, глубоко в своем сердце, она знала, что это неправда. Если кому и может быть нужен Джейс, то это ей.

Дедушка издал какие-то тихие звуки, не звуки боли, но тихие звуки, которые сказали Мэдди, что он знает, что она здесь. Где-то там, глубоко внутри его увядшего тела он чувствовал, что она рядом. Мэдди схватила его за руку.

— Все будет хорошо, дедушка, — прошептала она ему на ухо. Пальцы его чуть дрогнули, и слезы покатались по ее щекам. — Со мной все будет хорошо.

Долгий вздох вырвался из его груди, и все замерло. Мэдди поднялась на ноги, из ее груди вырвалось рыдание.

Джейс поспешил проверить пульс старика. Он прижал свой стетоскоп к груди дедушки Мэдди, затем отступил, его глаза были полны печали.

— Его больше нет.

Она опустилась на стул. Закрыв лицо руками, Мэдди заплакала. Поджав к груди колени, она оплакивала всю свою жизнь. Она плакала о дедушке — о человеке, которого так любила. О человеке, который растил ее после смерти родителей, о человеке, который сделал для нее все возможное. И она плакала о себе. Потому что, несмотря на все ее молитвы и бесплодные надежды, дедушка ушел.

И когда настанет новый день, она останется совсем одна.

* * *

Она была будто во сне, когда Джейс, наконец, привел Мэдди в ее комнату. Мэдди сидела в кресле у окна, пока он тихо говорил с Реттой в холле. Через несколько минут Джейс вернулся и подал ей бокал с бренди. Не говоря ни слова, Мэдди выпила, радуясь горькому вкусу и успокаивающей дымке, окутавшей тело.

Она сидела в кресле у окна, наблюдая, как день превращается в сумерки.

Они не разговаривали. Ей нечего было сказать.

Джейс уговорил ее лечь в постель. Он поднял одеяло, чтобы прикрыть ее, и она отвернулась от него на бок. Лежа лицом к стене, Мэдди уткнулась лицом в подушку и зарыдала, как ребенок. Потерянный, испуганный ребенок.

Матрас прогнулся под весом Джейса, когда он лег позади нее. Притянув Мэдди к себе, он обнял ее и держал так, в тишине, его тело плотно прижималось к ее телу. И она успокоилась в этом коконе безопасности и тепла.

Его сочувствие было почти невыносимым. Теперь она понимала, что Джейс никогда не намеревался причинять ей боль. Она сама виновата, что позволила себе влюбиться в него. Он пытался предостеречь ее от отношений с ним с самого начала. Она была так полна решимости соблазнить его, что не думала о том, что будет с ней после того, как все кончится. Она была слишком глупа, слишком хотела попробовать то, что, как она знала, вряд ли будет иметь в своей жизни.

А теперь дедушка умер.

Мэдди уснула на этой полной отчаяния мысли, отчаянно пытаюсь спрятаться от горя

следующего дня. Часть ее надеялась, что она никогда не проснется. Но она проснулась. В объятиях Джейса.

Ей удалось освободиться от объятий, повернувшись к нему. Джейс спал спокойно, и у нее была пара минут, чтобы изучить его лицо. Желание прикоснуться к нему, почувствовать под пальцами щетину его небритой щеки переполняло ее. словно почувствовав это, он открыл глаза.

— Ты проснулась, — сказал он, протирая глаза.

— Мне еще многое нужно сделать, — Мэдди перебралась через него и поднялась на ноги. — Мне лучше спуститься вниз.

Джейс покинул спальню, чтобы она могла освежиться. После короткого разговора с Реттой внизу, Мэдди направилась в гостиную, где Джейс пил кофе. Он оставил свою чашку, когда она вошла.

— Чем я могу вам помочь? — спросил он, поднимаясь.

Она покачала головой.

— Ты сделал достаточно, — сказала она. — Дедушка хотел, чтобы его похоронили на семейном кладбище вместе с моими родителями. Он настоял, чтобы только Ретта, Гил и я присутствовали на его похоронах.

Джейс выглядел разочарованным.

— Я могу остаться...

— Нет. Спасибо, — сказала Мэдди. — Гил пошел за гробом.

Она потянулась за письмом на камине.

— Дедушка оставил это Гилу. А это адресовано тебе.

Джейс взял письмо.

— Что это такое?

Мэдди пожала плечами.

— Понятия не имею, — честно ответила она.

Джейс спрятал письмо в карман пальто.

— Спасибо тебе, Джейс. За прошлую ночь.

— Мэдди...

— Все будет хорошо, — сказала она. — И хочу, чтобы ты знал, что я решила покинуть Мисти Лейк.

Она взглянула ему прямо в лицо. Подняв подбородок, Мэдди попыталась справиться с очарованием его поразительных голубых глаз.

— Теперь, когда дедушка умер, меня здесь ничто не держит.

* * *

Мэдди тщательно уложила большую кучу маргариток на могиле дедушки. Прошло всего пять дней, а она так скучала по нему. Слезы туманили взгляд, когда девушка смотрела на могилу, запах свежей земли заполнял ее ноздри.

Мэдди подняла взгляд к небу, к бездонной синеве и легким облачкам. Было так много вопросов и загадок, она чувствовала, что ее крошечный разум не сможет понять разгадки. Она знала, что дедушка там, его дух, его душа. Она чувствовала его так же ясно, как солнце

на лице и ветер в волосах.

Все ее семья лежала здесь, в вечном покое. Родители, которых она едва знала, а теперь и дедушка. Она покидала это место, но их любовь последует за ней.

Слеза скатилась по щеке Мэдди. Ее история тоже последует за ней.

Боль от потери друзей была частью ее сейчас, и эта боль будет с ней всегда. Но катастрофа принесла не только горе. Мэдди осознала, что она обрела сострадание и стала мудрее.

А еще знала, что если бы не авария, она бы вышла замуж за Даниэля, а значит, у нее никогда не было бы шанса по-настоящему влюбиться. Как бы плохо все ни закончилось с Джейсом, она не могла жалеть об этом.

Мэдди вытерла глаза и встала. У нее было много дел, и она больше не могла здесь оставаться. Отъезд из Мисти Лейк — к лучшему. Какое бы оправдание Джейс ни придумал для их разорванной помолвки, это неважно. Никому нет дела. Все были бы счастливы, зная, что наконец-то избавились от нее.

Она поедет в Бостон и начнет новую жизнь. Дедушка оставил ей наследство, и у Мэдди было более чем достаточно денег, чтобы начать все заново. Ей не нужно было бы работать, если бы она не хотела, но она подумала, что все равно попытается найти работу. Это может быть хороший способ найти друзей.

Чего бы она точно не хотела, так это искать Филиппа. Он прислал короткое письмо с выражением соболезнований, и она знала, что в Бостоне он будет более чем рад ее видеть. Но Мэдди не собиралась использовать Филиппа, чтобы отвлечься. Она переживет свои трудности в одиночку.

* * *

Джейс шагал туда-сюда по пустому кабинету. Он пытался наверстать упущенное на работе время, но не мог выкинуть Мэдди из головы. Он подошел к столу, чтобы снова перечитать письмо Адама Саттера.

Позаботься о ней, прошу тебя. Теперь ты — все, что у нее есть.

Он нахмурился. Теперь, когда дедушка Мэдди умер, она осталась одна. Джейс был уверен, что ее оставят в покое, позволив оплакать потерю. Она была в трауре, и люди уважали такое. Если повезет, ей удастся уехать из города без скандала.

Джейс бродил по дому. Все здесь напоминало о Мэдди. Каждая комната была украшена ее рукой в те дни, когда она пыталась сделать его офис настоящим домом. Увядающая сирень на камине, горшечный папоротник у двери. Она была бы хорошей женой.

От этой мысли щемило в груди. Работа Джейса — его пациенты — требовали постоянной заботы. В этом наполненном страданием людей мире не было места ни для чего другого. Не было времени на брак. Не было времени на любовь.

Но Мэдди не следует уезжать. Он посмотрел на деревянный ящичек, который она ему подарила. Драгоценный символ всего, через что она прошла.

— Черт с ним, — пробормотал Джейс, выходя из кабинета. Он накинул пальто и вышел

за дверь.

Джейс даже не заметил пути до дома Мэдди. Каким-то образом он стал ее защитником, ее другом, и теперь он не бросит ее. И все же войдя в дом, Джейс не совсем представлял себе, что станет делать.

Ретта привела его в гостиную. Прошло несколько минут, прежде чем появилась Мэдди.

— Чаю не нужно, Ретта, — сказала Мэдди сухо. — Ты можешь ехать в город, как и хотела.

С неловким кивком Ретта оставила их наедине.

— Как дела? — спросил он.

— Много дел, — сказала она. — У меня сборы в самом разгаре.

— Так ты действительно уезжаешь?

— Как можно скорее.

— Скажи мне, что ты уезжаешь по собственному желанию. Не по моему настоянию. Не потому, что они этого хотят. Не позволяй другим выгонять тебя из твоего собственного дома.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я не из-за тебя уезжаю. И не из-за них. Я уезжаю ради себя самой, — она подняла подбородок. — Этот дом — мой дом. Но за его стенами я — чужая. Пария. Я никогда не буду частью этого города. Никогда не буду членом женского кружка рукоделия или церковного хора. Мисти Лейк больше никогда не будет моим домом, — вымолвила она. — Мне потребовалось очень много времени, чтобы принять это.

— Почему ты ходила в конюшню той ночью?

Она застыла, руки сжались в складках юбки.

— Я отнесла яблоко раненой лошади.

Джейс внимательно слушал. Он не был уверен, верит ли Мэдди, но ей, кажется, было все равно. Он попытался снова.

— Ты собиралась сказать мне что-то в ту ночь, когда мы танцевали на веранде, — напомнил он. — Что именно?

Она покачала головой.

— Это больше не имеет значения, — она подняла подбородок. — Зачем ты вернулся сюда, Джейс?

— Мне нужно тебе кое-что сказать, и я хочу, чтобы ты послушала, — он указал на диван. — Пожалуйста, сядь.

— У меня нет времени...

— Садись, Мэдэлайн.

Она закатила глаза, плюхнувшись на диван напротив него.

— Ну, что теперь?

— Я хочу, чтобы ты осталась.

Ее брови взлетели в удивлении.

— Сначала ты хочешь, чтобы я уехала. Теперь — чтобы я осталась?

— Ты можешь остаться и продолжать работать со мной в офисе.

— Как твоя помощница?

— Как моя жена, — слова ошеломили его так же, как и ее.

Мэдди приоткрыла рот, потом прищурилась и с подозрением посмотрела на Джейса.

— Что написано в письме дедушки?

Он сделал глубокий вдох.

— Он попросил меня присмотреть за тобой.

Она нахмурилась.

— Понятно.

— Я хочу сделать это, Мэдди. Со мной ты в безопасности. И мы — хорошая команда.

Брак между нами имеет смысл.

Ее лицо покраснело.

— И все должно всегда иметь смысл, — прошипела она.

Он вздохнул, чувствуя, что проиграл.

— Я не могу выйти за тебя замуж. Но спасибо, что спросил. И за то, что попытался выполнить пожелание бабушки, — она поднялась, разглаживая юбки.

— Мэдди...

— Я не могу, — она покачала головой. — До свидания, Джейс.

Он грустно кивнул, признавая поражение. Она не будет принадлежать ему. В любом случае, не на его условиях. И поэтому лучше отпустить ее.

— Береги себя, — прошептал Джейс.

— Хорошо.

Джейс повернулся, буквально заставляя себя двинуться к входной двери. Он вышел на крыльцо и встретился лицом к лицу с Мэттью Вебстером.

Джейс замер на пороге, его удивление в мгновение превратилось в гнев. В голове зазвенел предупреждающий колокольчик. Потянув за собой дверь, он сделал шаг вперед.

Три слова, которые прорычал Мэттью, были более пугающими, чем сверкающий пистолет, который он вытащил из кармана жилета.

— Пусть убирается отсюда.

Джейс поднял руки, удерживая Мэттью на крыльце.

— Успокойся, Мэттью, — сказал Джейс так спокойно, как только мог. Его сердце колотилось. — Просто успокойся.

— Пусть убирается! — безумные глаза Мэттью расширились, когда он взмахнул пистолетом. — Сейчас же!

Джейс должен был это предвидеть. Он должен был обратить внимание на опасения Амелии, которая переживала за Мэдди. Сжимая кулаки, он глубоко вздохнул, пытаясь оценить глубину помешательства Мэттью.

— Я не знаю, в чем дело, но думаю, что тебе нужно опустить пистолет, чтобы мы могли все обсудить.

— Здесь нечего обсуждать. Я намерен избавить мир от этой мерзости — от этой убийцы. Пусть убирается прочь!

Мэттью испытывал просто ужасающую по своей силе ярость. Джейс понял, что к насилию его подтолкнули убеждения пастора Хогла. Теперь этот сумасшедший был настроен убить Мэдди — женщину, которую Джейс любил.

Несмотря на ситуацию, несмотря на ужасный момент, открытие поразило и ошеломило Джейса. Тем не менее, это только укрепило его решимость. Он защитит Мэдди, неважно, какой ценой.

— Ты готов убить меня первым? Потому что, чтобы пройти в дом, тебе придется это сделать.

Мэттью нахмурился.

— Я сделаю все, что потребуется. Мне нечего терять, — он сделал шаг вперед. — Она стоила мне всего этого.

Джейс думал о попытке разоружить Мэттью, но расстояние между ними было слишком большим. Его единственным выходом было выиграть время и подойти хоть на дюйм ближе.

— Чего она тебе стоила?

— Всего!

Голос Мэттью сломался под тяжестью эмоций.

— Она настроила Долли против меня! — из его глаз потекли слезы. — И пастора тоже! Я хотел отомстить за то, что она сделала с лицом Долли, но пастор не позволил. Он сказал, что я безумен!

Мэттью с отвращением покачал головой.

— Вот как он назвал меня, прежде чем прогнать из церкви, — он со злостью оттер слезы. — Теперь он не позволит мне забрать Долли! — его лицо окаменело. — Я собираюсь заставить эту женщину заплатить за все.

Мэттью явно был не в себе, глаза дико сверкали. Джейс уже видел таких людей в отделении неотложной помощи. Людей, настолько удаленных от реальности, настолько увлеченных своими заблуждениями, что представляли опасность для других и даже для самих себя. Большинство употребляли алкоголь, опий, или какие-то другие отравляющие сознание вещества. Здесь было по-другому.

Сознание Мэттью отравила ненависть.

Дверь за Джейсом открылась.

— Джейс?

— Вернись внутрь, Мэдди! — крикнул он через плечо.

— Что...

— Стой на месте! — приказал Мэттью.

Джейс услышал громкий вздох Мэдди, но не поддавался желанию броситься к ней. Любое внезапное движение могло спугнуть безумца.

— Иди сюда, — Мэттью махнул пистолетом в сторону Мэдди.

Мэдди прижалась к Джейсу. Он встал перед ней, прикрывая ее тело своим.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Я хочу, чтобы ты уехала.

— Мэдди, иди внутрь, — скомандовал Джейс сквозь сжатые зубы.

— Не двигайся! — Мэттью отступил вниз по лестнице крыльца, пистолет устался на них. — А теперь спускайся с крыльца.

Джейс не двигался. Мысли мчались вскачь. Сможет ли он спасти Мэдди, или они погибнут оба?

— Сейчас же! — и Мэттью выстрелил из пистолета в воздух.

Джейс постарался, чтобы Мэдди оставалась у него за спиной, помогая ей сойти с крыльца.

Через плечо Мэттью он заметил пастора Хогла, едущего по дороге. Будет ли бывший наставник помогать Мэттью или предпочтет помочь Мэдди и ему, — Джейс не знал. Но они отчаянно нуждались в помощи, и впервые он был счастлив видеть Хогла.

Пастор спешил, и Мэттью нахмурился.

— Эта семья в трауре, Мэттью. Что ты здесь делаешь? — он направился к своему протезу и замер, когда увидел пистолет. Тревога пастора показала, что помощи ждать не стоит. Он был так же напуган и удивлен, как Джейс и Мэдди.

Мэттью гордо выпятил грудь.

— Я делаю то, что нужно сделать, — ответил он. — Чего не хватает смелости сделать у тебя самого.

— Это безумие, — дрожа, прошептал Хогл.

— Она должна быть наказана за то, что сделала с Долли.

— С Долли все в порядке, Мэттью. Она...

— Но ты не позволишь мне жениться на ней! — Мэттью махнул пистолетом в сторону Мэдди. — Все из-за Мэдэлайн Саттер!

— Мэттью...

— Долли моя! Она была предназначена мне. Ее пятно — тому доказательство!

Пастор Хогл быстро кивнул.

— Да, да, мы со всем разберемся.

— Лжец!

— Я пересмотрю свое решение, Мэттью. Просто опусти пистолет и...

— Заткнись! — Мэттью сузил глаза. — Я слышал достаточно. Хватит твоих проповедей, лекций и лжи. Я посвятил тебе свою жизнь. Я делал все, что ты просил. Но ты предал меня и отверг мою преданность. Как будто все это ничего не значило. Ты сказал, что она убила твою дочь. Ты сказал, что она должна уехать.

— Я хотел, чтобы она сама уехала из города. Но не хотел навредить ей.

— Она уезжает! — крикнул Джейс. — Чемоданы уже упакованы.

Лицо пастора Хогла просветлело.

— Видишь, Мэттью. Она...

— Этого уже недостаточно. Она должна исчезнуть из этого мира.

— Ты запутался, — пастор Хогл говорил спокойно. — Ты запутался и не можешь мыслить ясно.

— А ты просто трус! Ты никого не можешь ничему учить!

Пастор Хогл вздрогнул и уставился на Мэттью, печально качая головой.

— Что с тобой случилось?

— Я стал тем, кем сделал меня ты, — Мэттью направил пистолет на пастора Хогла, его губы сжались от ярости. — И ты меня прогнал.

Он спустил курок.

Пастор Хогл бросился к нему, но было слишком поздно. Мэдди закричала, когда раздался выстрел, и мужчина упал, истекая кровью у ног Мэттью.

* * *

Мэдди уткнулась в грудь Джейса, но он снова выступил вперед, становясь между ней и Мэттью, который выпрямился, уставившись на человека, которого только что застрелил.

— Я не хотел стрелять в него, — зарыдал он. — Я хотел пристрелить ее! — он направил пистолет на Джейса, его руки дрожали. — Убирайся с дороги, или я тебя тоже убью.

— Нет! — Мэдди рванулась вперед, но Джейс не пустил. Лучше она умрет, чем позволит навредить Джейсу. — Он не имеет к этому никакого отношения!

— Мэдди...

Джейс оттолкнул ее, но она выскочила вперед.

— Ты хочешь убить меня, а не его. Делай со мной, что хочешь, но не трогай других!

— Мэттью... — пастор Хогл корчился на земле, его рука вытянулась в отчаянной мольбе.

Мэттью уставился на мужчину, на лице его была написана смесь ярости и отчаяния.

— Вы предали меня, пастор. Вы не оставили мне выбора.

Что-то в лице безумца изменилось, когда он наклонил голову. Слезы потекли по его щекам. Он сразу стал таким юным. Беспомощным. Испуганным.

В Мэдди страх боролся с жалостью. Сердце застыло в груди.

Мэттью сделал шаг в сторону Хогла, остановился возле умирающего наставника, его лицо исказила безмолвная мука. Затем, одним быстрым движением, он поднял пистолет к своему виску.

— Это для вас, пастор, — сказал он и нажал на курок.

Мэдди закрыла лицо руками и закричала, когда Мэттью упал на землю.

Джейс обнял ее, и они оба опустились на колени. Мэдди рыдала у него на плече, неудержимо дрожа.

— Все хорошо, — успокаивал ее он, хотя тоже дрожал. Спустя минуту он медленно поднялся и помог встать Мэдди. — Иди внутрь.

Он подтолкнул ее к дому, и она оглянулась, сдерживая дрожь при виде двух лежащих на земле тел, а потом направилась по лестнице к двери. Ухватившись за дверную ручку, как за

опору, Мэдди обернулась.

Мэттью был мертв, и сделать было ничего нельзя, так что Джейс бросился к пастору Хоглу. Из-за угла дома выбежал встревоженный Гил:

— Я слышал выстрелы... — начал он, а потом остановился, ошеломленный, уставившись на окровавленные тела на земле.

— Помоги мне перенести его внутрь, — сказал Джейс, а потом посмотрел на Мэдди. — Мэдди, можешь забрать мою сумку из багги?

Она кивнула, призывая на помощь рассудок. Мэдди быстро добралась до багги, а потом прошла в дом за Джейсом и Гилом, которые перенесли пастора в комнату бабушки и уложили его на кровать.

Джейс старался побыстрее расстегнуть пальто пастора.

— Он ранен в живот, — пробормотал Гил, качая головой.

Джейс порылся в сумке.

— Мне нужно чистое постельное белье, — сказал он. — И немного виски.

Гил кивнул.

— Ретта уехала в город. Я все принесу.

Он выбежал прочь, пока Джейс наполнял шприц лекарством.

Мэдди только молча наблюдала. Джейс вколол пастору снотворное, чтобы облегчить боль. Мужчина оставался в сознании, но, когда препарат подействовал, его стоны затихли.

Мэдди обняла себя руками, уставившись на умирающего человека на кровати. Его белая рубашка была пропитана кровью. Казалось, он уже умер.

— Он выживет? — спросила она.

— Пуля прошла навылет, но задела артерию, — Джейс мрачно покачал головой. — Он истечет кровью в течение часа.

— Ты не можешь ему помочь?

— У него внутреннее кровотечение. Я не могу его остановить.

Мэдди посмотрела на пастора. Жизнь покидала его, пока кровь просачивалась через повязку из раны в животе. Она подумала о бабушке и обо всем, что он пережил. Теперь другой человек умрет в этой комнате. В этой кровати. Здесь умер человек, который любил ее — и теперь умрет тот, кто презирал ее и причинил Мэдди столько страданий.

Возможно, он получил то, что заслужил.

Эта мысль не давала ей покоя. Потому что, как бы она ни хотела в это поверить, как бы она ни ненавидела его за то, что он сделал, она не могла стоять без дела, пока он умирал. Она может спасти его. Как спасла Джоуи Клири. Несмотря на болезнь крови мальчика, она заставила его сосуды зажить, и значит, могла исцелить и этого мужчину. Независимо от того, к чему это приведет, независимо от последствий. Мэдди знала, что должна.

Она повернулась к Джейсу, касаясь его руки. Его голубые глаза встретили ее. Нежность в его взгляде согрела каждую клеточку ее тела, и сердце Мэдди растаяло, когда она мысленно попрощалась с ним. Чем бы все ни кончилось, он больше никогда не будет так на нее смотреть.

Мэдди зажмурилась, чтобы не передумать.

— Ты доверишь мне, Джейс?

Джейс наклонил голову, не понимая ее странный вопрос.

— Конечно, я доверяю тебе. Более, чем кто-либо другой, — сказал он.

— Позволь мне помочь ему.

Он кивнул, похлопывая ее по руке.

— Отправь Гиля за Хоглами. Если повезет, он дождетя их.

Она покачала головой.

— Я могу помочь ему, — сказала она. — Я могу остановить кровотечение.

— Никто не может остановить...

— Я могу.

Она встала рядом с кроватью, не объясняя более ничего.

Глаза пастора Хогла распахнулись.

— Держи ее подальше от меня, — произнес он перед тем, как снова отключиться.

Мэдди удалила пропитанную кровью повязку с раны и осторожно отложила ее в сторону.

— Что ты делаешь? — спросил Джейс.

— Ты должен доверять мне. Пожалуйста.

Наклонившись вперед, она положила руки прямо на кровоточащую дыру в животе пастора. Чуть подвигав пальцами, плотно прижала ладони к окровавленной плоти.

— Давление не поможет.

Она проигнорировала его.

Джейс в замешательстве наблюдал, как Мэдди закрыла глаза. Он подошел ближе, по его позвоночнику поползла дрожь. Мэдди стояла, закрыв глаза, как будто в трансе, словно отрешившись от всего мира. По ее бледным щекам потекли слезы, и пастор шевельнулся под ее руками.

Джейс наклонился вперед, моргнул, не веря глазам. Кровь, просачивающаяся сквозь пальцы Мэдди, стала течь медленнее.

Какого черта она делала?

Сердце Джейса замерло. Он не мог пошевелиться. Не мог думать. Он мог только в ужасе наблюдать, как кровотечение прекратилось. В горле встал комок.

Мэдди убрала руки, затем взяла чистую повязку, чтобы накрыть рану. Она отступила, когда Джейс оттолкнул ее в сторону. Его руки дрожали, когда он поднял бинт.

Джейс широко распахнул глаза, не веря тому, что видит перед собой, снова моргнул, думая, что сошел с ума. Однако его зрение не обманывало его, и реальность была сокрушительной, как поезд, сошедший с рельс.

Рана зажила.

— Боже всемогущий, — Джейс повернулся к Мэдди, сердце его колотилось. Он смотрел на нее, ошеломленный и безмолвный, пытаюсь подобрать слова. — Что?..

Мэдди сделала шаг навстречу.

Он сделал шаг назад.

— Как?..

Она пожала плечами, покачав головой.

— Я не знаю...

— Как? — Джейс сделал шаг вперед, его обуял гнев.

— Я не знаю! После аварии что-то изменилось. Я как-то сидела и растирала раненую ногу и вдруг почувствовала что-то странное. Она зажила. Я не знаю, как.

Он покачал головой, пытаюсь осознать то, что слышит.

— Я хотела тебе сказать.

Джейс буквально впился в нее глазами.

— Ты хотела мне рассказать? — почти закричал он.

Мэдди промолчала.

— Но вместо этого ты обманула меня. Держала в неведении. Все это время.

Ее ложь разъедала его, уничтожая все то хорошее, что было между ними. Эта женщина, которую Джейс — как он думал — хорошо знал, теперь вдруг показалась ему незнакомкой.

Ум Джейса лихорадочно метался.

Переступив с ноги на ногу, он спросил о самом логичном:

— Мои пациенты?

Она опустила глаза.

— Ты лечила моих пациентов? — он уставился на Мэдди в шоке. — Ты лечила моих пациентов у меня под носом.

Он не отводил взгляда, кулаки сжались.

— Ты сделала из меня дурака!

Мэдди покачала головой.

— Я просто хотела помочь, — в ее глазах стояли слезы. — Я не могла тебе сказать. Я хотела защитить тебя. Я просто хотела... хотела... быть как все.

— Но ты — не как все! — в нем полыхал гнев, Джейс не понимал, что говорит. — У тебя все совсем не как у всех!

Эта правда причинила ему физическую боль. Душевную. Заставила болеть самое его существо. Он больше не мог сдерживать свою обиду.

— Все это время я защищал тебя. Пытался убедить людей, что они ошибались насчет тебя. Что ты — нормальная. Но ты — не нормальная, ты какой-то... уродец!

Легкий вскрик боли заставил Джейса прийти в себя. Но было слишком поздно. Он моргнул, грудь его вздымалась. Выражение боли на ее лице сказало ему, что он зашел слишком далеко.

Мэдди расправила плечи и собралась с силами. Она подняла дрожащий подбородок.

— Я не урод, — твердо заявила она. — Я просто женщина со способностью, которую ты не понимаешь. И ты только что подтвердил, что я была совершенно права, когда не стала тебе рассказывать.

Мэдди отвела взгляд от его лица и выбежала за дверь.

* * *

Слезы жгли глаза, когда Мэдди побежала прочь от дома — от этого выражения на лице Джейса. Его взгляд преследовал ее даже далеко в поле, и он ранил даже больше, чем оскорбительные слова. Этот взгляд... она могла вынести такое отвращение в глазах любого другого — всех остальных — но не его.

Она бежала по высокой траве, поднимаясь на небольшой холм к кладбищу. Дойдя до забора, огораживающего надгробия, Мэдди прижалась к обветренному каменному столбу и опустила на колени.

Все закончилось. Ее секрет раскрыт. У нее не было выбора, и она сделала то, что должна была сделать. Человек умирал, и она спасла его. Мэдди подавила горький смех. Ей лучше бы уже сидеть в поезде на Бостон, когда пастор придет в себя.

Не то, чтобы его реакция имела для нее значение. Ей было наплевать на всех этих людей, кроме Джейса. Честный, логичный, здравомыслящий Джейс. Она перевернула его мир с ног на голову. Джейс проведет остаток своих дней, ненавидя ее и пытаясь понять, как она это делала. Как прикосновения простой девушки в считанные мгновения заживили артерию и остановили кровь.

Все это время он считал ее странным случаем, который надо изучить. Ну, она дала ему достаточно материала для анализа.

Боль от потери Джейса, от потери его дружбы, поцелуев, его заботы ударила в нее рикошетом. Мэдди хотела коснуться его так сильно, что на мгновение ей показалось, что она умирает. Но она не умрет. Она выживет.

Мэдди взглянула на свежий холмик земли, который обозначал могилу дедушки. Память о его словах звенела в ушах.

Тебе придется найти в себе силы, девочка, и ты их найдешь.

Мэдди уселась на траве, успокаиваясь. Она должна покинуть город как можно скорее. Мэдди закончила паковать вещи и могла бы уехать уже утром. А до тех пор она будет скрываться от посторонних глаз. Хотя ей было наплевать на Хогла и на то, что произойдет, когда все поймут, что именно она сделала, у нее не было сил снова столкнуться с Джейсом. Да и вряд ли он будет ее искать.

Она никогда не забудет того страшного взгляда, которым он посмотрел на нее, когда понял, на что она способна. И Мэдди понимала, что и он тоже этого никогда не забудет.

* * *

Джейс сидел, уставившись на крепко спящего в кровати пастора. Беспокойные мысли заставляли сердце биться в груди. Что сотворила Мэдди? Он покачал головой, чтобы очистить разум.

Она исцелила пастора.

Он нахмурился. Так же, как, вероятно, исцелила лошадь в ту ночь на озере. И Джоуи Клири. И кто знал, скольких других. Джейс запустил руку в волосы.

— Черт побери! — прорычал он сквозь зубы.

Всплеск гнева заставил его подняться на ноги. Он быстрым шагом прошел в гостиную и взял со стола бутылку портвейна мистера Саттера. Одним длинным глотком Джейс допил то, что там осталось.

Все эти недели он думал, что знает ее. Он думал, что любит ее. Но она была не той, кем он ее считал. Сегодня он, казалось, знал ее не больше, чем в первый раз, когда увидел в лесу. Сладкий вкус портвейна щипал горло. Олень... он ранил оленя выстрелом в то утро, и она исцелила его.

Он упал в кресло, опустив голову на руки. Все, что он знал о жизни, о науке и разуме, Мэдди развеяла — как ветер развеивает засохшие листья. Но он чувствовал, что не это ранит его так сильно, а ее обман. Она не доверяла ему настолько, чтобы сказать правду. Она позволяла ему продолжать защищать ее и заботиться о ней. Любить ее.

И теперь Джейсу придется иметь дело с пастором Хоглом. Хоть пастор и был под действием лекарства, он вряд ли поверит, что рана ему привиделась.

Что, черт возьми, теперь будет с Мэдди?

Пройдя по дому в тишине, Джейс вернулся в спальню, чтобы проведать пастора. Как и ожидалось, он еще крепко спал. Ретта вернулась из города и уведомила, что Гил пошел за семьей пастора. Мэдди нигде не было видно.

Джейс выбросил мысли об обмане из головы. У него не было на них времени. Как только придут Хоглы, он должен будет им что-то сказать.

Услышав шум, возвещающий о приезде семьи пастора, Джейс сделал глубокий вдох и вышел к гостям.

Гертруда держала Даниэля за руку, она была на грани истерики. Долли, как обычно, тихо стояла за ними.

— Он выживет, — объявил Джейс.

Общий вздох облегчения вырвался из их глоток. Гертруда крепче схватила Даниэля за руку.

— Мэттью мертв, — сказал Джейс.

Тяжелая тишина заполнила комнату, когда Долли сделала шаг вперед и подняла подбородок.

— По крайней мере, Мэдэлайн теперь в безопасности от его безумия.

— Оставь свои волнения для дяди, а не для нее, — прошипела Гертруда.

Джейс нахмурился, подавляя желание защитить Мэдди, даже сейчас, когда в голове творилась сумятица.

— Вы можете подождать в гостиной, — сказал он. — Я дам знать, когда он проснется. Его пока нельзя перемещать, но он поправится.

Джейс придумает объяснение выздоровлению пастора позже, а сначала ему нужно было понять, как много помнит его пациент.

Глаза пастора Хогла распахнулись, но он не пошевелился. Джейс наблюдал, как мужчина моргает, пытаясь сосредоточиться. Джейс дал ему сильное успокоительное, и когда пастор снова заморгал так, будто комната вокруг него вращалась, стало очевидно, что он все еще дезориентирован.

— Где я нахожусь?

— Вы в доме Саттера, — сказал Джейс.

— Я что, умираю?

— Уже нет, — Джейс потянулся к стетоскопу, проверил сердцебиение и посчитал пульс пастора. Мужчина потерял много крови, но пульс был хороший.

— Он убил ее?

Джейс застыл со стетоскопом на шее. Итак, пастор об этом помнил.

— Если вы имеете в виду Мэдэлайн, ответ — нет. Вместо этого он выстрелил в вас, — Джейс нахмурился, не в силах подавить свою горечь. — Прямо перед тем, как направил пистолет на себя.

Пастор Хогл закрыл глаза.

— О, Мэттью, — произнес он.

— Итог вашего обучения, — Джейс ничего не мог с собой поделать. Весь этот случай был виной пастора — он отравил сознание юноши ненавистью, но не задумался о последствиях.

Пастор Хогл взглянул на свой перевязанный живот.

— Вы извлекли пулю? — спросил он.

— Не было необходимости, — Джейс думал о том, что, черт возьми, ему сказать. Он был врачом и никогда раньше не лгал пациенту. В конце концов, он дал клятву. — Пуля прошла навывлет. Вы потеряли много крови. Вам нужно отдохнуть. Пусть подействует лекарство. Ваша семья ждет снаружи, и вы можете увидеться с ними позже после того, как придете в себя.

Джейс направился к двери.

— Доктор Меррик?

Он остановился и повернулся к пастору лицом.

— Я умирал. Я почувствовал это.

Он кивнул.

— Да, пастор, вы умирали.

Глаза пастора Хогла закрылись, и он снова уснул.

* * *

Через несколько часов пастор Хогл проснулся. Вопрос у него был один:

— Что случилось?

Джейс пожал плечами, не совсем уверенный, как ответить.

— Скажите мне, что вы помните.

— Мэттью выстрелил в меня.

— Да, так и было.

— Но... — Пастор Хогл положил руки на живот. — Я не чувствую никакой боли.

Никакой боли вообще.

— Хотел бы я объяснить вам, но не уверен, что смогу объяснить это самому себе.

— Она что-то сделала, не так ли?

Джейс нахмурился.

— Черт возьми, ее зовут Мэдэлайн! — он сжал кулаки. — И да, она что-то сделала. Она спасла вам жизнь.

Пастор Хогл покачал головой, словно не веря.

— Я думал, что мне приснилось.

— Вам это не приснилось. Вы истекали кровью. И Мэдди залечила дыру в вашем животе.

Брови пастора Хогла поднялись в изумлении.

— Как?

— Все, что я могу вам сказать, это то, что вы живы сейчас только благодаря ей...

— Демон.

— Вы — самодовольный сукин сын, — сказал Джейс сквозь зубы. — Даже сейчас, после того, что она сделала для вас, как вы можете считать ее злом?

— Я расскажу им, кто она такая...

— Вы можете это сделать, да, — сказал Джейс, пытаясь сдержать свой гнев. — И после того, как вы объясните, что она сделала, чтобы спасти вашу жизнь, вы можете рассказать всем, что случилось с Мэттью.

Пастор поморщился, отводя глаза.

— Ваша ненависть сделала это с бедным парнем. Ваша озлобленность. Вы отравили его слабый и уязвимый ум своими обвинениями и клеветой. Вам придется жить с этим.

Пастор Хогл покачал головой.

— Я так старался понять смысл смерти моей Элизабет. — Джейс замер, удивленный его словами. Пастор стер с глаз слезы. — Почему Мэдэлайн Саттер выжила, когда моя Элизабет умерла?

— Это был несчастный случай. — Джейс подошел на шаг ближе. Он решил сказать правду, сейчас только она должна была урезонить безутешного отца. — Ваша дочь правила коляской. Если кто и несет ответственность, так это она.

Глаза пастора широко раскрылись.

— Это ложь! Я никогда не позволял ей править коляской!

— Наверняка.

— Элизабет не ослушалась бы меня, — он покачал головой, но во взгляде не было убежденности.

— К сожалению, в тот день она это сделала.

Пастор содрогнулся от сдавленного рыдания.

— И вы винили Мэдди, потому что она выжила, — сказал Джейс. — Она позволила вам винить ее, чтобы сохранить память вашей дочери.

— Доктор Филмор приходил ко мне после моей проповеди в тот день, — пробормотал пастор.

— Что?

— После дня, когда она появилась в церкви, Филмор сказал мне, что совершил ошибку, объявив ее мертвой, и хотел все исправить, — он опустил глаза. — Я убедил его, что человек высокой квалификации никогда не допустил бы такой ошибки, — его голос был полон

сожаления. — В то время я в это верил.

Джейс сделал глубокий вдох.

— Вы были неправы.

Пастор закрыл глаза, и слеза скатилась по его щеке. Отвернувшись, он прижался к подушке щекой, оплакивая свое горе.

Джейс не стал его утешать. Он не хотел.

— Мэдди сотворила настоящее чудо, но она — не создание зла.

— Но как...

— Не знаю, — сказал Джейс, качая головой. — Я знал, что вы умираете. И она могла сохранить свои способности втайне и позволить вам умереть. Но вместо этого она рискнула всем, чтобы спасти вас — человека, одержимого ее уничтожением. Человека, чья смерть облегчила бы ей жизнь. Без пастора, несущего факел ненависти перед толпой, люди могли бы найти свой путь к принятию. Эту женщину вы называете демоном.

Джейс сдерживал эмоции, поднимающиеся внутри.

— Я не знаю, как и почему она спасла вам жизнь. Но она сотворила чудо.

Джейс услышал звук своих собственных слов, как будто их произнес кто-то другой. Каким же лицемером он был, каким трусом. Как он мог сам отвергать то, что говорил другим? Что бы он ни сказал пастору, глубоко внутри Джейс знал правду. Он знал ее и то, что чувствовал в своем сердце.

— Вы обязаны Мэдэлайн своей жизнью, — сказал Джейс.

Пастор открыл глаза, признавая поражение.

— И как ты предлагаешь мне погасить этот долг?

— Делая то, что правильно, — сказал Джейс. — Мэдди одарена способностью, которую понять нам пока не под силу. Я — человек науки. И если я могу попытаться принять это, не должны ли вы, как человек веры, сделать то же самое?

Джейс оставил пастора отдыхать и выскользнул через заднюю дверь. Ему нужно было побыть одному. Ему нужно было подумать. Пытаясь выплеснуть свою энергию, он разглядывал знакомые виды, деревья, слушал птиц — и все это было нормальным. Мир вокруг него остался неизменным, и все же все было по-другому. Полотно его жизни дало прореху.

Он шел по пышной лужайке, пока не добрался до озера. Джейс уставился на рябь воды, вихрь мыслей снова вернул его к тому, что он видел в той комнате. К тому, что сделали маленькие руки Мэдди.

Отец Джейса говорил о людях, которые называли себя целителями, о случаях, когда болезни исцелялись простым прикосновением руки. Джейс считал такие случаи мистификацией, совпадениями или внушением самих пациентов. Разум побеждал болезнь.

Человеческий мозг был мощным органом, наполненным мыслями и идеями — и неиспользованным потенциалом.

Мэдди использовала этот потенциал. Мог ли ее дар быть следствием травмы? Возможно ли, что боль от потери друзей и чувство вины выжившего могли создать внутреннюю силу эмоций, которая проявлялась в чем-то материальном, физическом?

Джейс покачал головой. Не то, чтобы это имело значение. Он все еще едва мог в это поверить. Все это казалось сном. Вспоминая свою реакцию, он сходил с ума от чувства вины.

Он был сбит с толку и боялся того, что сделала Мэдди, и в своем одурманенном состоянии оскорбил ее. Он сжал кулаки, ненавидя себя за то, что причинил ей боль.

Джейс обвинил ее в предательстве, но как он мог обвинить ее в том, что она скрывала от него свой секрет? Она знала, что он — скорее всего — откажется верить в ее способности. Мэдди знала, что ее дар оскорбляет все, во что он верит. Он был ее единственным другом, и она боялась его потерять.

И он доказал, что она была права в своем страхе. Неудивительно, что она ему не доверяла.

В груди Джейса поселилась боль.

Мэдди исцеляла его пациентов, но, если подумать, мог ли он винить ее в этом? Она не стояла без дела, пока страдали люди. Он предпочел бы, чтобы она осталась в стороне? Джейс был уверен, что Мэдди не собиралась его обманывать. Он загнал ее в угол, когда настоял, чтобы она работала в его офисе. Он уже тогда знал, что она особенная. Джейс рассмеялся при мысли о том, каким преуменьшением было это слово.

Он вспомнил отца, пока пытался разобраться в чуде, которое сотворила Мэдди. Он вдруг понял, что не ему объяснять то, чего он не понимает. И не его смыслом жизни является поиск ответов на вопросы, которые ставит перед ним реальность — поиск вопреки всему, отказавшись от самой жизни, чтобы посвятить себя изысканию разгадки.

Как сделал его отец.

Мэдди однажды сказала Джейсу, что он всего лишь человек. Мужчина — и хороший человек. Слова принесли ему такое утешение в тот день. Одно лишь воспоминание о ее нежном голосе согревало его до сих пор.

Конечно, она ненавидела его сейчас. Горький холод настоящего ударил его, как порыв

ветра. Мэттью мог убить Мэдди сегодня. Мысль наполнила Джейса страхом, который потряс его до глубины души.

Всю свою жизнь Джейс боялся любви, потому что она была нелогичной, иррациональной реакцией на физическое желание. Мэдди научила его, что страх — это чертовски плохое оправдание для того, чтобы не принимать действительность. Внезапно все стало предельно ясно. Чудесная способность Мэдди исцелять не уничтожит его.

А вот ее потеря может.

* * *

Решительный стук в дверь спальни сказал Мэдди, что это Джейс, даже до того, как он заговорил.

— Открывай, Мэдди, — приказал он.

Ей так хотелось спрятаться от него. Сердито вздохнув, Мэдди собралась с силами и распахнула дверь.

— Чего ты хочешь?

Он прошел мимо нее в комнату.

— Объясни мне кое-что.

— Я не могу объяснить, — ответила она. — Если бы я могл...

Он приблизился.

— Объясни мне, как фиктивная помолвка стала чем-то, что я хочу сделать реальным?

Искреннее выражение его красивого лица ошеломило ее. Мэдди растаяла, из глаз закапали слезы.

— Что...

— Выходи за меня, Мэдэлайн.

Слова подняли ее из глубин мрака, но она сопротивлялась этому спасению. Джейс действовал не просто так — всегда. Она наклонила голову, снова падая в бездну.

— Потому что ты хочешь изучать меня, как крысу?

— Потому что я люблю тебя, черт возьми!

Мэдди с недоверием покачала головой.

Джейс ухватил ее за плечи и удержал на месте.

— Я не знаю, как ты это сделала, — сказал он. — И меня это не волнует.

— Не волнует?

Он пожал плечами.

— Ладно, я слегка заинтригован, — сказал он с улыбкой.

Она тоже улыбнулась.

— Но все, что меня действительно волнует, это ты. Я люблю тебя, Мэдди. Такой, какая ты есть. Не женщину, которой ты была до катастрофы, не женщину, которой ты так стараешься стать — а ту, кто ты сейчас.

Она безмолвно смотрела на него.

— Ты пожертвовала всем. Ты спасла пастора, не побоявшись раскрыть свою тайну и разрушить свою жизнь. Для этого потребовалось настоящее мужество.

Мэдди покачала головой.

— Я не думала об этом, — честно сказала она. — Я думала только о тебе, — она уткнулась лицом ему в грудь. — Имело значение только то, что я потеряю тебя.

Он поцеловал ее в макушку.

— Ты как-то сказала мне, что пока я не осознаю, что логика и наука не определяют всего в этой жизни, я не буду по-настоящему жить.

Она отступила, глядя ему в глаза.

— Я наконец-то готов жить, — Джейс прижал лоб к ее лбу. — И я хочу жить с тобой.

Мэдди чувствовала себя словно во сне.

— Я люблю тебя, Джейс Меррик, — сказала она, крепко обнимая его.

Он страстно поцеловал ее.

— Что насчет пастора Хогла? — спросила Мэдди, затаив дыхание.

— Я не верю, что он расскажет кому-нибудь, что произошло в той комнате. Но это больше не имеет значения. Мы покидаем Мисти Лейк, как только я соберу вещи.

— А как насчет твоей практики?

— Я могу работать где угодно. Я не могу снова рисковать твоей безопасностью. Я не буду. — Она улыбнулась, любя его еще больше. — Никто больше не причинит тебе вреда. Это касается и меня, — тень грусти омрачила его чело. — Я не имел в виду то, что наговорил тебе, Мэдди. У тебя есть способности. Дар исцеления.

— Как и у тебя, — сказала она. — Прости меня...

— Тебе не нужно мое прощение. Или кого-то еще, разве ты не видишь? Та катастрофа не была твоей виной. Единственное прощение, в котором ты когда-либо нуждалась, было твое собственное.

Джейс поцеловал ее в лоб, и она кивнула под его губами.

— У меня есть теория, что, возможно, именно отсюда исходит эта сила. Твоя вина проявилась в чем-то, что...

— Джейс, — она покачала головой, смеясь сквозь слезы. — Ты ведь не пытаешься это проанализировать, правда?

Он улыбнулся.

— Нет. У нас есть целая жизнь, — он поцеловал ее снова. — Моя милая Мэдди, — проговорил он ей на ухо. — Моя милая, замечательная Мэдди.

Мэдди обняла его от всей души.

— Хоглы и я скоро уедем. Мы отвезем пастора домой, но я вернусь так быстро, как смогу.

— Могу я присоединиться к вам? — спросила она.

Он покачал головой.

— Я бы хотел этого больше всего на свете, но мы поедем на коляске.

Мэдди думала об этом всего минуту. Она почти потеряла любимого мужчину. Ее страх снова поехать в коляске был ничем по сравнению с этим. Она выпрямила спину, чувствуя себя готовой ко всему.

— Оставь место для меня, дорогой, — она блеснула улыбкой. — Я больше не боюсь.

Месяц спустя

Мэдди и Джейс наслаждались славным медовым месяцем в Саратога-Спрингс. Хотя их свадьба была простой по сравнению со свадьбой Амелии, церемония на берегу Мисти Лейк была прекрасной.

Мэдди сидела на скамейке в одном из прекрасных садов Конгресс-парка, дав отдых ноге и ожидая Джейса. Он пошел за лимонадом к тележке, мимо которой они прошли недавно, и теперь Мэдди спрашивала себя, что его так задерживает.

Глядя на разноцветные клумбы, она вспоминала события, произошедшие в Мисти Лейк месяц назад. Пастор Хогл полностью выздоровел, и, как и предсказывал Джейс, единственным его упоминанием о Мэдди впоследствии было то, что она помогла Джейсу спасти его жизнь.

Простого заявления было достаточно.

Доктор Рид заменял Джейса во время их долгого медового месяца. Джейс хотел, чтобы Мэдди сама решила, возвращаться ли в Мисти Лейк или нет. Пока она склонялась к тому, чтобы уехать, но еще не решила. Но где бы они с Джейсом ни решили остаться, они будут работать в его офисе вместе, особенно с пациентами, которые получили травму.

Джейс прочитал дневник, который она вела после аварии, и почувствовал, что метод, который Мэдди использовала для преодоления последствий своей травмы, мог помочь облегчить страдания других.

Мэдди очень хотела помочь ему усовершенствовать технику. Она отчаянно желала найти себе подобных, людей со странными и удивительными способностями, которые невозможно объяснить. Вместе, она и Джейс, работали бы и над этой тайной.

Она выпрямилась на скамейке, заметив Джейса. Ее сердце билось быстрее каждый раз, когда Мэдди смотрела на него. Он обошел высокий ряд изгородей, и она заметила рядом с ним ребенка. Мэдди с любопытством ждала, пока они приблизятся.

— Это Аннабель, — сказал Джейс.

Мэдди взглянула на девочку: ей не могло быть больше семи лет. Скулы выступали под ее бледной кожей, а темные круги обрамляли глубокие глаза. Ее светлые волосы были настолько тонкими, что Мэдди могла видеть кожу головы вокруг розовой шляпки, прикрывающей макушку девочки.

Мэдди отогнала прочь сочувствие, заставив себя улыбнуться.

— Приятно познакомиться, Аннабель, — сказала она. — И позволю себе заметить, у тебя замечательное платье.

Аннабель склонила голову. Девочка казалась потерянной среди ярусов кружев и оборок. Джейс похлопал ее по костлявому плечу.

— Аннабель и ее семья приехали на лечебный источник, — сказал он. — Ее мать была так добра, что позволила ей немного погулять с нами.

— Это было очень мило с ее стороны, — честно сказала Мэдди, признательная женщине за то, что позволила чужим людям провести с малышкой драгоценное время. Она оглянулась на девочку, которая застенчиво стояла рядом с Джейсом. — Я слышала, там за деревьями есть фонтан.

Аннабель заглянула через плечо туда, куда указала Мэдди.

— И я слышала, что это волшебный фонтан.

Тусклые глаза девочки вспыхнули, когда Мэдди продолжила:

— Волшебство в том, что, если вы бросите монету в заколдованную воду, ваше желание сбудется, — Мэдди наклонилась. — Не хочешь попробовать?

Малышка кивнула, от нетерпения ее бледное личико засияло.

Мэдди потянулась к кошельку и достала монетку.

— Твое желание должно быть особенным, если ты хочешь, чтобы магия сработала, — предупредила она, когда положила монету в ладошку Аннабель.

Девочка снова кивнула.

— Спасибо, мисс, — прошептала она, крепко сжимая монетку. — Думаю, я знаю одно особенное желание.

Мэдди взглянула на Джейса, и он кивнул ей.

Она поднялась, от любви сердцу в груди было тесно.

— У меня тоже есть особенное желание, — сказала она, снимая перчатки. — Почему бы тебе не взять меня за руку, милая? — спросила она у девочки с улыбкой. — И мы вместе загадаем наши желания.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

notes

небольшой лёгкий автомобиль высокой проходимости для езды по несильно пересеченному бездорожью. Изначально — спортивный экипаж, фаэтон в конном спорте.

Женская домашняя одежда свободного покроя, род халата.

общее название для некоторых красных вин Бордо, а также, в более широком понимании, сухих красных вин бордоского типа, производимых за пределами Франции.

командная игра, где участники забрасывают лошадиные подковы на колышки. Колышки от игроков располагаются на расстоянии в 12 метров.

речь идет об обычных картофельных чипсах, которые первоначально назывались «чипсы Саратова» по названию ресторана, где их придумали.

транспортное средство для междугородной перевозки пассажиров, а также вид междугородного общественного транспорта. Многоместная карета на конной тяге, перевозившая пассажиров и почту.

бальный танец французского происхождения. Первоначально так называлась нижняя юбка. В дальнейшем это название закрепилось за танцем, во время которого были видны нижние юбки.

белоснежные цветки померанцевого дерева. Померанцевый цветок — традиционная часть свадебного убора невесты, например, в виде венка или же свадебного букета